

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship

International Scientific Periodical

N°17/4

Moscow 2019

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства

Международный научный журнал

№ 17/4

ВЯР

Москва 2019

Advisory Board:

H. EICHNER (Vienna) / Chairman
W. BAXTER (Ann Arbor, Michigan)
V. BLAŽEK (Brno)
† M. GELL-MANN (Santa Fe, New Mexico)
L. HYMAN (Berkeley)
F. KORTLANDT (Leiden)
A. LUBOTSKY (Leiden)
J. P. MALLORY (Belfast)
A. YU. MILITAREV (Moscow)
V. F. VYDRIN (Paris)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)
G. S. STAROSTIN (Managing Editor)
T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)
A. V. DYBO
S. V. KULLANDA
M. A. MOLINA
M. N. SAENKO
I. S. YAKUBOVICH

Founded by Kirill BABAEV

Редакционный совет:

Х. АЙХНЕР (Вена) / председатель

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Париж)

† М. ГЕЛЛ-МАНН (Санта-Фе)

Ф. КОРТЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

Дж. МЭЛЛОРИ (Белфаст)

А. Ю. МИЛИГАРЕВ (Москва)

Л. ХАЙМАН (Беркли)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

А. В. ДЫБО

С. В. КУЛЛАНДА

М. А. МОЛИНА

М. Н. САЕНКО

И. С. ЯКУБОВИЧ

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2019. — № 17/4. — x + 86 с.

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2019. — No. 17/4. — x + 86 p.

ISSN 2219-3820

<http://www.jolr.ru/>
gstarst@rinet.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 10.12.2019. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 12,6. Заказ № 779.
Тираж 1050 экз.

Издательский центр
Российского государственного гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	viii
Note for Contributors / Будущим авторам	ix

Articles / Статьи

<i>Anton Kogan</i> . On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects	263
[<i>А. И. Коган</i> . О возможном влиянии дардских языков и языка бурушаски на северозападные диалекты тибетского языка]	
<i>Anastasiya Krylova</i> . Areal features of the 110-item wordlist of the Indo-Aryan languages of the South Odisha	285
[<i>А. С. Крылова</i> . Ареальные особенности 110-словного списка по индоарийским языкам Южной Одиши]	
<i>Maria Molina</i> . Degrees of comparison in Hittite and Luwian	297
[<i>М. А. Молина</i> . Степени сравнения в хетто-лувийских языках.]	
<i>Е. А. Ренковская</i> . История одного послелога: проблемы этимологического анализа элементов послеложно-падежной системы в новоиндийских языках	310
[<i>Evgeniya Renkovskaya</i> . The story of one postposition: etymological analysis issues with certain elements of the postpositional system in New Indo-Aryan languages]	
<i>М. Н. Саенко</i> . Праславянские лексемы *r̥rsi и *gr̥dъ: семантика и этимология	319
[<i>Mikhail Saenko</i> . Proto-Slavic *r̥rsi and *gr̥dъ: semantics and etymology]	
<i>А. А. Трофимов</i> . К вопросу об отражении долгих слоговых сонантов в латинском языке	341
[<i>Artem Trofimov</i> . On the reflexes of long syllabic consonants in the Latin language]	

Contributors

Anton KOGAN — candidate of sciences (Philology), researcher, Department of Asian and African languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), kogan_anton@yahoo.com

Anastasiya KRYLOVA — researcher, Department of Asian and African languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), krylova_anastasi@bk.ru

Olga MAZO — researcher and senior professor, Department of History and Philology of the Far East, Institute of Eastern Cultures and Antiquity, RSUH (Moscow); professor, Institute of Eastern Cultures and Antiquity, HSE (Moscow), olga_mazo@list.ru

Maria MOLINA — junior researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), maria.lakhuti@gmail.com

Evgeniya RENKOVSKAYA — junior researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); research assistant, Institut Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), jennyrenk@gmail.com

Mikhail SAENKO — candidate of sciences (Philology), junior researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, veraetatis@yandex.ru

Artem TROFIMOV — researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, RANEPА (Moscow), artemii.trofimov@gmail.com

Сведения об авторах

КОГАН, Антон Ильич — канд. филол. наук, науч. сотрудник Отдела языков Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва), kogan_anton@yahoo.com

КРЫЛОВА, Анастасия Сергеевна — научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), krylova_anastasi@bk.ru

МАЗО, Ольга Михайловна — науч. сотрудник, ст. преп. кафедры Истории и филологии Дальнего Востока ИВКА РГГУ (Москва), доцент Института классического Востока и античности ВШЭ (Москва), olga_mazo@list.ru

МОЛИНА, Мария Александровна — младший научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва), maria.lakhuti@gmail.com

РЕНКОВСКАЯ, Евгения Алексеевна — младший научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва), лаборант-исследователь Института востоковедения РАН (Москва), jennyrenk@gmail.com

САЕНКО, Михаил Николаевич — канд. филол. наук, мл. науч. сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), veraetatis@yandex.ru

ТРОФИМОВ, Артем Александрович — научный сотрудник Лаборатории востоковедения и сравнительно-исторического языкознания ШАГИ РАНХиГС (Москва), artemii.trofimov@gmail.com

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute for Oriental and Classical Studies
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: gstarst@rinet.ru

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at gstarst@rinet.ru.

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: gstarst@rinet.ru

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прилагается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru> или же непосредственно, обратившись к редакции по электронной почте (gstarst@rinet.ru).

On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects

The Northwestern fringe of the Tibetan-speaking area, now forming a part of the Jammu and Kashmir state of India and of Pakistani-controlled Northern Areas, was in the past an area of intensive ethnic and language contact. This contact resulted in the linguistic assimilation of the local pre-Tibetan population by the Tibetans. More than a century ago it was hypothesized that this pre-Tibetan population may have spoken a certain Dardic language. The article attempts to check this hypothesis through the etymological analysis of the vocabulary of Northwestern Tibetan dialects. The results of this analysis suggest the existence of a significant Indo-Iranian, probably Dardic, lexical stratum, as well as of numerous lexemes borrowed from some early form of Burushaski. The author seeks to define the dialectal distribution of Indo-Iranian and Burushaski loanwords in the area under study.

Keywords: language contact; linguistic substratum; Tibetan dialects; Ladakhi language; Balti language; Purik language; Dardic languages; Burushaski language.

Introduction

It is well known that the now vast and extensive Tibetan-speaking area came into being at a comparatively recent date, i.e. in the 7th–9th centuries. Its formation was the result of the expansion of the Tibetan Empire and of the subsequent spread of the Tibetan language into originally non-Tibetan territories. This fact suggests that the existence of pre-Tibetan substrata in different groups of Tibetan dialects may be hypothesized.

Such a hypothesis was probably first formulated more than a century ago by the renowned German Tibetologist August Hermann Francke for the Ladakh region. According to Francke (1907), this area situated on the northwestern fringe of historical and linguistic Tibet was populated by the two ethnic groups, namely the Mons and the Dards, in pre-Tibetan times. The exact origin of the former group remains unclear, while the Dards were considered to be related to the inhabitants of eastern Hindu Kush and western Karakoram valleys, including Gilgit¹. Francke also argued that this “Dardic” population had left an ethnic trace in the Ladakh of his times, its last remnant being the dwellers of several remote villages preserving their original language (Francke 1906). These people undoubtedly belonged to the ethnic group that is nowadays called Brokpa. The Brokpas live in Ladakh to this day, residing in certain areas of Leh and Kargil districts², and speak Brokskat, a Dardic language closely related to Shina. Although Francke’s theory was put forth very long ago and is still accepted by some Tibetologists³, no systematic attempts to verify it nor to define its linguistic implications have been made thus far. The purpose of the present article is to make a first step in this direction, and thus to throw light on the ethnic and linguistic composition of Ladakh and adjoining areas in the pre-Tibetan period.

---

¹ A. H. Francke once supposed that the Mons could have been “an Indian tribe” (Francke 1907: 20). The term “Dards”, nowadays denoting the speakers of Dardic languages, in Francke’s times was used mainly geographically and could be applied e.g. to Burushaski-speakers and even to the Tibetan-speaking population of Baltistan.

² Both districts are now part of the Jammu and Kashmir state of India.

³ Among recent publications see e.g. Zeissler 2010.

Testing Francke's hypothesis

First of all, it should be noted that the above-cited theory can hardly be accepted in full because it seems to contradict certain linguistic facts. The etymological study of Brokskat vocabulary yields us some hints as to the Brokpa people's past, and what we learn from these data seems to be inconsistent with some of Francke's ideas. The Brokskat lexicon contains a considerable number of Persian and Arabic loanwords, some of which were attested in the earliest descriptions of the language made by European scholars, cf., e.g., *qodā* (Shaw 1878: 46), *khodā* (Francke 1905: 94) 'god' < Persian *χodā*; *barkhad* 'blessing' (Francke 1905: 101) < Persian *barakat* < Arabic; "*nasīb*" 'fate' (Shaw 1878: 46) < Persian *nasīb* < Arabic; *darbār* 'assembly' (Francke 1905: 96) < Persian *darbār* '(royal) court, assembly'. The presence of such loanwords cannot be attributed to the influence of Urdu, the present-day official language of the area. It was only in the second decade of the 20th century when the actual spread of Urdu in different spheres of social life began in Ladakh. So this language was not widely known and used in the region at the time of Francke's fieldwork (i.e. between 1896 and 1909), not to mention the period when the author of the first grammatical sketch of Brokskat, Robert Barkley Shaw,⁴ served in Ladakh as the British joint commissioner. Anyway, even the influence of the official language can hardly convincingly account for the borrowing of Persian and Arabic religious terms⁵ into a dialect whose speakers are Buddhists. The most plausible explanation for this astonishing fact is probably the assumption that the Brokpas had been, if not Muslims themselves, at least strongly influenced by Islamic culture⁶ before migrating to Ladakh and converting to Tibetan Buddhism in this region. In such a case, however, the Brokpa migration can by no means predate the Tibetan conquest of the 8th century.

It is noteworthy in this connection that the Brokpas, according to their own historical tradition, migrated to Ladakh from Gilgit (Francke 1907: 37–38). This story, however, should not be taken at face value. Glottochronological calculations show that Brokskat separated from the closely related Shina early in the 1st millennium A.D. (Kogan, Vasilyev 2013), while there is strong reason to believe that the language of the Gilgit valley was at that time Burushaski (Jettmar 1975). The geography and chronology of the Brokpas' migrations is still a puzzling issue, but what can be stated with certainty at the current state of our knowledge is that their movement to the present-day habitat could not have immediately followed the split of Proto-Shina-Brokskat, but must have been separated from the latter by many centuries.

Revisiting the issue of Tibetan-Dardic contact

It can be plainly seen that the above facts are hardly consistent with Francke's hypothesis that pre-Tibetan inhabitants of Ladakh were the ancestors of the modern Brokpas. But does this really mean that the issue of Dardic ethnic and linguistic substratum in the area is no longer relevant? There are some reasons to answer this question in the negative. Archaeological excavations, conducted under Francke's guidance, showed that prior to the expansion of the Tibetans, Ladakh was populated by people belonging to the Caucasoid race and possessing certain

⁴ This sketch is included in the above-mentioned work (Shaw 1878). R. B. Shaw lived in Ladakh and collected Brokskat material in 1870s.

⁵ In addition to the foregoing examples we may quote e.g. *šaitān* 'demon' < Persian *šaitān* 'devil, Satan' < Arabic.

⁶ The use of Persian as a literary language, along with the use of Arabic as the language of religion, is the characteristic feature of Muslim culture in the region in question. That is why the presence of certain Persian borrowings in Brokskat may also be considered as evidence of the erstwhile influence of Islam on its speakers.

cultural traits, e.g. burial practices, similar to those of the Dardic- and Burushaski-speaking population of the Hindu Kush and Karakoram valleys (Francke 1906; 1907). This cultural and physical-anthropological similarity is, strictly speaking, of no relevance to comparative linguistic studies, but nevertheless, it might well have resulted from ethnic affinity, which in many cases implies genetic relationship of languages. In this regard it should also be pointed out that the easiest route of migration into Ladakh is along the Indus, i.e. either from the South-East, where the population is linguistically Sino-Tibetan and belongs to the Mongoloid race, or from the North-West, where the people speak Dardic languages and Burushaski, and are racially Caucasian. This fact alone suggests that the existence of Dardic and/or Burushaski ethnic elements in pre-Tibetan Ladakh as well as Dardic and/or Burushaski substrata in the local Tibetan dialects can by no means be ruled out.

The possibility of Dardic- and Burushaski-Tibetan language contact is also supported by certain typological peculiarities of Northwestern Tibetan dialects. They possess a number of features at different levels of language structure, which bring them closer to the languages of the Hindu Kush-Karakoram region, as opposed to Old and Classical Tibetan. In Ladakhi⁷ such features include the presence of cerebral consonants (stops and sibilants), the threefold contrast of deictic pronouns (cf. *i*, *di* ‘this’, *ote* ‘that (within sight)’, *te* ‘that (out of sight)’⁸ vs. the twofold opposition *’di* ‘this’ – *de* ‘that’ in Classical Tibetan), and the word order where a demonstrative pronoun precedes the noun it modifies (cf. *te khi* ‘that dog’ vs. Classical Tibetan *khyi de*). It is worth noting that the aforementioned typological traits are also characteristic of the Tibetan varieties spoken to the North and West of Ladakh and conventionally grouped under the names Balti and Purik⁹. Moreover, these varieties show certain additional “non-Tibetan” traits shared by the Dardic languages and Burushaski, namely, cerebral affricates¹⁰ and the typical position of an adjective before the noun it qualifies (cf. Balti, Purik *di čhogo nakpo khi* ‘this **big black** dog’ vs. Classical Tibetan *khyi nag-po chen-po ’di*)¹¹.

It should, however, be understood that the above features alone can hardly be a decisive argument in favor of Dardic or Burushaski influence. Most of them are found in many lan-

⁷ The term “Ladakhi”, as it appears in literature, seems to be somewhat ambiguous. It may be used for the dialect of Leh, the political center of Ladakh, as well as for all the Tibetan dialects spoken in the Leh district of Jammu and Kashmir. The features listed here are, however, found in all or most of the Ladakhi dialects.

⁸ Similar systems are found in Dardic languages. Cf., e.g., Kashmiri *yi* ‘this’, *hu* ‘that (within sight)’, *su* ‘that (out of sight)’, Khowar *haiya* ‘this (near, present)’, *hes* ‘that (remote, present)’, *hasa* ‘that (more remote, absent)’, Pashai *ae(m)* ‘this’, *(a)sə* ‘that (within sight)’, *o(m)* ‘that (anaphoric)’ (Grierson 1919; Morgenstierne 1967).

⁹ Historically Balti was the name of the Tibetan dialect spoken in and around the town of Skardu, nowadays the capital of the district with the same name in the Gilgit-Baltistan territory of Pakistan. The name Purik (or Purki) was traditionally used for the dialect of the Kargil town and its environs, now in the Indian state of Jammu and Kashmir. The speakers of these two and a number of adjoining dialects are, unlike Ladakhis and Tibetans, Muslims by religion, and at present the names Balti and Purik are sometimes used as umbrella terms for Tibetan varieties spoken by the Muslim population of Pakistani-controlled Gilgit-Baltistan and Indian-controlled Kargil district respectively.

¹⁰ Balti, Purik and Ladakhi cerebrals (stops, affricates and sibilants) in inherited words usually reflect certain Old Tibetan consonantal clusters.

¹¹ One more feature, alien to other dialects, is found in Balti and Purik verbal systems. It is the use of the imperative stem for forming the Prohibitive. In the rest of Tibetan the latter is formed from the present stem. The German scholar Bettina Zeissler attributes this peculiarity of Muslim varieties to the substratum interference (Zeissler 2004: 344–345). Anyhow, this feature also unites both Purik and Balti with Burushaski and Dardic languages. It is remarkable that in this case linguistic typological similarity is coupled with the cultural and physical-anthropological one. Balti- and Purik-speakers share with their non-Tibetan western and northern neighbors not only a common religion, i.e. Islam, but also many traits of material culture and to some extent even a common racial type, a significant fraction of them being Caucasians.

guages belonging to different language groups and families, e.g. Indo-Aryan, Iranian or Dravidian, while some are characteristic of larger world regions¹². The most convincing evidence for intensive contact between particular languages is undoubtedly not typological similarity but the existence of numerous common lexical isoglosses. The issue of possible non-Tibetan influence on the vocabulary of Northwestern Tibetan dialects is still extremely poorly studied¹³. In the past the main cause of such a situation was the lack of material. Nowadays things have changed. Dictionaries of Balti (Sprigg 2002) and Ladakhi (Abdul Hamid 1998; Norman 2010) dialects, compiled and published within the last 20-odd years, can provide a relatively rich lexical material. In the following section I list the results of the etymological study of this material, conducted with a view to identifying possible Burushaski and Indo-Iranian¹⁴ elements in it.

As the main data sources I used Richard Keith Sprigg's "Balti-English English-Balti dictionary" (Sprigg 2002) and "A dictionary of the Language Spoken by Ladakhis" by Rebecca Norman (Norman 2010). The latter dictionary, unfortunately, available only as an unpublished draft, contains a wealth of lexical data not only from Ladakhi but also from the Purik and Balti dialects. For the Purik data, "A grammar of Purik Tibetan" by Marius Zemp (Zemp 2018) was also consulted. Words of supposedly Burushaski or Indo-Iranian origin, found in these sources, were checked for etymological parallels in other varieties of Tibetan. For this purpose Heinrich August Jäschke's Tibetan-English dictionary (Jäschke 1881) was employed. It includes a good number of lexical items, peculiar to western regions of linguistic Tibet. All such items are marked with specific labels, e.g. *Bal.* (Balti), *Ld.* (Ladakh), *Lh.* (Lahaul), *Pur.* (Purik), *W.* (Western Tibet). The absence of one of these labels in a particular entry is likely to suggest that the area of geographical distribution of the respective lexeme is not confined to Western Tibet, and its being borrowed from a language of the Hindu Kush-Karakoram region does not thus seem probable. Naturally, such lexemes were not included in the following list. Sources of Burushaski, Dardic and Iranian material are specified in each entry of the list. Indo-Aryan and some Dardic etymologies were taken from "A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages" by R.L. Turner (Turner 1966).

A list of possible Indo-Iranian and Burushaski loanwords in Northwestern Tibetan dialects

1. Balti *ashi* 'responsibility, someone responsible', *ashipa* 'owner, master, husband, Lord' (Sprigg 2002: 22), Purik *ashipa* 'owner, husband (said by the wife)' (Norman 2010: 1081). Cf. Burushaski (Nagir) *di-ási* 'überlegen sein, überwältigen' (Berger 1998b: 23).

¹² This holds true for the word order in the noun phrase with demonstratives and adjectives preceding the noun.

¹³ This is particularly the case with the dialects of Ladakhi. On Balti and Purik some research has been done which demonstrated the existence of a number of lexical isoglosses common to these varieties and Burushaski (Lorimer 1939; Zemp 2018).

¹⁴ I intentionally do not confine myself to detecting possible Dardic loanwords only. Dardic is not the only branch of the Indo-Iranian subfamily, to which the languages, that have influenced Northwestern Tibetan dialects, may have belonged. Some Indo-Aryan languages are spoken in Western and Central Himalaya to the southwest of Ladakh, and the population of the western part of the present-day Xinjiang, bordering upon Ladakh and Gilgit-Baltistan, was in the past Iranian-speaking. For this reason, the presence of Indo-Aryan and Iranian (other than Persian) borrowings in Ladakhi, Purik and Balti cannot be ruled out. It should, however, be kept in mind that the Northwestern Tibetan regions are much more easily accessible from the Dardic-speaking area, than from the Iranian and Indo-Aryan-speaking ones, the latter two being separated by the world's highest mountain ranges, the Himalaya and the Karakoram.

2. Ladakhi *asur* ‘mustard seed as a spice used in Ladakhi pickle’ (Norman 2010: 1073). Cf. OIA *āsuri* ‘*Sinapis ramosa*’, Sindhi *ahuri* ‘mustard seed’, Lahnda *ôhur*, *ahūr*, *āhur*, Punjabi *āhur*, Hindi-Urdu *āsuri* ‘mustard’, Kashmiri *āsoru* ‘mustard plant, *Sinapis ramosa*’ (Grierson 1915–1932: 51).

3. Balti *baan* ‘man or men who sing religious songs and foretell the future’ (Sprigg 2002: 24). Cf. Kashmiri *wan-*, Indus Kohistani *ban-* ‘to say’, Kalasha *bandek* ‘1. to teach; 2. to announce so as to inaugurate, to order or command’ (Trail, Cooper 1999: 27), OIA *vandate* ‘praises, worships’, Av. *vañd-*, Khotanese *van-*, Parthian *wynd-* ‘to praise, honor, worship’.

4. Balti *balbul* ‘tepid’ (Sprigg 2002: 25), Ladakhi *mala-mule* ‘lukewarm, tepid’ (Norman 2010: 687). Jäschke 1881: *mal-la-mul-le* Ld. lukewarm, tepid. Cf. Burushaski *bulbulo* ‘lukewarm (of water)’ (Lorimer 1938: 87), Shina *būbūlū* ‘tepid’ (Bailey 1924), Indus Kohistani *bubūl* ‘lukewarm (water)’ (Zoller 2005: 315).

5. Balti *bar-ban* ‘window (in a wall), glass-pane window’ (Sprigg 2002: 26), Purik *barban* ‘window’ (Zemp 2018: 945). Cf. Brokskat *barban* id. The element *bar-* is probably connected with PII **dwar-* ‘door’ (cf. OIA *dvār-* ‘door, gate’, Av. *duuar-* ‘gate’). In many Dardic languages the derivatives of this root have the meaning ‘window’: Pashai *darī*, Gawar-Bati *derī*, Kalasha *durík*, Phalura *darúri*, Indus Kohistani *darī*, Shina *daríi*, Kashmiri *dār*. Cf. also Burushaski *dari* ‘window’ (Lorimer 1938: 114). The element *-ban* may be etymologically identical to Balti *ban* ‘fence’ (Sprigg 2002: 25), which also seems to be of Indo-Iranian origin (cf. OIA *bandha-* ‘border, framework, damming’).

6. Balti *basanda* ‘dandelion’ (Sprigg 2002: 27). R.K. Sprigg compares this word with Hindi-Urdu *basanti* ‘yellow (the color of spring blossoms, such as those of the mustard-plant)’. This etymology, however, implies the unexplained loss of the final long *ī* by borrowing. From the viewpoint of historical phonology, the more probable source of the Balti lexeme seems to be an Indo-Iranian form related to OIA *vāsanta-* ‘vernal, pertaining to spring’ (with subsequent semantic change ‘vernal’ > ‘a spring flower’ > ‘dandelion’). Cf. also OIA *vasanta-*, Shina *bazōn*, Phalura *basānd*, Bashkarik *basan*, Torwali *basān*, Kalasha *bāsun*, Khowar *bosun*, Pashai *wahān(d)*, Gawar-Bati *wasand* ‘spring’.

7. Balti *bat* ‘boiled mixture of germinated grain flour and ordinary flour (made during Ramzan)’ (Sprigg 2002: 27). Cf. OIA *bhakta-* ‘food; boiled rice’, Khowar *bot* ‘evening meal’, Kalasha *batay* ‘flour taken to be eaten in high pastures’ (Trail, Cooper 1999), Shina *bat*, Bashkarik *batt*, Torwali *bāt*, Kashmiri *bati*, Lahnda, Punjabi *bhatt*, Hindi-Urdu, Nepali, Gujarati, Marathi *bhāt* ‘boiled rice’, Burushaski *brase bat* ‘plain, boiled rice’, *alue bat* ‘mashed potatoes’ (Lorimer 1938: 73), Wakhi *bat* ‘wheat flour gruel’, Ishkashimi *bat*, Shughni *bāt*, Munji *bātāk* ‘ritual food made of wheat flour and butter, cooked in water or milk’ (Steblin-Kamensky 1999: 95).

8. Balti *bekar* ‘court singer and dancer who improvises poems and songs’ (Sprigg 2002: 28), Ladakhi *beda* ‘member of the caste that used to be itinerant musicians’, *bemo* f. (Norman 2010: 640–641). Jäschke 1881: ‘*be-dha* a class of itinerant musicians W. Sprigg compares the Balti word with Hindi-Urdu *bhik(h)ārī* ‘beggar’, which does not seem semantically convincing, and in addition implies the unnecessary separation of Balti and Ladakhi forms. All the three words in question are clearly derivatives of a common root sounding as *be-*.¹⁵ This root might have been borrowed from some Indo-Iranian language where it was a reflex of PII **wād(i)ya-* ‘music, musical instrument’ (cf. OIA *vādya-* ‘musical instrument, music’, *vādyakara-* ‘musician’, *vādayati* ‘plays a musical instrument’, Punjabi *vajjā* ‘musical instrument’, Hindi-Urdu *bājā* ‘music’, Kashmiri *waz-* ‘to sound (of bell, clock etc.)’, *wāy-* ‘to play a musical instrument’, Shina (Guresi) *baž-* ‘to strike (of a gong etc.)’, Ossetic *wadyñz* ‘flute, panpipe’ < **vādāničī* (Abaev 1989: 35)).

¹⁵ In Ladakhi *-mo* is a productive suffix indicating the female gender.

The phonological development in the donor language seems to have passed through the intermediate stage **bāiṃya-* with the change **w > b*¹⁶ and the drop of intervocalic *d*. Both processes are characteristic of many Indo-Iranian languages of the region. Burushaski *berits* ‘musician, bandsman; craftsman’ (Lorimer 1938: 75) may also contain the aforesaid root.

9. Balti (Khaplu dialect) *boṣoq* ‘calf’ (Norman 2010: 604). Cf. Burushaski *buṣóoṣo* (Hunza, Nagir), *bóṣo* (Yasin) id. (Berger 1998b: 65). It is evident that the Balti word is phonologically closer to the Burushaski ones than to Tibetan *be-to* ‘calf’.

10. Balti *bwaar* ‘watermelon’ (Sprigg 2002: 35). Cf. Shina *buār* (Bailey 1924), Burushaski (Hunza, Nagir, Yasin) *buar* id. (Berger 1998b: 60).

11. Balti, Purik *cancan*¹⁷ ‘naked’ (Sprigg 2002: 40; Zemp 2018: 926; Norman 2010: 288). Cf. Khowar, Kalasha *čan* id.

12. Ladakhi *cancil, chancil* ‘the green outer shell or fruit of walnut’ (Norman 2010: 267). Jäschke 1881: *can-cil* W. the green shell of a walnut. Cf. Burushaski *čanjil*¹⁸ (Nagir, Hunza), *čanjil* (Yasin) ‘die grüne äussere Schale der Walnuss, Häutchen zwischen den Teilen des Walnusskerns’, Shina *cháćil* id. (Berger 1998b: 96).

13. Balti *cangti* ‘drop’, Purik, Ladakhi (Shamskat and Leh dialects) *cangti* ‘leak in a roof’ (Norman 2010: 267). Cf. Burushaski *čan man-*, Shina *cháćhan-* ‘(Wasser) sickern, herabfliessen’ (Berger 1998b: 97).

14. Balti *ceri*, Ladakhi *cari* ‘bedbug’ (Sprigg 2002: 41; Norman 2010: 266). Jäschke 1881: *ca-ri* W. bug. Cf. Khowar *čari* id., Burushaski *čari, čiri* ‘Heimchen, Grille’ (Berger 1998b: 86, 89), OIA, Pali *cīrī* ‘cricket’.

15. Balti *cha* ‘millet’ (Sprigg 2002: 41), Ladakhi (Shamskat dialect) *cha* ‘a variety of millet, a cereal grain which was grown in Ladakh in the past, but very little now’ (Norman 2010: 290). Cf. Burushaski *cha* (Nagir, Hunza), *ča* (Yasin) ‘Hirse, Kolbenhirse, Setaria italica’ (Berger 1998b: 95).

16. Balti, Purik *chal* ‘overflow, spill over’, Ladakhi (Leh and Shamskat dialects) *chal-ces* ‘to splash, to spill over’ (Sprigg 2002: 41; Norman 2010: 297). Cf. OIA *kṣarati, kṣalati* ‘flows, trickles’, *kṣālayati* ‘washes’, Proto-Iranian **xšar-* ‘to flow’¹⁹ (> Persian *šārīdan* ‘to trickle’, (*āb*)*šār* ‘waterfall’, Ossetic *äxsärdzän* ‘waterfall’ (< **xšar-čana-*), Middle Persian *Xšart* ‘the river Jaxartes’ (Livshits 2003)), Kashmiri *čhalun* ‘to wash’, *čhar* ‘a sprinkle of water etc. from the fingers’, Gawar-Bati *čhār* ‘rapids in a stream’, Phalura, Indus Kohistani *čhār*, Bashkarik, Kalasha *učhār*, Shina *čhar* ‘waterfall’.

17. Balti *chon* ‘vain’ (Sprigg 2002: 43), Purik *chon* (“tʰon”) ‘useless, in vain, unfounded’ (Zemp 2018: 109), Ladakhi *chon* ‘spontaneously, for no reason, gratuitously; in vain, for nothing, to no avail, useless; free, for free, at no cost’ (Norman 2010: 310). Jäschke 1881: *chon* W. useless, to no purpose. Cf. Burushaski *čan* (Hunza), *čan* (Yasin) ‘leer (Schüssel), unterbeschäftigt, ohne Arbeit, frei’ (Berger 1998b: 106), Shina *čhon*, Phalura *čheniko*, Bashkarik *čan*, Kashmiri *čhon*, Gawar-Bati *čhēnika*, Pashai (Kurangali dialect) *čhāni* ‘empty, void’. R. L. Turner (1966: 189) compares the Dardic words with the reconstructed OIA verb **kṣaṇati* ‘is sifted, is strained, falls’. Semantically, however, this comparison does not seem convincing. The vowel *o* in the Ladakhi, Balti and Purik forms does not indicate that the source of borrowing must necessarily

¹⁶ This is not the only example of this change in our material. On the same process, see s.v. *baan* and *basanda*.

¹⁷ For transcribing Northwestern Tibetan words the standard Tibetological transcription is used with *c* and *ch* conveying voiceless palatal and voiceless palatal aspirated affricate respectively, and *ts* and *tsh* standing for their dental counterparts. Dardic and Iranian material is transcribed in another way: *č, čh* mark palatal affricates and *c, ch* are used for dental ones.

¹⁸ In H. Berger’s notation *ć* and *čh* stand for Burushaski voiceless palatal and voiceless palatal aspirated affricate respectively.

¹⁹ On this Iranian root see e.g. Rastorgueva, Edelman 2007.

have been the Shina or Kashmiri word. It may be the result of an independent phonological change in the donor language (cf. the change $a > o$ before n in the above-cited Balti word *tshon* ‘injury’).

18. Balti (Skardu dialect) *chum* ‘bunch; muscle of thigh’ (Norman 2010: 318). Cf. Burushaski *ču* ‘ear (of corn), bunch (of grapes)’ (Lorimer 1938: 101), Indus Kohistani *cuī* ‘a bunch of grapes or other fruits’ (Zoller 2005: 166).

19. Balti, Purik, Ladakhi *culi* ‘apricot’. Jäschke 1881: *cu-li, co-li* W. ‘a fresh apricot’. Cf. Burushaski *ju*, Shina *joroiti*, *žūri*, Khowar *žūli*, Gawar-Bati *žižorī*, Kashmiri *cēr*, Kati *cirə*, Askun *cirā*, Prasun *čirē*, Wakhi *čwan*, Ishkashimi *čwewend*, Munji *čirəy* ‘apricot’.

20. Ladakhi *darak*, Purik *deraq* ‘stiff, hard’ (Norman 2010: 438). Cf. Kashmiri *dor* ‘firm, hard, strong, compact, durable, solid’, *darun* ‘to become steady (of something in motion), to become firm, to stand steady’ (Grierson 1915-1932: 238, 246), Pashai *d(h)ar-*, Wotapuri *dar-*, Phalura *dháara-* ‘to remain, stay’, Torwali *dērī* ‘they remained’, Khowar *dorik* ‘hold back, wait, keep’, Hindi, Punjabi *dharnā* ‘to keep’, Gujarati *dharvū* ‘to hold, catch’, OIA *dhārayati, dharati* ‘holds, keeps’, Avestan *dāraiiēhi* ‘(you) hold’. The prototype of the Ladakhi and Purik word in the donor language may be reconstructed as **dāraka-* (< PII **dhāraka-*). It is not quite clear if Balti *ḍalaq* ‘stiff, hard (of leather, cloth)’ (Sprigg 2002: 183) could have been borrowed from the same source.

21. Balti *ḍen* ‘sulphur’ (Sprigg 2002: 183). Cf. Burushaski *dāncil* ‘Schwefel, findet sich in Schwefelquellen, die als heilkräftig gelten’, Shina *dančál* id. (Berger 1998b: 114). The Shina word may be a loan from Burushaski. The final element *-čil* in Burushaski is probably etymologically identical to *čil* ‘water’. The original meaning of the Burushaski word may thus have been ‘water of a sulphur spring’.

22. Balti *ḍiangs* ‘hard (of soft things that have become hard, bricks, food, etc.)’ (Sprigg 2002: 183). Cf. Burushaski *ḍaṅ* ‘hard’ (Lorimer 1938: 112), Khowar *ḍaṅ* id.

23. Ladakhi (*l*)*ḍim*, Purik *ḍim* ‘trunk (of a tree), stem (of a plant)’ (Norman 2010: 473), Balti *ḍim(s)* ‘trunk (of a tree)’ (Sprigg 2002: 183). Jäschke 1881: *drim* ‘stump, trunk, of a tree or plant deprived of top and branches’ *Ld.* Cf. Burushaski *-ḍim* ‘Körper, Person, Selbst, (Nagir) Halm (des Getreides)’ (Berger 1998b: 132), Shina *ḍim* ‘body, trunk of tree’ ([Bailey 1924], Indus Kohistani *ḍim* ‘body (of a living being)’ (Zoller 2005: 223), Khowar *ḍim*, OIA *ḍimba-* ‘body’.

24. Balti (Skardu dialect) *dom* ‘sadness, trouble, difficulty, adversity’ (Norman 2010: 493). Cf. Shina *dāmizhār* ‘adversity, trouble’ (Bailey 1924), Burushaski *ḍam(i)jar* ‘trouble, inconvenience, worry’ (Lorimer 1938). The Shina word is most probably the source for the Burushaski one, and may be related to OIA *damayati* ‘tames, subdues’, Ossetic *domyn* ‘to tame; exhaust; demand’.

25. Balti *ḍuhum, ḍuhung* ‘large hole in a field, old tree, among rocks’ (Sprigg 2002: 183). Cf. Bashkarik *ḍoñ* ‘hole’ (Morgenstierne 1940), Indus Kohistani *ḍuñg* ‘a pit, hole (in the earth), depression, hollow’ (Zoller 2005: 223).

26. Ladakhi *Galcik, galcik, galtsik, rgalcik, (G)alcilik* ‘lizard’ (Norman 2010: 214).²⁰ Jäschke 1881: *rgag-cig* a large grey species of lizard *Ld.* Cf. Burushaski *ḡárqas, ḡálqas* ‘Eidechse’ (Berger 1998b: 172), *ḡalgú* (Hunza, Nagir), *ḡalgó* (Yasin) ‘Würmchen, Larve, Made, Raupe’ (Berger 1998b: 167). Also cf. the following word.

27. Ladakhi *galto, galṭo* ‘centipede (Shamskat dialect), a big type of spider (Leh dialect)’ (Norman 2010: 214). Cf. Burushaski *galtaṣ* ‘centipede’ (Lorimer 1938: 159), Shina *galaác*, Indus Kohistani *galāṣ*, Phalura *kalighāṣ* id. (Zoller 2005: 141).

28. Balti, Purik *gaṭ* ‘knot, joint of body’ (Sprigg 2002: 58; Zemp 2018: 64), Ladakhi (Leh dialect) *changgat* ‘knee-joint’ (Norman 2010: 313). Cf. OIA *granthi-* ‘knot’, *granthayati* ‘ties’,

²⁰ In Norman’s transcription G is used to denote voiced uvular fricative.

Hindi, Bengali, Marathi, Gujarati *gāṭh*, Punjabi, Lahnda *gaṇḍh*, Sindhi *g'aṇḍhi*, Middle Persian *grih*, Persian *giriḥ*, Khotanese *grratha*, Soghdian *γr'nš*, Ishkashimi *γureṣ*, Ossetic *ælxync'*, Kalasha, Phalura *grhēṇḍ*, Indus Kohistani *gār*, Brokskat *gaṭhi* 'knot', Pashai *gaṭanā* 'joint', *gaṭh*- 'to tie', Burushaski *gaṭ* 'Knoten (auch im Stengel von Pflanzen), Knöchel (des Fingers)' (Berger 1998b: 150). Ladakhi *gat* 'obstacle, tripping up' (Norman 2010: 241) may also belong here.

29. Purik *gaṭo* 'half-roofed daytime pen for cows, horses, etc.', Ladakhi (Western subdialects of Shamskat *gaṭo* 'cattle yard or pen, corral' (Norman 2010: 159). Originally 'a place where cattle are collected'? Cf. Burushaski *gaṭi* 'assembled, collected, together' (Lorimer 1938: 164), Shina *gāṭi* 'together'.

30. Balti *gra-a*, Purik *gra*, 'goitre' (Sprigg 2002: 68; Norman 2010: 247). Cf. Shina *gaáro*, Burushaski *gáaro* id. (Berger 1998b: 164). It is not quite clear if the Shina and Burushaski words are connected in any way with OIA *gaḍu-* 'excrescence on neck, goitre, hump on back', Khowar *gurūli*, Kashmiri *gaḍur* 'goitre'.

31. Balti *gzar* 'to flow' (Sprigg 2002: 72), Purik *zar* id., Ladakhi *zar-ces*, *dzar-cas* 'to drip, to run down, to trickle out' (Norman 2010: 790). Cf. Av. *γžar-* 'to flow', Ossetic *žzælyn* 'to pour down, drip', OIA *jhara-* 'waterfall', *jarī* 'river', Prakrit *jharāi* 'drips', Hindi *jharnā* 'to ooze, trickle away' < PII **gjhar-* < PIE **d^hg^{wher-}*²¹ (Cheung 2007: 124).

32. Purik *yut*, Ladakhi *gut* 'deaf, a deaf person; feeble, weakened', Balti *gut* 'mute' (Norman 2010: 215). Cf. Burushaski *yuṭ* 'taub', *yoṭ* (Yasin) 'stumm' (Berger 1998b: 182), Shina *kūṭu* 'deaf' (Bailey 1924).

33. Balti *hal* 'goal (sports)' (Norman 2010: 1064; Sprigg 2002: 74). Cf. Burushaski *hāla* (Hunza, Nagir), *hal*, *hālu* (Yasin) 'Tor (beim Polo)', Shina *hal*, Khowar *haḷ* id. (Berger 1998b: 187).

34. Balti *hal* 'strength', *halcan* 'fine, strong, well-fed, healthy (animals)' (Sprigg 2002: 74), Ladakhi *halcan* 'robust, strong, healthy' (Norman 2010: 1058). Jäschke 1881: *hal-med* W. weak. Cf. Burushaski *halél*, Shina *halal* 'Fett' (Berger 1998b: 187).

35. Balti *handam* 'deaf and dumb' (Sprigg 2002: 74), Purik *handan* 'deaf, dumb' (Zemp 2018: 72), Ladakhi *handang*, *handang* 'stunned, speechless; mute, unable to speak; mentally retarded, mentally disabled' (Norman 2010: 1057). Jäschke 1881: *han-ldang* W. 1. dumb, mute. — 2. imbecile, weak of mind. Cf. Burushaski *han ḍam* 'simple and stupid, honest and simple' (Lorimer 1938: 193), *handám* 'einfaltig, treuherzig-dumm, Einfaltspinsel', Shina *handám* id. (Berger 1998b: 189).

36. Ladakhi (Shamskat dialect) *harip* 'a musical instrument with an oboe-like double reed, used for non-religious music' (Norman 2010: 1055), Balti *harip* 'special kind of music played in the palace courtyard before a polo match' (Sprigg 2002: 75). Jäschke 1881: *ha-rib* Ld. music. Cf. Burushaski *hərip* 'music, tune' (Lorimer 1938), Shina *hārip* 'Şiṇā music' (Bailey 1924), Indus Kohistani *haríp^h* 'a tune, melody' (Zoller 2005: 409).

37. Balti *haritham* 'small centipede' (Sprigg 2002: 75). Jäschke 1881: *ha-ri-tsam* Pur. centipede. Cf. Burushaski *híriman* (Hunza, Nagir), *hírmen* (Yasin) 'Insekt, dem Tausendfüssler ähnlich' (Berger 1998b: 200). The etymological connection between the Balti and Burushaski words is highly probable, although their exact prototype is not quite clear.

38. Balti *kaḍik* 'small branches' (Sprigg 2002: 82), Ladakhi *kaṭik* 'branches and leaves of trees as fodder for animals in the spring' (Norman 2010: 4). Cf. Kati *kāṭ* 'branch', Kalasha *kaṭ* 'board' (Trail, Cooper 1999), Shina *kāṭ* 'wood', Kashmiri *kāṭh* 'wood', *kāṭh* 'small stick', Lahnda, Punjabi, Hindi-Urdu, Kumauni, Nepali, Gujarati *kāṭh*, Sindhi *kāṭhī* 'wood', др.-инд. *kāṣṭha-* 'piece of wood', *kāṣṭhikā-* 'small piece of wood'.

²¹ PII **gjhar-* and PII **kšar-* (> OIA *kšar-*, Proto-Iranian **xšar-*) may reflect two different variants of the same Proto-Indo-European root (Rastorgueva, Edelman 2007).

39. Ladakhi, Purik *kale* ‘revenge’ (Norman 2010: 79; Zemp 2018: 940]. Cf. Kashmiri *kal* ‘longing, regret, yearning; worry, worrying, anxiety; thought, consideration, calculation’ (Grierson 1915–1932: 433), Shina, Burushaski *káalan* ‘Erwägung, Berücksichtigung’ (Berger 1998b: 237), Shina *kalyóik̄i* ‘count, number, consider as abuse’ (Bailey 1924: 146), Indus Kohistani *kālāō* ‘to count’ (Zoller 2005: 107–108), OIA *kalayati* ‘counts, thinks’. For the semantic change ‘to count’ > ‘to revenge’ cf. the English idiom *to square accounts* or the verb *to reckon* in the meaning ‘to settle scores’, cf. also Russian *rasschitat’s’a* (*рассчитаться*) ‘to retaliate’ with the same root as *schitat’* (*считать*) ‘to count’. It cannot be ruled out that the immediate source of Ladakhi and Purik *kale* in the donor language was semantically influenced by some cognate of Shina *kāl̄i* ‘fighting’ (Bailey 1924: 146), Indus Kohistani *kāȳli* ‘a fight; a war’ (Zoller 2005: 101) and OIA *kali-* ‘strife, quarrel’.

40. Purik, Ladakhi *kares*, *karas* ‘a local type of pea with three corners’ (Norman 2010: 6). Cf. Burushaski (Hunza, Nagir, Yasin) *gark* ‘Erbsen’, *γarāš* ‘Lathyrus sativus Linn., eine Saatplatterbse’ (Berger 1998b: 148, 170), OIA *kalāya-* ‘a sort of pea’, Nepali *kerāu* ‘pea’, Hindi-Urdu *kerāw*, *kirāu* ‘Pisum arvense’, Kashmiri *kar̄i* ‘the pea Pisum sativum’.²² Ladakhi *kerze* ‘lentils’ (Norman 2010: 16) may also belong here. The final element *-ze* in this word is probably etymologically identical with the Classical Tibetan suffix *-ze* found, e.g. in *bram-ze* ‘Brahmin’ (< OIA *brāhmaṇa-*), *zhim-ze* ‘sweetmeats’ (cf. *zhim-pa* ‘well-tasted, sweet-scented’).

41. Purik *karkaṭi*, Ladakhi (Western subdialects of Shamskat dialect) *khaskhaṭi*, ‘ant, ants’ (Norman 2010: 111). Cf. Burushaski (Nagir, Hunza) *karaáto* ‘Art Insekt’ (Berger 1998b: 242), *karklanas* ‘a kind of spider (which has a big body and long legs and bites)’ (Lorimer 1938: 229), Shina *karaáto* ‘Art grosse giftige Spinne’ (Berger 1998b: 242), Khowar *kroyunu* ‘large biting bug’. A contamination of two phonetically similar but etymologically different words may have taken place in the donor language.

42. Balti *kelak*, *kyalak* ‘twisted’ (Sprigg 2002: 82). Cf. Tirahi *kóola*, Pashai *kōlā*, Shumashti *kolāṅṭa*, Khowar *koli*, Bashkarik *kōl*, Torwali *kōl*, Phalura *kūulo*, Shina *kōlu* ‘curved, crooked’ < Proto-Dardic, PII **kaula-* (> Proto-Iranian **kaura-* > Khotanese *kūra-* ‘crooked’ (Bailey 1979: 62)). The prototype of the Balti word in the donor language may have sounded **kaulak* or **kolak* and reflected an old formation with the *-k-* suffix. The irregular development of the first syllable vowel is probably due to the influence of some derivative of Tibetan *’khyil-ba* ‘to wind, to twist’.

43. Balti (Skardu) *khila*, *khela*, Purik *khila* ‘sandals’ (Norman 2010: 155). Cf. Indus Kohistani *kharpā* ‘wooden sandals’ (Zoller 2005: 121), Kashmiri *khraṅv*, Punjabi, Hindi-Urdu *kharaṅū*, Nepali *kharāu* id. < **kāṣṭhapādukā-* (Turner 1966: 159).

44. Balti (Skardu dialect) *khudu*, (Khaplu dialect) *khutu* ‘small room’, Ladakhi (Shamskat and Nubra dialects) *khutu* ‘hut, cottage; thatched roof’ (Norman 2010: 112). Cf. OIA *kuṭi-* ‘hut’, Khowar *kutu* ‘a small room, a cabin, an apartment’ (Sloan 1981: 102), Kalasha *kuṭú* ‘temporary small shelter near one’s fields’ (Trail, Cooper 1999: 179), Indus Kohistani *kuṭkī* ‘a small house or hut close to a mosque in which the Maulvi and his pupils live’ (Zoller 2005: 113), Shina *gut* ‘tent’ (Bailey 1924: 142), Burushaski (Hunza, Nagir) *guṭi*, (Yasin) *kuṭú* ‘Hütte’ (Berger 1998b: 163), Wakhi *kəṭa*, *kuṭa* ‘hut, shelter, small house’ (Stebelin-Kamensky 1999: 220). Cf. also the reflexes of Proto-Iranian **kata-* ‘house’, for which the contamination with the aforementioned root seems to be possible: Wakhi *ktič*, Ishkashimi *k(v)rič*, Munji *krič(a)* ‘a hut on the summer pasture’ (Stebelin-Kamensky 1999: 212). The ultimate source of the Wakhi, Dardic and Tibetan words may well have been Burushaski, though for the OIA *kuṭi-* a Dravidian origin was also suggested (Mayrhofer 1992: 362).

²² It is unclear if the Ladakhi word can have anything to do with some Dardic words for millet: Gawar-Bati *kāraz*, Savi *kāraž*, Kalasha *kāras*.

45. Balti *khut* ‘short (speech, etc.); small (area)’, *kot ci*, *koṭ ci* ‘a short while’ (Sprigg 2002: 91, 93). Cf. Burushaski *khut*, Shina *khuto*, Khowar *iskurdi* ‘short’.

46. Ladakhi *kit-ces* ‘to catch, seize, capture’ (Norman 2010: 82). Since the initial *k* in Central Ladakhi dialects (including Leh) may reflect earlier *g* (Zemp 2006), the verbal root *kit-* may be compared with Bashkarik *gītā* ‘took, bought’, Woṭapuri *gat* ‘took’, Gawar-Bati *gūtīm* ‘I took’ < **gr̥pta-* < **gr̥b-ta-* (cf. Vedic *gr̥bhñāti* ‘takes, catches’, Avestan *gərəβnāiti* ‘gains, obtains’, Vedic *gr̥bdha-*, Avestan *garapta-* ‘taken’). According to R.L. Turner, in some Middle and New Indo-Aryan languages the past participle reconstructed as **ghr̥pta-* has replaced the regular *gr̥bdha-* (Turner 1966: 244). In certain cases, the reflex of this form began to function as the new present, future or infinitive base (cf. Prakrit fut. *ghattissam*, inf. *ghittum*, *ghettum*, Oriya *ghitibā* ‘to take, carry’, Konkani *ghettā* ‘takes’).

47. Balti *kóḍos* ‘rounded stone, cobble-stone’ (Sprigg 2002: 93). Cf. Burushaski *guyos* ‘grinding-stone’ (Lorimer 1938: 176). In Burushaski *y* is a voiced retroflex spirant.²³ It regularly reflects intervocalic *ḍ* in Indo-Iranian loanwords (Berger 1998a: 22), and thus may have developed from an earlier retroflex stop.

48. Balti *kulak* ‘meal (quickly made mixture of buttermilk and flour)’ (Sprigg 2002: 94), Purik *kholak* ‘a certain dish’, Ladakhi (Leh, Shamskat and Nubra dialects) *kholak*, *qholak* ‘ready-to-eat dough of roasted flour’ (Norman 2010: 117). Jäschke 1881: *Lh.*: dumpling made of *rtsam-pa* and beer; *Ld.*: pap of *rtsam-pa* and tea, called *spags* in Central Tibet. Cf. Burushaski (*d*)-*q(h)ul-an-* (Hunza, Nagir), *d-χul-an-* (Yasin) ‘(Teig) kneten’ (Berger 1998b: 357). The initial *d-* in Burushaski is a verbal prefix and *-an-* is a fossilized verbal suffix. For details see (Berger 1998a: 107–110, 212).

49. Ladakhi, Purik *kulik* ‘lock; key (also *pekulik*); the joint of the jaw’ (Norman 2010: 12). Jäschke 1881: *ku-lig* key, lock; also more accurately *phe-kulig* key, *cug-kulik* lock, padlock. *W.* If the meaning ‘key’ is historically primary, the word may be compared with PII **kaula-* ‘crooked’ and its Dardic and Iranian reflexes (see s.v. *kelak*). For semantic development cf. Greek *κλήϊς*, Latin *clāvis*, Old Church Slavic *kl’učь* (κлючь) ‘key’ < PIE **klēu-* ‘Haken, krummes Holz’ (Pokorny 1959: 604–605).

50. Ladakhi *kuruk* ‘donkey foal; foal’ (Norman 2010: 12), Balti *bong-kúru* ‘donkey colt’ (Sprigg 2002: 30). Jäschke 1881: *gu-rug Ld.* colt or foal of an ass. Cf. Kalasha *kúḗk* (< *kuṛak) ‘child (male or female); the offspring of a human or animal’ (Trail, Cooper 1999), Shumashti *kuṛ*, Dameli *kuṛa* ‘child’, Ashkun *kūrə* ‘child, foetus’, Kati *kṛu*, *kuṛuk* ‘young of animals’, Prasun *kyüru* ‘young of animals, child’, Kurdish *kurr* ‘son’, Middle Persian *kurrak*, Persian *kurra* ‘foal’ < Proto-Aryan **kur-*. For more details on this Aryan root, its reflexes, and its cognates in other branches of Indo-European see (Forssman 1980; Hegedűs 2002). For Dardic (and perhaps for Nuristani) forms with retroflex *r* and its reflexes, the most probable prototype seems to be **kurta-* with the *-t-* suffix.²⁴ The meaning ‘donkey foal’ in Ladakhi might have developed under the semantic influence of a previously existing cognate of Eastern (Kham) Tibetan *ku-ru* ‘donkey’ (Norman 2010: 12).

51. Balti *lashi* ‘a resinous wood used as a candle or torch because it burns slowly’ (Sprigg 2002: 98). Cf. Kashmiri *lāshi* ‘a torch’ (Grierson 1915-1932: 533), Shina (Gilgit dialect) *lāi* ‘torch (unlit)’ (Bailey 1924). In Shina the change *ś > *i* is regular in the intervocalic position.

52. Ladakhi *ldok* ‘muddy place’, Purik *ldoq* ‘mud, liquid dirt’ (Norman 2010: 487). Cf. Burushaski *toq* ‘Schlamm’, Shina *tok*, Khowar *toq*, *tuq* id. (Berger 1998b: 429). The initial cluster *ld* may have developed due to the analogical influence of *ldam* ‘mud’.

²³ According to Berger, this phoneme can be described as “ein stimmhafter retrofleher Sibilant mit gleichzeitiger palatal-dorsaler Engebildung” (Berger 1998a: 22).

²⁴ On the derivatives of this root with the suffixes *-n-*, *-k-*, and *-t-* see the above-cited paper (Forssman 1980).

53. Balti *maṭu* ‘coolie’s t-shaped stick’ (Sprigg 2002: 112), Ladakhi *maṭu* ‘walking stick; a tool for smoothing soil and breaking clods’ (Norman 2010: 681). With vowel metathesis < *muṭa? Cf. Dameli *muṭh*, Gawar-Bati *muṭhá*, Kalasha, Phalura *muṭ* ‘tree’.

54. Balti *menze* ‘lump of dough’ (Sprigg 2002: 113), Ladakhi *menze* ‘ball of dough ready to be shaped and cooked, flattened dough ball, or shaped bread ready to be cooked’ (Norman 2010: 710). Cf. Burushaski *máano* ‘größerer Teigklumpen’ (Berger 1998b: 272), Shina *míno* id., Brokskat *manīli*, Dameli *man* ‘bread’, Bashkarik *man*, Phalura *māṇḍili* ‘very soft bread’ (Morgenstierne 1940; 1941), Phalura *māṇḍ-* ‘to knead’, Romany *ma(n)ro* ‘bread’, Sindhi *mānī* ‘bread, loaf, food’, Punjabi *maṇḍā* ‘a thick cake’, West Pahari (Bhalesi) *mānni* ‘a large cake’, Assamese *mar-* ‘to knead (dough)’, Maithili *mār-* ‘to knead’, OIA *mṛdnāti* ‘crushes, kneads, rubs’, Av. *mōrəndən* ‘(they) destroy’. On the final element *-ze* in Balti and Ladakhi words see the note on *kerze* ‘lentils’.

55. Balti *monthok* ‘clod of earth’ (Sprigg 2002: 118). With dissimilation of middle consonants < *maṭ-ṭhok? Cf. OIA *mṛttikā-* ‘earth, clay’, Hindi-Urdu, Punjabi *miṭṭī*, Nepali *māṭo*, Dameli *maṭhi* id., Phalura *mēṭhi*, Shina *māṭī* ‘clay’; Burushaski *ṭhóko* ‘Klumpen, Ballen (von Zucker, Salz, Butter)’ (Berger 1998b: 452), Indus Kohistani *ṭhokh* ‘a clod (earth, salt)’ (Zoller 2005: 220).

56. Balti *mulak*, *mulu*, Purik *mulaq* ‘turnip’ (Sprigg 2002: 118; Zemp 2018: 944). Cf. Burushaski *múlo*, Shina *muúlo* id., OIA *mūla-* ‘root’, *mūlaka-* ‘radish’, Shina *mūli*, Khowar *mūl* ‘root’, Pashai *mūluk*, Hindi-Urdu *mūli* ‘radish’.

57. Balti, Purik, Ladakhi *multuk*, *muṭuk* ‘fist’ (Norman 2010: 705; Sprigg 2002: 118). Jäschke 1881: *mul-t’ug* W. fist. Cf. OIA *muṣṭi-*, Av. *muṣti-*, Khotanese *muṣtu*, Sindhi *muṭhi*, Lahnda, Punjabi *muṭṭh*, Hindi-Urdu, Gujarati, Marathi *mūṭh*, Nepali *muṭhi*, Persian *mošt*, Shughni *mut*, Wakhi *māst*, Shina *muṭ(h)*, Kashmiri *mōṭh*, Phalura, Kalasha, Khowar *muṣṭi*, Gawar-Bati *muṣṭāk*, Burushaski (loanword) *muč* ‘fist’. Intervocalic *-lt-* and *-lṭ-* in Western Tibetan dialects seem to convey *ṣṭ* and *sṭ* in borrowings (cf. Ladakhi *maṭar* (along with *maṣṭar* and *maṣṭar*) ‘teacher’ (Norman 2010: 693) < Hindi-Urdu *maṣṭar* < English *master*).

58. Balti *mush* ‘squeegee type of rake’ (Sprigg 2002: 119). Cf. Burushaski *máuṣ* (Nagir), *máuṣk* (Yasin) ‘zahnloser Rechen für Erde und Dung’ (Berger 1998b: 284), Khowar *máuṣ* ‘wooden hoe’ (Strand 2006).

59. Balti *múyu*, *myo* ‘mouse’, *munzhur* ‘small mole-like mouse’ (Sprigg 2002: 119). Cf. OIA *mūṣ-*, *mūṣā-*, *mūṣika-* ‘mouse, rat’, Persian *mūš*, Pashto *māžak*, Ossetic *myst*, Pashai *mūč*, Shumashti *múšo*, Gawar-Bati *muṣa*, Torwali *mūṣ*, Phalura *mūšo* ‘mouse’, Bashkarik *mūṣ* ‘mouse, rat’, Shina (Guresi dialect) *mūzū* ‘rat’, *mūžai* ‘mouse’, West Pahari (Jaunsari) *mūṣā*, Romany *mušó* ‘mouse’, Kumauni, Nepali *muso* ‘mouse, rat’.

60. Balti *paghon*, *phraghon*, Purik *phoGon* ‘spoon’ (Sprigg 2002: 127, 130; Norman 2010: 602). Cf. Burushaski *khapun*, Khowar *kipini*, Shina *khapai*, Indus Kohistani *khapāy* ‘spoon, ladle’ (Lorimer 1938: 228; Zoller 2005: 123). In Balti and Purik a metathesis of stops must have taken place.

61. Ladakhi *pat*, *paddi*, *patsi* ‘totally, completely’ (Norman 2010: 533). The word is attested in the Leh dialect where root-initial *p* regularly reflects earlier *b*. The prototype may thus be reconstructed as *bad and compared with OIA *baddha-* ‘bound’, Gujarati *bādhū* ‘whole, entire’, West Pahari (Kotgarhi) *baddhə* ‘all, entire, (pl.) all together’, Kashmiri *bod* ‘handful’.

62. Balti, Purik *payu* ‘salt’ (Sprigg 2002: 127; Norman 2010: 558). Jäschke 1881: *pa-yu* salt Bal. Cf. Burushaski (Hunza, Nagir, Yasin) *bayú*, Brokskat *payu*, Shina *pažúu* id. The intervocalic *ž* in Shina probably appeared due to the influence of the verb *paāž-* ‘to cook, bake’ (Berger 1998b: 45).

63. Ladakhi *perak* ‘Ladakhi women’s head-dress, covered with turquoise and coral’ (Norman 2010: 539). Cf. OIA *paridhā-* ‘to put on (clothes)’, Sindhi *paharaṇu*, Nepali *pairanu*, Hindi *pahirnā* ‘to put on, wear’, Kashmiri *pārūn* ‘to put on; to adorn, ornament’, Khowar *pur-*

duik ‘to cover oneself, put on a cloak’. The source of the Ladakhi word in the donor language probably reflects PII **paridhāka-*.

64. Balti *phada* ‘bald’ (Sprigg 2002: 128). Cf. Brokskat *phaṭa*, Shina (Drasi dialect) *phaṭaro*, Burushaski (Hunza, Yasin) *baṭa* id. According to H. Berger (Berger 1998b: 44), the word is connected with Burushaski *baṭ* ‘skin’.

65. Balti *phaḍing* ‘dried apricots’ (Sprigg 2002: 127), Purik *phaḍing*, *phaṭing* id., Ladakhi *phaṭing*, *phaṭing* ‘apricot of good quality, with sweet kernel’ (Norman 2010: 563). Jäschke 1881: *p’a-tiñ*, W., sweet dried apricots. Cf. Burushaski *baṭer* ‘dried apricot (split and stoned)’ (Lorimer 1938: 73), *baṭér* (Hunza, Nagir), *baṭór* (Yasin) ‘aufgeschnittene und in der Sonne gedörrte Frucht, bes. Aprikosen’ (Berger 1998b: 44), Shina *phaṭóor* id. Berger compares this word with OIA *sphāṭayati* ‘splits’, but cf. Burushaski *phaḡis* ‘entkernte, noch nicht gedörrte Aprikose’ (Berger 1998b: 323).

66. Ladakhi *phok* ‘incense or burning juniper leaves or other fragrant burning materials’ (Norman 2010: 580). Cf. OIA *pāvayati* ‘purifies’, Persian *pāk* ‘pure’ (< **pāvaka-*). The source of the Ladakhi word is probably a certain reflex of PII **pāvaka-* ‘purifier’. The origin of the initial aspirate remains unclear.

67. Ladakhi *phololing* ‘a local variety of wild mint’ (Norman 2010: 579), Purik *phopholin* ‘wild type of mint’ (Zemp 2018: 47). Jäschke 1881: *pho-lo-liñ* W. peppermint. Cf. Burushaski *filal* ‘mint’ (Lorimer 1938: 155), *phalāl* (Yasin) ‘Pfefferminz’ (Berger 1998b: 329), Shina *philiil* id., Indus Kohistani *phimili* ‘a kind of mint’ (Zoller 2005: 291-292).

68. Ladakhi *poze* ‘ram, full-grown male sheep’ (Norman 2010: 540). On the final element *-ze* see the note on *kerze* ‘lentils’. The element *po-* may reflect PII **paśu-* ‘cattle’ (> OIA *paśu-*, Avestan *pasu-* id., Pashto *psə*, Ossetic *fis* ‘sheep’). Cf. also Pashai *pašwala*, Khowar *pažál*, Shina *pāyāly*, Bashkarik *payāl*, Kashmiri *puhul* ‘shepherd’, Indus Kohistani *payāl*, OIA *paśupāla-* ‘herdsman’.

69. Ladakhi *puli*, *polo* ‘Ladakhi biscuits of a particular type’ (Norman 2010: 541). Cf. OIA *pūra-* ‘cake’, *pauli-* ‘a cake of scorched grain and ghee’, Sindhi, Punjabi, Hindi, Kumauni *pūri*, Gujarati, Marathi *puri* ‘fried cake’, Kashmiri *pūr* ‘a kind of cake fried in ghee’.

70. Ladakhi (Shamskat dialect) *put* ‘germination, sprouting’ (Norman 2010: 538). Cf. OIA *sphuṭati* ‘bursts open’, Lahnda *phuṭṭan* ‘to sprout’, Panjabi *phuṭṭnā*, Hindi *phuṭnā* ‘to burst’, Kashmiri *phuṭun* ‘to be cracked’, Shina *phuṭōiki* ‘to break’, Phalura *phuṭa* ‘to break (apart), crack’ (Liljegren, Haider 2011: 121). The loss of initial consonant aspiration in the Ladakhi word remains unclear.

71. Balti (Skardu dialect) *rat* ‘field, ground, level place’ (Norman 2010: 911), ‘flat, level’ (Sprigg 2002: 135), Purik *rat* ‘level’ (Zemp 2018: 939). Cf. Burushaski (Hunza, Nagir, Yasin) *rat* ‘flach, eben, glatt’ (Berger 1998b: 364).

72. Balti *rindi* ‘lead, bullet’ (Sprigg 2002: 139), Ladakhi *rindi* ‘bullet; lead (metal)’ (Norman 2010: 911). Jäschke 1881: *rin-di* W. 1. lead. — 2. musket-ball. Cf. Burushaski *ril* ‘copper’ (Lorimer 1938: 303), Bashkarik *rīd*, Torwali *žit* (*ž < r*) ‘brass’, Shina *rīl* ‘brass, bronze, copper’, Gawar-Bati *rīt* ‘copper’, OIA *rīti-* ‘stream; yellow brass, bell-metal’. This word is probably etymologically connected with OIA *rī-* ‘to flow, melt’ (< PII **rī-*). The original meaning may have been ‘(metal used for) casting’. The semantic as well as phonological development of the word seems to be influenced by Tibetan *ra-nye* ‘lead’.

73. Balti *rkat* ‘to cut down with a sword’ (Sprigg 2002: 140). Cf. PII **kart-* ‘to cut’ > OIA *kṛntati*, *kartati* ‘cuts’, Av. *karəntaiti* ‘cuts’, *karāta-* ‘knife’, Hindi-Urdu *kattā* ‘curved knife’, *kattī* ‘sword, knife, dagger’, Tirahi *katāri* ‘knife’, Pashai *kāṭare* ‘spear’, Gawar-Bati *kaṭāro* ‘large knife’, Kalasha *katār*, Khowar *kuter* ‘knife, dagger’, Bashkarik *kāṭer* ‘knife’, Savi *kaṭārēi*, Phalura *kaṭōro* ‘dagger’, Shina *khāṭaru* ‘knife’.

74. Ladakhi *sale* ‘knitting needle’ (Norman 2010: 1005). Cf. Burushaski *sel* ‘Nadel, Stecknadel’ (Berger 1998b: 377). May be etymologically connected with Phalura *silēni* ‘needle’ and OIA *sīvyati* ‘sews’.

75. Balti, Purik *samdal* ‘moustache’, Ladakhi *samdal* ‘beard, moustache, whiskers (e.g. of a cat or otter)’. (Zemp 2018: 938; Norman 2010: 1007). Jäschke 1881: *sam-dal* *Ld.* mustaches. Cf. Burushaski (Yasin) *samlātiñ*, (Hunza) *salāt* ‘Schnurrbart’ (Berger 1998b: 373), Khowar, Kalasha *samlat* ‘moustache’. Balti, Purik, Ladakhi *samdal* < *samtal < *samlat with consonant metathesis and subsequent voicing of *t* after a nasal?

76. Purik *sarsing*, Ladakhi *sarsing*, *sartsing*, *sasting* ‘oleaster, Russian olive, *Eleagnus angustifolia*, a tree with extremely fragrant clusters of small yellow flowers, edible but unpleasant olive-shaped fruit, and silvery leaves that stay on the tree into winter’ (Norman 2010: 1007). Cf. Kalasha *sīcīn* ‘Eleagnus’ (Trail, Cooper 1999: 271), Khowar *šinjūr*, Wakhi *sisk*, Shughni *sīzd*, Munji *sijiä*, Tajiki *sinjid*, Persian *senjed* id. The word seems to be a local Wanderwort. It is, however, remarkable that in the Tibetan-speaking area it is found only in Northwestern dialects. The source of the Purik and Ladakhi words may have been a Dardic form that was phonologically similar to the Kalasha one.

77. Balti, Purik, Ladakhi (Leh) *shagaran* ‘polo ground, playing field’ (Norman 2010: 969). Cf. Burushaski *šabaran* (Hunza), *šawaran* (Nagir, Yasin), Shina *šāwārān* id.

78. Balti *shang* ‘wisdom, sense’ (Sprigg 2002: 151), Purik *šañ* ‘consciousness’ (Zemp 2018: 931), Ladakhi *shang* ‘alertness, awareness, caution, prudence’ (Norman 2010: 553). The word should be separated from Old and Classical Tibetan *spyang-ba*, *spyang-po* ‘skill; skillful, clever’ because the Old Tibetan initial cluster *spy-* is preserved in Balti and Purik, and changes to *c-* in Ladakhi (cf. Balti *spyang-mo* ‘agile’ (Sprigg 2002: 159), Purik *spyañmo* ‘agile, attentive’ (Zemp 2018: 928), Ladakhi *changpo* (= *cang-po*) ‘alert, clever, sharp-witted’ (Abdul Hamid 1998)). But cf. Burushaski *šañ* ‘awake, aware; care, heed, attention’ (Lorimer 1938: 322), Shina *šəñ* ‘care, anxiety; awake, alert’ (Bailey 1924), Khowar *šanig* ‘fear, suspicion’ (Morgenstierne 1973), OIA *śāṅkate* ‘is afraid, distrusts’, *śāṅkā-* ‘fear, distrust’.

79. Ladakhi *shanṭi* ‘a leafy vegetable’ (Norman 2010: 975). Cf. Indus Kohistani *šāṭī* ‘a green vegetable with round leaves’ (Zoller 2005: 378). The word seems to reflect some derivative of PII **śāka-* ‘green vegetable’ (> OIA *śāka-*, Shina, Indus Kohistani *šā*, Phalura *šō*, Bashkarik *ša*, Kashmiri *hākh*, Kalsha *šak*, Khowar *šax* id.).

80. Ladakhi *shen* (Leh dialect), *šen* (Shamskat dialect) ‘(wooden) floor’ (Norman 2010: 986). Jäschke 1881: *shen*, *sren* floor of a house or room *W*. The word may reflect PII **śrayana-* ‘leaning, foothold’ (< **śri-* ‘to lean’, cf. OIA *śri-*, Avestan *sri-* id.). Cf. Indo-Aryan, Dardic and Iranian words for ‘ladder, stair’ reflecting various derivatives of the same root: Sinhalese *hiṇi*, Hindi-Urdu, Punjabi *sīrhī*, Phalura *šūṛi*, Pashai *šur*, Shumashti *sīndī*, Gawar-Bati *sidī*, Yidgha *šad*, Pashto *šəl*.

81. Ladakhi *shen-ces* ‘to squash’ (Norman 2010: 986). Cf. OIA *śṛṇāti* ‘crushes, breaks’, Khowar *šenik* ‘to crush’.

82. Balti (Skardu dialect) *spa* ‘taste, tasty (neutral), (sexual) enjoyment’, Purik, Ladakhi (Nubra dialect) *spa* ‘taste, flavour’ (Norman 2010: 542; Sprigg 2002: 159). Jäschke 1881: *dpa’(-ba)* 1. bravery, strength, courage; brave, strong, courageous. 2. beauty; beautiful. 3. *W*. taste, agreeable taste, flavour. Contrary to Jäschke, West Tibetan words can hardly reflect Old Tibetan *dpa’(-ba)*. Such a derivation is problematic not only for semantic but also for phonological reasons, because the regular reflexes of the Old Tibetan cluster *dp* in Balti and Purik are *xp* and *šp* respectively (cf. Balti *xpera* ‘talk, conversation’ < Old Tibetan *dpe-sgra*; Purik *špa(w)o*, *špaho* ‘warrior’ (Norman 2010: 542) < Old Tibetan *dpa’-bo*). But cf. OIA *svāda-* ‘taste’, Shina *ispāvū* ‘tasty’.

83. Purik *ṣu* ‘nose’ (used as a synonym of *snamtshul* id. < Old Tibetan *sna-mtshul*) (Zemp 2018: 938). Cf. Burushaski *ṣū etas* ‘to smell (v.t.)’ (Lorimer 1938: 332), Shina *ṣū thoiki*, Indus Kohistani *ṣū karāv* id. (Bailey 1924; Zoller 2005: 391).

84. Ladakhi *sutun* ‘(a child’s or baby’s) trousers’ (Norman 2010: 1012). Cf. Waigali *so(n)ta*, Tirahi *sātān*, Pashai *sutān*, Phal. *suthān* ‘a kind of trousers’, Indus Kohistani *sutañ* ‘loose cotton trousers, shalwar’ (Zoller 2005: 402), Sindhi *suthaṇa* ‘pantaloon, drawers’, Lahnda *sutthan* ‘women’s drawers’, Punjabi *sutthaṇ*, *sutthuṇ* ‘women’s loose trousers’, Hindi *sūthan* ‘trousers’, West Pahari (Kotgarhi) *sūtthāṇ* ‘pair of trousers’, Niya Prakrit *soṃstani* ‘trousers (?)’.

85. Balti (Skardu dialect) *syar*, Purik, Ladakhi *sar* ‘wick’ (Norman 2010: 1007). Jäschke 1881: *sar* wick W. Cf. Burushaski (Hunza, Nagir, Yasin) *sar* ‘gedrehter Wollfaden’ (Berger 1998b: 375). Berger compares this word with OIA *sarikā* ‘string of pearls’.

86. Balti *takalu*, Ladakhi *takari*, *ṭakari* ‘scales, balance’ (Norman 2010: 368; Sprigg 2002: 162). Jäschke 1881: *tā-ka-ri* common scales, *Ld.* Cf. Shina *čākāe*, S. *ṭrakiri*, Lahnda *trakkari*, Punjabi *takkari*, Hindi-Urdu *tarākiri* ‘pair of scales’, Burushaski (loanword) *jakāai* ‘Waage’ (Berger 1998b: 233). This word is etymologically connected with OIA *tarka-* ‘inquiry, conjecture’, *tarkayati* ‘guesses, thinks’, Proto-Iranian **tark-* > Ossetic *tærχon* ‘judgement, discussion, verdict, trial’ (Abaev 1979: 275-276).

87. Purik *taki*, *taki* ‘flat bread’ (Zemp 2018: 934), Ladakhi *taki*, *tagi tagi* ‘bread’ (Norman 2010: 368–369). Jäschke 1881: *ta-gir* W. bread. Cf. Shina, Khowar *ṭiki* id., Phalura *ṭiki* ‘small, thick cakes of bread’ (Liljegren, Haider 2011), Kalasha *ṭiki* ‘bread made by cooking in oil’ (Trail, Cooper 1999), Lahnda *ṭikkī* ‘food’, Sindhi *ṭikī*, Gujarati *ṭikī*, Marathi *ṭiklī* ‘cake’, Punjabi *ṭikkī*, Hindi *ṭikiyā* ‘small cake’.

88. Ladakhi *tak-tak* (Shamskat dialect), *ṭak-ṭak*, (Leh dialect) ‘taut, stretched tight, tight (e.g. of curtain, clothing, greenhouse plastic)’, Purik *taqtaq* ‘tight’ (Norman 2010: 370), Balti *ṭak-ṭak* ‘hard’ (Sprigg 2002: 184). Reduplicated adjectives are a well-attested phenomenon in modern Tibetan dialects (cf. Balti, Ladakhi *kor-kor* ‘concave, round’, Classical Tibetan *kor* ‘root denoting anything round or concave’ (Jäschke 1881: 6); Lhasa *chung-chung* ‘small’, Classical Tibetan *chung-ba* id.). Northwestern Tibetan final *k* and *q* usually reflect earlier final *g* (Miller 1956). The earlier prototype for the root of the words under analysis can thus be reconstructed as **tag*. This root may be borrowed from some Indo-Iranian source, where it reflects either PII **tank-* (> OIA *tañc-* ‘to contract, put together, coagulate, solidify’, Persian *tanjīdan* ‘to squeeze; to twist, roll together; to draw tight’, *tang* ‘narrow, tight’, Balochi *tanč-* ‘to fasten strongly, roll strongly, squeeze’, Shughni *tāž-/tīžd-* ‘to pull, draw, haul, drag, stretch’²⁵) or PII **tangh-* (> Proto-Iranian **ṭanj-* ‘to pull, draw’ > Avestan *ṭanj-* id., Persian *sanjīdan* ‘to measure; reflect; compare, put in balance’, Ossetic *tinžin* ‘to spread, stretch out; to crucify’ (Cheung 2007: 391–392)). The latter root may have also reflected in Dardic (cf. Kashmiri *ṭanz* ‘extreme and urgent desire’,²⁶ Khowar *tonjeik* ‘to destroy, pull down’). Absence of the nasal in the Tibetan forms may be due to its regular drop before an old voiced guttural in the donor language. A similar process is attested in Shina: *agār* ‘fire’ (cf. OIA *aṅgāra-* ‘coal’), *agui* ‘finger’ (cf. OIA *aṅguli-* id.).

89. Balti *ṭangka*, *ḍangga* ‘shelter for the night, room boarded all round’ (Sprigg 2002: 183, 184), Purik *ṭangka* ‘partially roofed daytime pen for animals; open or partially roofed courtyard on the upstairs of a house’ (Norman 2010: 359). Cf. Burushaski *ḍaṇóo* ‘oberirdischer Speicher, mit Tür zum Haus’ (Berger 1998b: 131), Shina *ḍāñō* ‘native storehouse’ (Bailey 1924). But cf. also Tibetan *dang-ra* ‘stable for cattle’ (Jäschke 1881).

²⁵ More Iranian reflexes of this root see in (Cheung 2007: 377–378).

²⁶ Semantically cf. Russian *ṭaga* (*мѣга*) ‘pull, traction; attraction, craving, strong desire’.

90. Balti *tek* ‘button’ (Sprigg 2002: 184). Cf. Burushaski *ṭak*, Shina *ṭāk*, Indus Kohistani *ṭikū*, Khowar, Kalasha *tak* id.

91. Balti *thing* ‘upright, straight up’ (Sprigg 2002: 184). Cf. Burushaski *ṭiṅ* ‘peak (of mountain), top (of hill); stretched up, erected’, Khowar *thing* ‘high place; steep slope’ (Lorimer 1938: 352).

92. Balti *thup* ‘darkness’ (Sprigg 2002: 166), Purik *thup* ‘dark’ (Norman 2010: 435). Cf. Burushaski *thap* ‘night’; Shina (Chilasi dialect), Indus Kohistani *thap^h* ‘dark; extinguished (light, fire)’ (Zoller 2005: 113). Balti *thap-thup* ‘dawn, dusk, twilight’ (Sprigg 2002: 184) may also belong here.

93. Balti *tok* ‘swelling, bump on the head, small hill’ (Sprigg 2002: 185). Cf. Burushaski *thoko* ‘Klumpen, Ballen (von Zucker, Salz, Butter)’ (Berger 1998b: 452), Shina *ṭhokū* ‘hill’ (Bailey 1924), Indus Kohistani *ṭhokh* ‘a clod (earth, salt)’ (Zoller 2005: 220).

94. Ladakhi *tsapik* ‘a little, a bit, a little while’ (Norman 2010: 731). Jäschke 1881: *tsa-big, tsha-big* *Ld.* a little. Cf. Shina *čap-*, Indus Kohistani *cap-*, Gawar-Bati *cep-* ‘to bite’, Pashai *čip-* ‘to bite off’, Kashmiri *cop* ‘a bite’. The Dardic forms probably reflect the Proto-Indo-Iranian root **kap-/čap-* ‘to catch, snatch, pick, pinch’. For the Iranian reflexes of this root see e.g. (Rastorgueva, Edelman 2003: 221-226). For the semantic development in Ladakhi cf. English *bit* (etymologically = *bite*). The final element *-ik* is a reduced form of the numeral *cik* ‘one’.

95. Ladakhi *tsele* ‘(jocular) small, short (esp. of people); (Shamskat dialect) a small variety of tick’ (Norman 2010: 735). Cf. Burushaski *chilúm*, pl. *chiliiko, chiliiko* ‘fein gemahlen, fein (Pulver, Mehl usw.); feinkörnig; klein, winzig (Schriftzüge), in kleinen Buchstaben geschrieben; minderwertig, weniger gut’ (Berger 1998b: 77).

96. Ladakhi *tsiri* ‘the small intestine’ (Norman 2010: 733-734). Cf. Burushaski *-chir* (Hunza, Nagar), *-ceriñ* (Yasin) ‘Darm, pl. Eingeweide’ (Berger 1998b: 78), Kalasha *č(i)rāki, tsirāki* ‘large intestines’ (Trail, Cooper 1999: 63).

97. Ladakhi *tshela* ‘thatched roof, shade made of branches and leaves, thatched-roofed house or hut’ (Norman 2010: 773), Balti *tshela* ‘hut’ (Sprigg 2002: 170). Cf. Kashmiri *chëy* ‘a kind of thatching grass’ (Grierson 1915–1932: 1066), Lahnda, Punjabi *chatt*, Hindi *chat* ‘roof’, OIA *chādayati* ‘covers’, *chadis-* ‘cover, roof’, Proto-Iranian **sād-* ‘to cover’ (cf. Pashto *psolal* ‘to adorn’ < **upa-* or **pati-sād-*) < PIE **sk’ed-*. The source of the Ladakhi and Balti words may have been the derivative with the suffix **-l-* (**čhadila-* < **šcadila-*).

98. Ladakhi *tshiṭu, tshitu* ‘contamination, causing dirtiness or violation in a way that will cause illness or spiritual pollution; menstruation’ (Norman 2010: 766), Purik *tsh(e)rṭu* ‘dirty’ (Zemp 2018: 932). Cf. Kashmiri *chëṭun* ‘to become impure, to become unclean, to become refuse and untouchable’, *chëṭarun* ‘to render impure, to cause something previously pure to become impure, to defile’, *cheṭh* ‘remnants of food, leavings of a meal’ (Grierson 1915-1932: 1063, 1064). Shina *ušūto* (= *ušūto?*) ‘foul, unclean’ and Burushaski *zuṭú* (Hunza, Nagir), *zeṭú* (Yasin) ‘unrein durch Pollution, Menstruation, oder wenn man nach dem Koitus nicht gebadet hat’ (Berger 1998b: 486) with unexplained voicing of the initial consonant may also belong here. Turner’s comparison of the Kashmiri and Shina forms with OIA *úcchiṣṭa-* ‘left over, stale, spat out; leavings’ (Turner 1966: 85) doesn’t seem impeccable because the OIA cluster *ṣṭ* regularly corresponds to the aspirated *ṭh* in Kashmiri.

99. Balti *tshon* ‘injury’ (Sprigg 2002: 171). Cf. OIA *kṣaṇoti* ‘injures, hurts’, *kṣata-* ‘wounded’, *kṣataka-* ‘wound’, *kṣaṇana-*, *kṣati-* ‘injury, damage’, Pali *khaṇati* ‘destroys’, Khotanese *vaṣanaurau* ‘destructive’ (Bailey 1979: 379) < **vi-šana-bara-*, Greek κτείνω ‘I kill’ < PIE **tk’en-* (LIV: 645).²⁷

²⁷ In “Lexikon der indogermanischen Verben” the reconstructions **tken-* and **tk’en-* are considered equally possible, but the single non-geminate intervocalic *ṣ* in Khotanese indicates higher probability of a prototype with the PIE palatal **k’*. The prototype with the plain dorsal **k*, **tken-* (or **kpen-* in earlier reconstructions), would have

Old Tibetan *mtshon* ‘pointed or cutting instrument’, proposed by Sprigg as the source of the Balti word, is semantically more distant. To the same Indo-Iranian etymon may also belong Balti *tshak* ‘rheumatism’ (Sprigg 2002: 169), Purik *tshaq* ‘pain with difficulty of breathing’, *tshak yong* ‘to ache’, Ladakhi *tshak* ‘sprain, pulled muscle, sudden cramp, sudden sharp pain’ (Norman 2010: 759-760).²⁸ Cf. Kashmiri *čhokh* ‘wound’, Khowar *čay* ‘illness’ (= OIA *kṣati*-?), *čhek* ‘illness, pain’.

100. Ladakhi *tso* ‘standing on the hind legs (e.g. *khi tso coduk* ‘the dog is standing on its hind legs’)’ (Norman 2010: 735). Cf. Burushaski, Shina *čoko* ‘senkrecht, ansteigend, aufrecht, steil’ (Berger 1998b: 90), Indus Kohistani *cūk^h* ‘vertical, upright, erect’ (Zoller 2005: 168).

101. Ladakhi *tsolo* ‘anus’ (Norman 2010: 735). Jäschke 1881: *tsho-lo* W. vulgar = ‘*phong-tshos* ‘buttocks’. Cf. Kashmiri *coth* ‘anus, vulva’, Indus Kohistani *čot^h* ‘buttock’ (Zoller 2005: 181), Lahnda, Punjabi *cuttar*, Hindi *cūtar* ‘rump, buttock’. The intervocalic *l* in Ladakhi may reflect the retroflex *ɽ* or *ɖ* (< *ɽ, cf. the Indus Kohistani form) of the donor language.

102. Ladakhi *tul* ‘powdered dung’ (Norman 2010: 448). Norman proposes the earlier prototype *dul. Since in the dialects of Upper Ladakh, where this word is attested, one of the sources of the initial *t*- is *d*-, Norman’s proposal sounds reasonable. The prototype *dul seems to have cognates in Indo-Aryan and Dardic: OIA *dhūli*- ‘dust, powder’, *dhūlikā*- ‘pollen, fog, mist’; Prakrit *dhūli*, Hindi *dhūl*, Punjabi, Lahnda, Gujarati *dhūr*, Sindhi *dhūri*, Kumauni *dhuli*, Bengali *dhul*, Marathi *dhūl* ‘dust’; Nepali *dhulo* ‘dust, powder’; Tirahi ‘*dūda*’, Kalasha *udhrū*, Shina *ūdū*, Phalura *dūri* ‘dust’; Pashai (Wegali dialect) *durī* ‘dust-storm’; Torwali *dur* ‘mist’.

103. Balti *tul* ‘to patch, mend (by sewing)’ (Sprigg 2002: 172), Purik *tul* ‘to stitch a thick or hard object with many stitches’, Ladakhi (Shamskat, Leh and Nubra) *tur-ces* ‘to darn, mend by stitching’ (Norman 2010: 374). Jäschke 1881: *tur-ba* W ‘to darn (stockings)’. Cf. Burushaski (Hunza, Nagir) *tōl* ‘awl (cobbler’s)’, *čuk etas tol* ‘a sewing awl’ (Lorimer 1938: 355), Burushaski (Yasin) *tul* ‘Ahle’ (Berger 1998b: 428).

104. Balti *tyaku* ‘branch used as a hockey stick’ (Sprigg 2002: 185), Ladakhi *taku*, *teku*, *ṭaku* ‘polo mallet, hooked stick’ (Norman 2010: 368). Jäschke 1881: *ta-ku* W stick with a hook, hooked cane, crutch. Cf. Burushaski (Yasin) *ḍāku* ‘Spazierstock’ (Berger 1998b: 129), Burushaski (Hunza, Nagir), Shina *ḍako* ‘wooden post supporting roof, pillar, tent-pole’ (Lorimer 1938: 108).

105. Balti *zanzos*, *dzanzos* (Turtuk dialect), Purik *zanzos* ‘wife; family’ (Norman 2010: 842; Sprigg 2002: 180). Norman derives this word from Persian *zan* ‘woman’. Her etymology cannot be discarded because massive borrowing from Persian into Muslim Tibetan dialects (directly and through Urdu) is an established fact. This process took place at a comparatively recent date and was mainly mediated through written language. That being said, it seems somewhat strange that the word in question is preserved only as a part of a fossilized compound, the second component of which cannot be identified with certainty.²⁹ It is, however, possible that the element (*d*)*zan*-, being etymologically related to the above-mentioned Persian lexeme, was adopted from some other Indo-Iranian source. Cf., e.g. Phalura *jeeni* ‘female person’ (Liljegren, Haider 2011: 76), Kashmiri *zən*, Sindhi, Lahnda, Punjabi *janī* ‘woman’, Bashkarik *jin kar*- ‘to marry’, Indus Kohistani *zhāl* ‘marriage’ (Zoller 2005: 202), OIA *jani*-, Av. *ṣaini*- ‘woman, wife’. The initial *dz* in Balti may point to the initial affricate of the donor language.

---

reflected as *xšan- in Proto-Iranian, and the regular Khotanese continuant of its derivative *vi-xšana-bara- would have sounded **vaṣṣanaurau.

²⁸ Etymologically = OIA *kṣataka*-?

²⁹ Norman mentions the hypothetical variant *dzantshos* in the Turtuk dialect of Balti. If such a form really exists, the second part of the compound may be compared with Tibetan *tshos* ‘color’. The original meaning of the word in this case should be something like ‘female appearance’.

Data interpretation, conclusions and issues for future research

The above list contains a hundred-plus probable loanwords. They can be classified on the basis of their dialectal distribution, as well as of their etymological sources. If the former criterion is applied, the greater part of the list may be subdivided into two groups, i.e. lexical items found in the whole area and those peculiar to Muslim dialects (Balti and Purik). These groups include 35 (circa 33.3%) and 37 (circa 35.2%) words respectively. In addition, 11 words (circa 10.5%) are attested in Ladakhi and Purik only, and 22 (circa 21%) are peculiar to Ladakhi.

Etymologically, the list is far from homogeneous. Words of Burushaski and Indo-Iranian origin seem to be almost equally numerous. The delimitation of these two strata, however, poses a problem. Some Indo-Iranian languages were and still are in close contact with Burushaski. Since a considerable part of modern Indo-Iranian vocabulary remains unetymologized, the direction of borrowing is not clear in all cases. For this reason, at the current state of our knowledge the most accurate etymological classification should include the following classes:

- 1) words with parallels in Burushaski only;
- 2) words with both modern Indo-Iranian and Burushaski parallels, not etymologizable in Indo-Iranian (possible Burushaski loanwords in Indo-Iranian);
- 3) words with both modern Indo-Iranian and Burushaski parallels, etymologizable in Indo-Iranian (possible Indo-Iranian loanwords in Burushaski);
- 4) words with parallels in Indo-Iranian only.

These classes comprise 11 (circa 10.5%), 38 (circa 36.2%), 19 (circa 18%) and 37 (circa 35.2%) words on the list respectively.

The most intriguing conclusions can, however, be drawn if the two classifications are “superimposed” on each other, i.e. if we try to establish the distribution of loanwords belonging to the four above etymological classes, in different dialects. Out of 37 words, attested only in Balti and/or Purik, 6 belong to class 1, 15 belong to class 2, 7 belong to class 3, 9 belong to class 4. That is to say, the majority (circa 57%) of loanwords peculiar to Muslim dialects are unquestionable or probable borrowings from Burushaski. In the light of this fact, Zemp’s claim that “... the deepest mark on Purik appears to have been left by Burushaski” (Zemp 2018: 4) should be considered realistic. A totally different picture emerges based on the etymological analysis of lexical items peculiar to Ladakhi. In this group the predominance of Indo-Iranian borrowings is quite evident, 16 words (circa 73%) belonging to classes 3 and 4. A somewhat similar distribution show the words, attested in Ladakhi and Purik only. Classes 3 and 4 cover 3 (circa 27%) and 4 (circa 36%) of such words respectively, their total number being 11. Among the borrowings common to all the analyzed dialects, i.e. Ladakhi and Muslim varieties, Burushaski and Indo-Iranian loans are numerically almost equal, classes 1 and 2 comprising 18 words (circa 51%), classes 3 and 4 — 17 words (circa 49%) out of 35.

The situation just described looks somewhat confusing and needs some explanation. To explain it in full, copious additional lexical material on Ladakhi, Purik and Balti will, no doubt, be necessary. Nevertheless, some preliminary hypotheses may already be proposed. Dissimilarity in distribution of loanwords between Indo-Iranian and Burushaski strata in different Northwestern Tibetan dialects may well have been caused by local differences in ethnic and linguistic composition in the pre-Tibetan period. If this be the case, it should be assumed that the pre-Tibetan population of the present-day Kargil and Skardu districts spoke some form of Burushaski, while in Ladakh the predominant language was Indo-Iranian. This is, however, a somewhat simplistic scheme, and the true picture of language contact in the region seems to be more intricate. The route of Tibetan migration to the present-day Muslim areas must undoubtedly have passed through Ladakh. This fact explains why a large percentage

of the loanwords that are common for Ladakhi and Muslim dialects is of Indo-Iranian origin. On the other hand, the presence of numerous Burushaski loans in Ladakhi is also a certainty. It cannot be ruled out that some of them were not borrowed directly but rather came via Balti or Purik.³⁰ Yet one should bear in mind that Indo-Iranian languages were not autochthonous in the region, even though they seem to have been spoken there before the spread of Tibetan. The pre-Indo-Iranian inhabitants of Ladakh may well have been speakers of some local variety of early Burushaski. It implies the possibility that the Burushaski elements in Ladakhi may, at least partly, have been adopted via some pre-Tibetan Indo-Iranian dialect from this earlier substrate language.

Another fact yet to be explained is the considerable number of Indo-Iranian borrowings attested in Muslim dialects only.³¹ It seems quite possible that some of them are in fact present in Ladakhi, too, but for some reasons were not included in Norman's dictionary. A certain part of such words, however, may belong to dialects other than those of Skardu and Kargil and stem from their substrate languages, which could have been Indo-Iranian rather than Burushaski. Unfortunately, this hypothesis can hardly be tested because of an extreme lack of data. The situation may change in the future, provided field linguistic research in the region makes more progress.

The above wordlist raises a number of issues for further research. For example, it still remains unclear whether Indo-Iranian words in it were borrowed from a single source or several sources. If there were more than one donor languages, were they all substrata for the Tibetan dialects or at least some of them were adstrata? Which branches of Indo-Iranian do they represent? All these questions will remain unanswered as long as the historical-phonological peculiarities of the Indo-Iranian lexical items on the list remain unclear. This problem will be addressed at length in a separate article. Here I will limit myself to several most conspicuous features.

Some loanwords in Ladakhi show devoicing of historical voiced stops (cf., e.g. *kit-ces* 'to catch, seize, capture' < PII **gr̥bh-ta-*; *pat*, *paddi*, *patsi* 'totally, completely' < PII **baddha-* < **badh-ta-*). This phonological change affected also the inherited vocabulary of several Ladakhi dialects including the dialect of Leh. Since in more cases Indo-Iranian word-initial voiced consonants are preserved, it may be hypothesized that the process of borrowing started before devoicing and finished after it had already taken place. A synchronically similar, but probably historically different phenomenon can be seen in loans from Burushaski, where voiceless and voiceless aspirated consonants sometimes correspond to voiced ones in the donor language: Balti *kóḍos* 'rounded stone, cobble-stone' (cf. Burushaski *guyos* 'grinding-stone'), Balti, Purik *payu* 'salt' (cf. Burushaski *bayú*), Balti *phaḍa* 'bald' (cf. Burushaski *baḥa*), Balti *ṭyaku* 'branch used as a hockey stick', Ladakhi *taku*, *teku*, *ṭaku* 'polo mallet, hooked stick' (cf. Burushaski *ḍáku* 'Spazierstock'). As is evident from the above examples, this type of sound correspondence is not confined to Ladakhi but found also in Balti and Purik, where Old Tibetan root-initial voiced stops were in most cases not devoiced. The cause of this phenomenon is not quite clear, but most likely it has something to do with the fact that in Burushaski itself many roots with initial mediae have variants with aspirated and unaspirated tenues. These variants often appear after prefixes.

Another noteworthy historical-phonological feature of Indo-Iranian loanwords is the dentalization of old palatal affricates: Ladakhi *tsapik* 'a little, a bit, a little while' (cf. Shina *čap-*

³⁰ In this regard, it is worth noting that a number of such words are attested only in the Shamskat and Nubra dialects, spoken in Northern Ladakh and staying in close contact with Purik and Balti.

³¹ They make up circa 43% of loanwords peculiar to Balti and Purik.

‘to bite’ (< PII *čap-),³² Balti (*d*)zanzos, Purik zanzos ‘wife; family’ (cf. OIA *jani-*, Av. *ǰaini-* ‘woman, wife’). This change, however, is not observed in some borrowings from Burushaski: Ladakhi *c(h)ancil* ‘the green outer shell or fruit of walnut’ (cf. Burushaski *ć(h)anjíl*), Balti, Ladakhi *cha* ‘millet’ (cf. Burushaski *ćha*).

The central question arising in the context of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects is certainly that of the exact position of the donor language(s) in the Indo-Iranian subfamily. In the present article I confine myself to making just a few points in this connection. First of all, in the above material there is not a single example of typically Iranian phonological development.³³ The presence of phonological innovations peculiar to Indo-Aryan is highly questionable, the only possible example being perhaps the change of PIE *sk’ to palatal aspirated affricate *čh* with subsequent dentalization (cf. Ladakhi, Balti *tshēle* ‘hut’, etymologically connected with OIA *chad-* ‘to cover’ < PIE *sk’ed-). This example is, however, hardly indicative because the change *sk’ > *čh* is attested in a number of Dardic languages where it is an independent development of Proto-Dardic *sč (Kogan 2005).

On the other hand, there are several reasons to believe that the source language of at least some of the words on the list may have belonged to the Dardic group. In this regard, one fact is remarkable. In Indo-Iranian loanwords we find two different corespondences to OIA cluster *kš*, i.e. *tsh* (voiceless dental aspirated affricate) and *ch* (voiceless palatal aspirated affricate). Cf., e.g. Balti *tshon* ‘injury’, *tshak* ‘rheumatism’, Purik *tshaq*, Ladakhi *tshak* ‘sharp pain’ (= OIA *kṣaṇoti* ‘injures, hurts’, *kṣataka-* ‘wound’); Balti, Purik *chal* ‘overflow, spill over’, Ladakhi *chal-ces* ‘to splash, to spill over’ (= OIA *kṣarati*, *kṣalati* ‘flows, trickles’, *kṣālayati* ‘washes’). Iranian etymological parallels to these two words do not show uniformity of correspondences too (cf. Proto-Iranian *vi-šana-bara- ‘destructive’ > Khotanese *vašanaurau*; Proto-Iranian *xšar- ‘to flow’ > Ossetic *äxsärdzän* ‘waterfall’). This picture clearly shows that we are dealing here with the reflexation of two different old consonant groups. Iranian is known to preserve the distinction between Proto-Indo-European clusters containing palatal dorsal consonants (i.e. *k’s, *tk’ etc.) and those containing plain or labial dorsals (i.e. *ks, *gs, *k^ws, *g^ws and some others), the reflexes being *š and *xš respectively, while in Indo-Aryan the merger took place. Dardic in this respect is somewhat close but not identical to Iranian. Here the reflexes did not merge, and clusters of the two aforesaid types developed in two divergent ways, i.e. to palatal *čh* and to cerebral *čh* (Kogan 2005).³⁴ As we can see, this Dardic reflexation is not only very similar to the one detected in the above-mentioned Northwestern Tibetan words, but may well represent the earlier stage of the latter. The dental voiceless aspirate *tsh* may have evolved from palatal *čh* in the wake of dentalization, and the cerebral *čh* may have been decerebralized into palatal *čh*.³⁵ Summing up, the system of reflexes of the Indo-European clusters under analysis in the two Indo-Iranian loanwords on our list, being totally different from both Indo-Aryan and Iranian, is at the same time derivable from the Proto-Dardic one. It can, however, be stated with certainty that the source of these loans cannot be any of the present-day Dardic languages spoken

³² See also other examples with initial *ts* and *tsh* in the previous section.

³³ The only feature that is found in both Iranian and the loanwords on the above list is the deaspiration of Proto-Indo-European voiced aspirates. This sound change may, however, be attributed to the fact that voiced aspirated consonants are absent from the phonological systems of Ladakhi, Balti and Purik. In addition, it should be noted that deaspiration is characteristic not only of Iranian but also of Dardic and Nuristani.

³⁴ The palatal aspirated affricate *čh is the Proto-Dardic reflex of clusters containing palatal dorsals, while the groups with non-palatal dorsals are reflected as the cerebral aspirated affricate čh. The latter phoneme may have developed from the earlier Proto-Dardic cluster *kš.

³⁵ The exact typological parallel to this process is attested in the history of Kashmiri (Kogan 2016).

adjacent to Balti, Ladakhi and Purik, i.e. Brokskat, Shina and Kashmiri. All these languages belong to the Eastern Dardic subgroup, where the earlier *čh* and *ṣh* have merged word-initially (Kogan 2016).

Thus, historical phonology gives us some evidence in favor of Francke's hypothesis. Nonetheless, as noted above, this hypothesis is undoubtedly unacceptable in its original version and should be reformulated. The pre-Tibetan population of Ladakh may well have been linguistically Dardic but its language could in no way have been an early form of Brokskat. What this language really was is an interesting problem in itself. It is hoped that further study will throw some light on it.

Abbreviations for language names

Av — Avestan; OIA — Old Indo-Aryan; PIE — Proto-Indo-European; PII — Proto-Indo-Iranian

References

- Abaev, Vasily I. 1979. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. Tom III*. Leningrad: Nauka.
- Abaev, Vasily I. 1989. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. Tom IV*. Leningrad: Nauka.
- Abdul Hamid. 1998. *Ladakhi-English-Urdu dictionary with an English-Ladakhi index*. Leh: Melong Publications.
- Bailey, T. Grahame. 1924. *Grammar of the Shina Language ("Royal Asiatic Society, Prize Publication Fund", vol. VIII)*. London: Royal Asiatic Society.
- Bailey, Harold W. 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge University Press.
- Berger, Hermann. 1998a. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I. Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Berger, Hermann. 1998b. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Cheung, Johnny. 2007. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden Indo-European etymological dictionary series*. Leiden / Boston: Brill.
- Forssman, Bernhard. 1980. Hethitisch kurka-Comm. 'Fohlen'. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 94(1/2): 70–74.
- Francke, August H. 1905. The eighteen songs of the Bono-na festival (Dard text, with translation, notes and vocabulary). *The Indian Antiquary* XXXIV: 93–110.
- Francke, August H. 1906. The Dards at Khalatse in Western Tibet. *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal* 1(19): 413–419.
- Francke, August H. 1907. *A history of Western Tibet: one of the unknown empires*. London: S. W. Partridge & Co.
- Grierson, George A. 1915–32. *A Dictionary of the Kashmiri Language. Vol. I–IV ("Bibliotheca Indica". Work No. 229)*. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal.
- Grierson, George A. 1919. *Linguistic Survey of India. Vol. VIII, pt. 2. Specimens of the Dardic or Piśāca Languages (including Kāshmirī)*. Calcutta: Superintendent Government Printing, India.
- Hegedús, Irén. 2002. Proto-Nuristani *kurka 'young of an animal'. In: Fabrice Cavoto (ed.). *The Linguist's Linguist. A Collection of Papers in Honour of Alexis Manaster Ramer*. München: Lincom Europa.
- Jäschke, Heinrich A. 1881. *A Tibetan-English dictionary with special reference to the prevailing dialects*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Jettmar, Karl. 1975. *Die Religionen des Hindukusch (= Die Religionen der Menschheit. Bd. 4, 1). Mit Beiträgen von Schuyler Jones und Max Klimburg*. Stuttgart: Kohlhammer Verlag.
- Kogan, Anton I. 2005. *Dardskie jazyki. Genetičeskaja kharakteristika*. Moskva: Vostočnaja literatura.
- Kogan, Anton I. 2016. *Problemy sravnitel'no-istoričeskogo izučeniija jazyka kashmiri*. Moskva: "Fond razvitija fundamental'nyx lingvističeskix issledovanij".
- Kogan, Anton I., Mikhail E. Vasilyev. 2013. K voprosu o vostočnodardskoj jazykovej obščnosti. *Journal of Language Relationship* 10: 149–178.
- Liljegren, Henrik, Naseem Haider. 2011. *Palula vocabulary*. Islamabad: Forum for Language Initiatives.

- Livshits, Vladimir A. 2003. Drevneje nazvanije Syrdar'ji. *Vestnik drevnej istorii* 1(244): 3-10.
- Lorimer, David L. R. 1939. *The Burushaski language. Vol. III. Vocabularies and index*. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard).
- Mayrhofer, Manfred. 1992. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I Band*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag
- Miller, Roy Andrew. 1956. Segmental diachronic phonology of a Ladakh (Tibetan) dialect. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 106(2): 345–362.
- Morgenstierne, Georg. 1940. Notes on Bashkarik. *Acta Orientalia* XVIII(3/4): 206–257.
- Morgenstierne, Georg. 1941. *Notes on Phalura, an Unknown Dardic Language of Chitral*. Oslo: J. Dybwad.
- Morgenstierne, Georg. 1967. *Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. III. The Pashai Language. 1. Grammar*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Morgenstierne, Georg. 1973. Sanskritic Words in Khowar. In: Georg Morgenstierne. *Irano-Dardica*: 256–272. Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag.
- Norman, Rebecca. 2010. *A Dictionary of the Language Spoken by Ladakhis*. Ms. (unpublished draft).
- Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern / München: Francke Verlag.
- Rastorgueva, Vera S., Dzhoy I. Edelman. 2003. *Etimologicheskij slovar' iranskix jazykov. T. 2 (b–d)*. Moskva: «Vostochnaja literatura» RAN.
- Rastorgueva, Vera S., Dzhoy I. Edelman. 2007. *Etimologicheskij slovar' iranskix jazykov. T. 3 (f–h)*. Moskva: «Vostochnaja literatura» RAN.
- Shaw, R. B. 1878. Stray Aryans in Tibet. *Journal of the Asiatic Society of Bengal* XLVII/I: 26–62.
- Sloan, Mohammad Ismail. 1981. *Khowar-English dictionary*. Peshawar: Printing Corporation of Frontier Ltd.
- Sprigg, Richard K. 2002. *Balti-English, English-Balti dictionary*. New York / London: Routledge.
- Steblin-Kamenskiy, Ivan M. 1999. *Etimologicheskij slovar' vaxanskogo jazyka*. Sankt-Petersburg: Peterburgskoje vostokovedenije.
- Strand, Richard F. 2006. Khowar lexicon. Available online: <https://nuristan.info/InFrameL.html> (accessed 27.11.2019).
- Trail, Ronald L., Gregory R. Cooper. 1999. *Kalasha Dictionary with English and Urdu compiled by Ronald L. Trail, Gregory R. Cooper*. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaidi-Azam University, Summer Institute of Linguistics.
- Turner, Ralph L. 1966. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. Oxford University Press.
- Zeissler, Bettina. 2004. *Relative tense and aspectual values in Tibetan languages. A comparative study*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.
- Zeissler, Bettina. 2010. East of the moon and West of the sun? Approaches to a land with many names, North of Ancient India and South of Khotan. *The Tibet Journal* XXXIV (3/4) / XXXV (1/2): 371–463.
- Zemp, Marius. 2006. *Synchronic and diachronic phonology of the Tibetan dialect of Kargil*. Lizentiatsarbeit im Fach Historisch Vergleichende Sprachwissenschaft. Bern.
- Zemp, Marius. 2018. *A grammar of Purik Tibetan*. Leiden / Boston: Brill.
- Zoller, Claus P. 2005. *A Grammar and Dictionary of Indus Kohistani. Volume 1: Dictionary*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.

А. И. Коган. О возможном влиянии дардских языков и языка бурушаски на северозападные диалекты тибетского языка.

Северо-западная окраина тибетского языкового ареала, ныне входящая в состав индийского штата Джамму и Кашмир и подконтрольных Пакистану Северных Территорий, в прошлом являлась зоной интенсивных этнических и языковых контактов. Результатом этих контактов стала языковая ассимиляция тибетцами местного дотибетского населения. Согласно гипотезе, выдвинутой более века назад, это население, возможно, говорило на одном из дардских языков. В статье делается попытка проверки данной гипотезы путем этимологического анализа лексики северо-западных тибетских диалектов. Результаты анализа свидетельствуют о наличии значительного индоиранского (вероятно, дардского) лексического пласта, а также многочисленных лексических еди-

ниц, усвоенных из некой ранней формы языка бурушаски. Автор пытается выявить диалектное распределение заимствований из индоиранского источника и бурушаски в исследуемом ареале.

Ключевые слова: языковые контакты; языковой субстрат; тибетские диалекты; язык ладхи; язык балти; язык пурик; дардские языки; язык бурушаски.

Some areal features of the 110-item wordlist for the Indo-Aryan languages of South Odisha¹

In this paper, I discuss the issue of replacement of basic lexicon due to language contact, specifically focusing on Indo-Aryan, Dravidian, and Munda languages in South Odisha but with implications for Eastern India as a whole. Apart from direct borrowings, special attention is paid to cases of not particularly obvious substrate influence in Indo-Aryan languages, in which inherited lexicon is substituted by other inherited items as a result of semantic shift typical of a neighbouring language family. This type of phenomena should necessarily be taken into consideration in any quantitative studies involving lexicostatistical calculations.

Keywords: Indo-Aryan languages; Dravidian languages; Munda languages; basic lexicon; lexicostatistics; areal linguistics.

The aim of this study is to describe a number of specific features of the *basic vocabulary* contained in the 110-item Swadesh/Starostin/Yakhontov wordlists in the context of an entire language area (*Sprachbund*), primarily focusing on the data of the *micro-language-area* of South Odisha (India) and its position within a larger area — East India as a whole (in the text below I shall refer to East India as a *mini-area*, since the term ‘area’ would be more suitable to describe the entirety of South Asia as a whole). In these regions, three different language families are represented: Indo-Aryan, Dravidian, and Munda. Speakers of these languages are all settled in adjacent locations, where different language idioms mutually influence each other.

The importance of studying the history of basic vocabulary, such as the 110-item word list, in the context of a language area, stems from the following reasons: 1) the list contains basic vocabulary that is, as a rule, least affected by semantic change and lexical replacement; 2) its items are commonly used in glottochronology to estimate the approximate date of splitting of different language idioms.

According to one methodology of lexicostatistical evaluation of the degrees of genetic relationship between different languages, developed by Sergei Starostin and commonly employed in the Moscow School of comparative linguistics, borrowings from other languages should not be taken into account for such an evaluation, since the number of borrowed words can drastically surge during periods of intensive language contacts, whereas replacement of words from the basic wordlist with other indigenous words is assumed to proceed at a more or less regular rate, independently of language contacts. My goal here is to investigate the possibility of lexical replacement in the basic wordlist with original words from the inherited lexical stock that is nevertheless still driven by language contact.

Although the language map of South Asia (Fig. 1 in the Supplement) shows languages from a variety of genealogical groups, my research concerns only three language families: Indo-Aryan, Dravidian, and Munda. The Indo-Aryan languages are spread throughout the

---

¹ This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 17-34-00018: “Sociolinguistic research of the Koraput Munda languages and development of a multimedia corpus of texts exemplifying different social conditions of language usage”.

Northern part of the subcontinent, while the southern part is largely occupied by Dravidian languages. In the north, Dravidian languages are represented by two isolated areas: Brahui in the west, Kurukh and Malto in the East. The Munda languages, belonging to the Austro-Asiatic family, are spoken in three isolated regions: border areas of the states of Odisha, Jharkhand and West Bengal in the north, the border of Odisha and Andhra Pradesh states in the south, and the border of Madhya Pradesh and Maharashtra states in the west. Archaeological and historical linguistic data allow us to assume that Dravidian and Munda languages may have occupied much larger territories in the past.

We collected data on the languages of the South Odisha micro-area during field trips to Odisha in between 2016–2018². Different datasets were collected, but one of our specific tasks was to assemble 110-item wordlists of basic lexicon. As far as possible, those lists were put together according to the specifications of semantic contexts proposed in Kassian et al. 2010, Dybo 2013.

The languages studied in this paper include³:

- 1) Munda, including two dialects of Sora, two dialects of Bonda, Didayi, Gutob, Ho and Mundari;
- 2) Dravidian, including Koya and Kui;
- 3) Indo-Aryan languages and dialects, including Desiya, Pano (two dialects), Oriya, Bengali, Assamese, Hindi, Punjabi, Lahnda, Sindhi, Rajasthani, Mewati, Gujarati, Marathi, Konkani, Kullui, Garhwali, Kumaoni, Nepali, Braj, Awadhi, Maithili.

Since my research is chiefly focused on Odisha, I need to provide some explanations regarding the idioms of this state, and specifically of South Odisha (Fig. 2 in the Supplement). Sora, whose dialectal diversity has so far not been studied in sufficient detail, is represented by Lanjiya and Sarda dialects. Of these, Lanjiya is the most popular idiom and has been extensively studied by the majority of researchers; we, however, take into account the importance of materials from other dialects as well, primarily Sarda. Lanjiya is spread in Gajapati district and Sarda belongs to Rayagada district.

Bonda is spread in the Malkangiri district. We have collected data on the Lower and Hill dialects, of which the Lower or Plain Bonda is more influenced by widespread languages than Hill Bonda. Didayi is also located in the Malkangiri district; Gutob is native to the Koraput district. All of these belong to the South Munda group. Ho and Mundari languages belong to the Kherwarian subgroup of the Northern Munda group and are spread in several northern districts of Odisha and some districts of Jharkhand.

Of the Dravidian languages, Kui is situated in the Kandamahal district and Koya is a dialect of Gondi spoken in the Malkangiri district.

Finally, of the Indo-Aryan languages, Oriya is the state language of Odisha, belonging to the Eastern group. Desiya and Pano are colloquial idioms, close to Oriya. Existing literature on Desiya is extremely scarce. It is a lingua franca for communication between caste groups and tribes in the districts of Koraput and Malkangiri. It is widely believed to be a pidgin rather than a native language for any of the caste groups and tribes living there. However, according

² I have to acknowledge here Evgeniya Renkovskaya, my constant companion and colleague, without whom this work would not be possible, for participating in the collection of data and for her sharp insights on the subject.

³ The wordlists for Sora, Bonda, Didayi, Gutob, Ho, Mundari, Kui, Koya, Kullui, Oriya and Bengali languages were collected during our field trips in 2014–2018. For other Indo-Aryan languages (Hindi, Punjabi, Lahnda, Sindhi, Rajasthani, Mewati, Gujarati, Marathi, Konkani, Garhwali, Kumaoni, Nepali, Braj, Awadhi, Maithili) we have used the lists from Kogan 2016, with corrections made in Krylova 2017.

to our field data, this is not the case, since there are influential castes, such as the Rona, for which Desiya is native at the moment. Nowadays, the Gutob tribe is switching to Desiya, and rapidly losing its native language. As for the Pano idiom, no one has ever studied it properly. It is spoken by a large caste group in the districts of Gajapati and Rayagada, adjacent to the Sora language (they are spoken next to each other in many villages). It is closer to Oriya than Desiya, but its wordlist still has some significant differences.

According to historical evidence by Piers Vitebsky (2017), during the period when most of the Sora people were monolinguals the Pano caste group occupied the niche of interpreters in the communication between Sora and Oriya-speaking government officials. In communications between the officials of Koraput and local tribes, the main language in use is Desiya, and Desiya-speaking interpreters play a key role, since most of the tribal population speaks Desiya, but not Oriya. From this point of view, Pano and Desiya are in similar positions. We have assembled two 110-item wordlists in the Pano language from the Gajapati and Rayagada districts, because it was not previously clear how the two Pano dialects differ from each other, especially since in two different districts, speakers of Pano language are neighbours to speakers of two different Sora dialects. As for the other Indo-Aryan languages taken into account, I have included these to provide a broader base of comparison.

Variations in basic vocabulary under the influence of language contacts (as in the case of the specified areas) may be traced through borrowings, partial borrowings and replacements of some original words by others (including replacements from inherited vocabulary) under the influence of language contacts. The most obvious example of mutual influence between languages in the vocabulary is, of course, direct borrowing. In the area of intensive language contact, the number of borrowings may be very significant even in the basic vocabulary. For example, I found 18 clear loanwords from the Indo-Aryan and 7 from the Dravidian family in the Munda languages of South Odisha; two Dravidian languages include 20 Indo-Aryan and 1 Munda loanwords; and in the Indo-Aryan idioms of the mini-area, 10 Dravidian and 2 Munda words were discovered. Borrowings from Indo-Aryan languages in Dravidian and Munda are more numerous than borrowings from Dravidian to Munda. Overall, the main source of borrowing is predictably identified as the Indo-Aryan languages; next in frequency are the Dravidian languages, while the contribution of Munda is insignificant.

Indo-Aryan loanwords in Kui: *kali* ‘black’, *raka* ‘blood’, *puri* ‘full’, *loku* ‘person’, *coka* ‘round’, *balu* ‘sand’, *bela* ‘sun’, *dhuali* ‘smoke’, *poheri* ‘swim’, *joṛek* ‘two’, *duru* ‘far’, *basari* ‘year’.

Indo-Aryan loanwords in Koya: Koya *soben* ‘all’, *padan* ‘foot’, *manēi* ‘man’, *mansun* ‘man’, *gunṇan* ‘round’, *paṇḍe* ‘white’, *duram* ‘far’, *worsa* ‘year’.

Indo-Aryan loanwords in Munda languages of the South Odisha: Sora *sana* ‘small’, Bonda *kaliya* ‘black’, Gutob *kakor* ‘cold’, Gutob *bosā* ‘fat’, Gutob *uṛei* ‘fly’, Gutob *jibon* ‘heart’, Gutob *manus* ‘person’, Gutob *besi* ‘many’, Gutob *roṅ* ‘red’, Gutob *joṛek* ‘two’, Gutob *tati* ‘warm’, Didayi *tara* ‘star’, Bonda, Didayi *borti* ‘full’, Bonda, Didayi *bol* ‘good’, Gutob, Didayi *buk* ‘breast’, Bonda, Didayi *patla*, Gutob *potla* ‘thin’, Bonda *borso*, Didayi, Gutob *boros* ‘year’.

Dravidian loanwords in Munda languages of the South Odisha: Sora *kob/kumab* ‘ashes’, Gutob *poṅrei* ‘swim’, Didayi *dula* ‘lie, sleep’, Bonda *piri*, Gutob *piṛi* ‘bird’, Didayi, Gutob *chendi* ‘hair’, Sora, Bonda, Didayi, Gutob *maṇḍi* ‘knee’, Bonda, Didayi *monji* ‘seed’.

Munda loanwords in Kui: *gule* ‘all’.

Dravidian loanwords in Eastern Indo-Aryan languages: Desiya *gar* ‘egg’, *cheṇḍi* ‘hair’, *maṇḍi* ‘knee’, *dul-* ‘lie’, Desiya, Pano *cher* ‘root’, Desiya, Pano (Gajapati) *aṇḍra* ‘man’, Pano (Gajapati) *sok* ‘neck’, *gunḍiya* ‘heart’, Oriya, Pano, Desiya *monji* ‘seed’, Oriya, Assamese, Bengali *kāmuṛ-* ‘bite’.

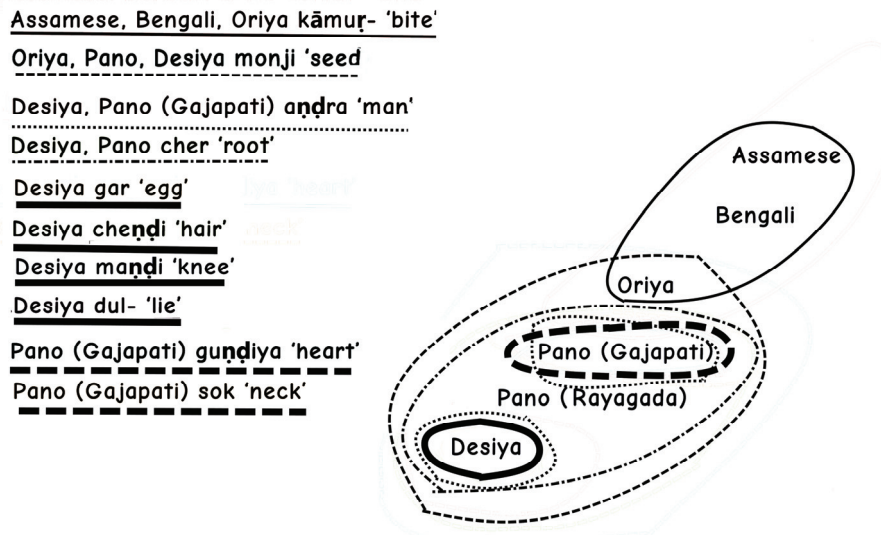

Figure 3. Dravidian loanwords in East Indo-Aryan languages

Figure 3 illustrates the spread of Dravidian borrowings across the 110-item wordlists of Eastern Indo-Aryan languages. It clearly shows that their number reaches its maximum in South Odisha.

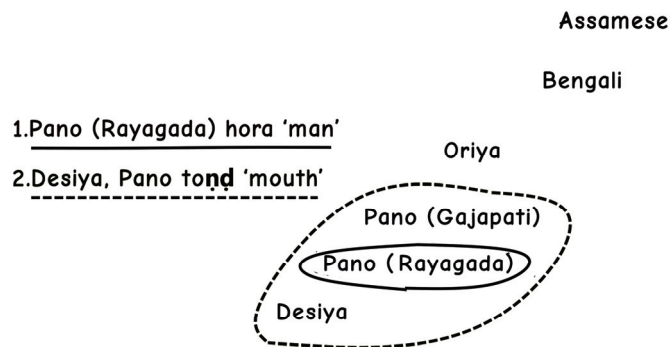

Figure 4. Munda loanwords in East Indo-Aryan languages

Borrowings from Munda to Indo-Aryan are much fewer in number: Pano (Rayagada) *hora* 'man' and Desiya, Pano *tonḍ* 'mouth'. Here it is quite instructive to pay special attention to the latter. This root is widely represented in IA languages, and, according to Turner 1966, it had already been borrowed into Proto-Indo-Aryan:

5853 *tuṇḍa* n. 'beak, trunk, snout' TĀr. MBh., 'contemptuous term for mouth' Bādar, *tūṇḍika* 'having a trunk' AV. [Cf. *trōḍi* f. 'beak, fish's mouth' lex., and further *śuṇḍā*, *cañcu*, **cōṇṭa*. Cert. non Aryan and prob. ← Mu. EWA i 510. Poss. same as *tundi* 'navel' and *tundā* 1 'belly' with which it shares several variant forms. Some of these may be due to differences of dialect in the source language, some to phonetic development within IA. (e.g. *tṭ* > *tṭ*), some to slang deformation]

1. *tuṇḍa*: Pa. *tuṇḍa*, 'aka n. 'beak, mouth, snout'; Pk. *tumḍa* n., 'ḍī f. 'mouth, front part'; S. *tunī* f. 'spout'; Or. *tuṇḍa* 'lips, mouth, beak', *tuṇḍi* 'muzzle', (Sambhalpur) *tūḍ* 'mouth', M. *tūḍ* n.; Si. *tuḍa* 'beak, snout, mouth'.
2. **tuḍa*: Si. *tola* (st. *tol*) 'lip', *toḷu gānavā* 'to graze (lit. rub the lips on)'. 3. **tōṇḍa*: Pk. *tomḍa* n. 'mouth, front part'; M. *tōḍ* m. 'mouth', Ko. *tomḍa*. 4. **tōṭṭa* 1: Or. *toṭi* 'throat'; M. *toṭi* f. 'spout'. 5. **tōṇṭa*: K. *tōṭh* (dat. 'ti) f. 'beak' (← Ind.?). 6. **tutta*: K. *tutu* 'long faced'; WPah. bhal. *tutt* n. 'face', bhad. *tuttar* n. 7. **tuṇḍa* 1: N. *ṭūṇo* 'mouth of animal, beak, point of ploughshare'; Or. (Jānpur) *tuṇḍa* 'lips, mouth, beak'; Bi. *ṭūr*, 'rā 'beard of wheat' (semant. cf. *sūr* s.v. *śuṇḍā* 1). 8. **tuṇṭa* 1: A. *ṭūṭli* 'fleshy protuberance under chin'; B. *ṭūṭi* 'throat'.
9. **ṭōṇṭa* 3: K. *ṭūṭi* f. 'spout' (← Ind.?). Bi. *ṭōṭi* 'spout of drinking vessel'; H. *ṭōṭ* f. 'beak', *ṭōṭi* f. 'spout'. 10. **ṭūṭṭa*:

P. *ṭūṭi* f. 'spout', N. *ṭuṭo*, *ṭi*. 11. *ṭōṭṭa 3: S. *ṭoṭi* f. 'mouthpiece of hookah'; H. *ṭoṭi* f. 'spout'; G. *ṭoṭo* m. 'throat'. 12. *ṭhunḍa: L. *thunn* m. 'thick lips (opprobrious term)', awān. *thun* 'lips'. 13. *ṭhuntha: A. *thūtari* 'chin', B. *thūti*, *thūtani*; Or. *thūti* 'chin, snout'. 14. *ṭhuttha: P. *thūthnā* m., *thūṭhṇi* f. 'mouth of horse or camel'; N. *thutunu* 'nose, snout'; A. *thutari* 'chin'; B. *thuti*, *thutani* 'chin, mouth of animal'; Or. *thuthi*, *ṭi* 'snout, chin, beard'; Bhoj. *thuthun* 'pig's snout'; Mth. *thūthun* 'mouth of animal'; Aw.lakh. *thūthun* 'horse's nostrils'; H. *thūthṇā*, *thūthan*, *thūthnā* m. 'snout, mouth'. 15. *ṭhōḍa 1: Or. *thoṭi* 'lower lip, chin, beard'. 16. *ṭhōḍḍa: L.mult. *thoḍ* m. 'lip', (Ju.) *thoḍ* m., *thoḍi* f. 17. *ṭhōṭṭha 1: Mth. *thothī* 'mouth'; H. *thoth* m. 'snout', *thoti* f. 'forepart of animal's face'; M. *thotri*, *thodri* f. 'side of cheek'. 18. *ṭhōntha 1: B. *thōtā* 'chin'. 19. *ṭhēṇṭha 1: Or. *thenṭa*, *thanṭa* 'beak'. 20. *ṭhunḍa: Ku. *ṭhūn* m. 'beak, elephant's trunk'; N. *ṭhūro* 'beak'; Or. *ṭhunḍi* 'lip, chin'; G. *ṭhūḍi* f. 'chin'. 21. *ṭhudda: P. *ṭhuddā* m. 'beak of a paper kite'; H. *ṭhuddi*, *ḍḍhi* f. 'chin'. 22. *ṭhōṇḍa: H. *ṭhōṇi* f. 'chin'. 23. *ṭhōḍḍa: S. *ṭhōḍi* f. 'chin', P. *ṭhōḍi* f., H. *ṭhōṇi*, *ṭhī* f. 24. *ṭhōṇṭha 1: A. B. *ṭhōṭ* 'beak'; Or. *ṭhunṭhi* 'lip, chin, beak'; Mth. H. *ṭhōṭh* f. 'beak'. 25. *ḍunḍa: L.mult. *dunn*, (Ju.) *dun* m. 'wild pig's snout'. 26. *ḍunḍa 1: K. *ḍonḍu* m. 'front of face'. 27. *ḍutta: Dm. *dut* 'lip'; Woṭ. *dut* f. 'mouth'; Bshk. *dut* 'lip' (Leech "dūdh" < *ḍuddha ?), Tor. *dūt*; Phal. *dut* 'mouth' (*dhut* < *dhutta ?); Sh.pales. *dūt* 'lip'. Forms with *r* (cf. *trōṭi* f. 'beak' lex.) in Sh.koh. *turūṭi* 'lip', jij. *thurūṭi*, gil. *thūṛū* 'ṭū m. 'beak' (Turner 1966: 334).

In Munda languages, the root is well represented and can be traced back to the Proto-Austro-Asiatic level:

393. Kh *to'mo'd* 'Mund (mouth)', Ju *tamar*, *tamon(i)*, *tomor*, Gu *tummo:*, PaV *tovo:*, Re *to:m-* (KF), Pa *to:t*, So *'tʰo:d-ən*, *tʰu:d-ən*, KF *'tam-ən* id. Pal *mu:r*, Kyusao *mu:-ε*, Omachawn *mu-ət*, Rum *mo:i*, Hupawng *mwo-i*, Pangnim *mot* 'mouth', Khm *māt* (*meāt*) 'bouche, gueule, bec', Sem. Jur. New. *temut*, U. Cher. *tə-nut*, Sem. Beg. *lānud*, Sem. Martin *tenót*. U. Tem. *kə-n-ut*, Or. Hu. Joh. II. *snut*, U. Ind. *nut* 'mouth' usw. (Pinnow 1959: 178).

1001 *tʰət 'mouth'. A: (Khmer, Palaungic, Aslian) ~ Jehai *tənəd*, Semnam *təni:d*, Semaq Beri *kənūt*; ~ (*tʰmət >) Khmer *mət* (contaminated by 1045 *mat eye?), Palaung dialects *muət*, *mot* <...> *tʰ in view of Munda, below. <...> Sora *'tʰo:d-ən*, *'tʰud-ən*, &c., ~ Kharia *tʰmʷd*, &c. (Shorto 2006: 287).

Evidently, this word has to be considered as primordial for the East Indo-Aryan level. However, as a rule, in modern Aryan languages it is represented in less basic meanings, such as, 'bird's beak'. In the basic meaning 'mouth', it replaces the descendants of Old Indo-Aryan *mukha* in southernmost Odisha and, apparently not coincidentally, also in Marathi (*tōḍ* 'mouth'), which is in contact with the area where Korku is spoken. Two explanations are plausible: 1) a secondary loanword in New Indo-Aryan languages; 2) as a result of semantic shift, Common Indo-Aryan *mukha* 'mouth' was replaced by descendants of Proto-Indo-Aryan *ṭunḍa* 'beak, trunk, snout' under the influence of neighbouring Munda languages.

Partial borrowing

Partial borrowings are rare in basic vocabulary, and are more likely to represent isolated cases, though they do occur. See, i.e. Gutob *paḍ susuṇ* 'foot', formed from Desiya *pad* 'foot' and Gutob *susuṇ* 'leg'. The Gutob word *susuṇ* means both 'foot' and 'leg', without any lexical differentiation of the two meanings. In Desiya (and Oriya) they are expressed by different words: *pad* (*pəḍə*) 'foot', *god* 'leg'. Thus, areal influence can lead to splitting of previously inseparable meanings and to partial borrowing.

Original words that replace basic lexicon under the influence of language contact

As stated in Normanskaya 2005: 148–149, the colour designation system in the Vedic language did not transparently distinguish between 'green' and 'yellow'. The words *pīta-*, *pītaka* were used for 'yellow', whereas *hāri-*, *hariṇá*, *harit-*, *harita-*, *haritála* could be used for both 'yellow' and 'green'.

For the Proto-Indo-Aryan language this is apparently not the case. In Sanskrit, the adjective *pītala* in the meaning ‘yellow’ is not fixed in texts, but is indicated only in lexicographical works. However, it is from this word that items with the basic meaning ‘yellow’ (included in the 110-item wordlists of the majority of Indo-Aryan languages) have developed:

- 8233 *pītala* 1 ‘yellow’ lex. 2. *pīthala - . 3. *pīvala 4. *pīvaḍa - . [*pītala*(ka) n. ‘brass’ lex. ~ *pittala* 2: see *pittā*, *pīta* 2]
1. Pk. *pīala* ‘yellow’, Ap. *pīara*, Paš.ar. *piā’lo*, dar. *pēla*, Woṭ, *pyēl* (m. and f.), Gau. *pīlū*, Sh.pales. *pī’lo*, S. *piaro*, L. P. *pīlā* (P. also *pillā* ‘pale, yellow’), B. *pīlā*, Or. *pīlā*; Bi. *pīar*, *pīarā* ‘yellow (of cattle)’, *pīyar*, *pīyarā* ‘half fired brick’, (Shahabad) *pīyar* ‘gram with yellow pointed grain’; Mth. *pīar* ‘yellow’, *pīrī* ‘yellowness’, Bhoj. *pīlā* adj., OAw. *piyari* sb., lakh. *piar* adj., H. *pīlā*, OMarw. *pīla*, G. *pīlū* adj., *pīyaḷ*, *pīli* f. ‘painting women’s foreheads esp. with red’ (whence *pīlvū* ‘to colour yellow, to dirty’). Bshk. *pāla* ‘blue, green’ (AO viii 307) rather < *palitā* or *palva.
2. Gaw. *phialā* ‘yellow’, Sv. *phyaló*, Ku. *pīhālo*, *pīhalo*, N. *pa(h)ēlo*; Tor. *pihil* ‘green’ (but AO viii 307 doubts).
3. Pk. (Deśīn.) *pīvala* ‘yellow’; Ku. *pyūli* ‘a small wild flower’, *pyuraṛi* ‘a small yellow bird’; B. *piuli* ‘yellow colour, the flower *Hypericum cernuum*’; Or. *piuli* ‘yellow’, M. *piolā*.
4. B. *piuri* ‘yellow tawny colour’; Or. *piuri* ‘yellow’.
- *pīlatvanā; *pītalavarna.
- pītala* 2 ‘brass’ see *pittala* 2.
- Addenda: *pītala* 1. 1. S.kcch. *pīro* ‘yellow’.
3. *pīvala: WPah.kṭg. (kc.) *piuḷo* ‘yellow’, J. *pyūḷā*. (Turner 1966: 466)

While in Sanskrit *hari* means both ‘yellow’ and ‘green’, the basic adjective ‘green’ in most Indo-Aryan languages originates from its derivative *harita*. The meaning is more or less stable (if we exclude Dardic languages and Rigveda):

13985 *hārīta* ‘yellow’ RV., ‘green’ Śīs., *haritaka* ‘greenish’ MW., n. ‘vegetable matter’ Car. 2. *hārīta* ‘green’ W., °*taka* n. ‘vegetable matter’ lex. [*hārī*]

1. Pa. *harita* ‘green, fresh’; Pk. *hariya* ‘green’; Kal. (Leitner) “*harīlek*” ‘green’, rumb. *hā’rila* ‘brass’, urt. *harī’ra* (or < *hārīta* ?); S. *haryo* ‘fresh and green, luxuriant’; P. *hariā*, *harā* ‘green’; WPah.jaun. *harō* ‘verdant’; Ku. *hariyo*, *haro* ‘green’, N. *hariyo*; B. *hariyā* ‘meat curry’; Or. *harā* ‘green’, OAw. *harī* (pl. m. *hare*), lakh. *harā* (*hariab* ‘to become green’); H. *hariyā*, *harā* ‘green’, OMarw. *harīyaū*, G. *haryū*, *harū*. (Turner 1966: 809)

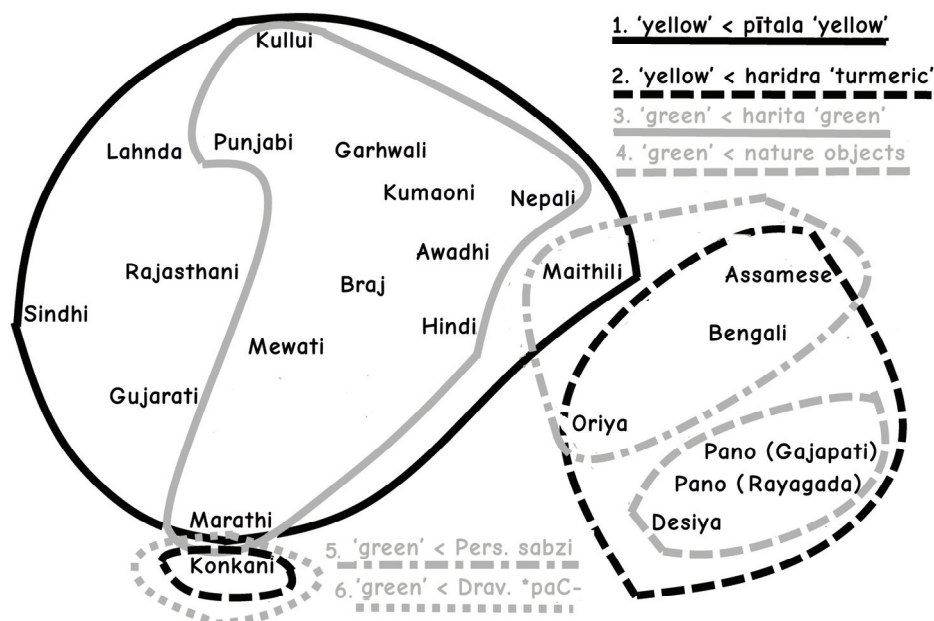

Figure 5. Origin of the basic words for ‘yellow’ and ‘green’ from Indo-Aryan languages

Fig. 5 illustrates the origin of basic words for ‘yellow’ and ‘green’ from the 110-item wordlists in Indo-Aryan. We can see that isoglosses for the descendants of *pītala* and *harita* for the most part embrace the Indo-Aryan area, but do not reach over to Eastern India. In Eastern Indo-Aryan languages, *yellow* is derived from the words for ‘turmeric’ (Proto-Indo-Aryan *haridra*): Bengali *hólud*, Assamese *halodhiya*, Oriya *haḷadiā*, Pano *hɔ]diya* and Desiya *oldi*. The same situation is also present in all Munda and Dravidian languages taken into account: Sora *saṅsaṅ*, Bonda *saṅsaṅ*, Didayi *sia*, Gutob *saṅsaṅ*, Mundari, Ho *sasaṅ*, Kui *siṅa*, Koya *kamka raṅ*, *paspa raṅ* (with the loanword *raṅ* ‘colour’ as the second element).

Outside Eastern India, among Indo-Aryan languages the form *haḷduve* ‘yellow’ is related to ‘turmeric’ in Konkani, which is in close contact with the Dravidian languages.

As for the colour ‘green’, it is borrowed from Persian *sabz* ‘green’ in the north of Eastern India: Bengali *šobuj*, Assamese *xeuḷ*, Oriya *sabujā*, Maithili *sabuj*. In the south of Odisha, this colour designation is primarily associated with various natural objects. The colour prototype is taken from: (a) ‘leaf’: Pano *potro kolor*, Gutob, Didei *ola kolor*, Koya *aak raṅ*; (b) ‘a kind of weed or moss’: Desiya *jogliya*, Sora *kului*, Mundari, Ho *gaded*, Kui *jiven* (meanings given by Sidwell 2009–2011). As for Konkani, *pācve* ‘green’ here is a loan from Dravidian.

A strong connection of ‘yellow’ with ‘turmeric’ (also called curcuma and Indian saffron) is observed in Dravidian languages, cf.: Proto-South Dravidian **arisana-* ‘saffron; yellow’, Proto-South Dravidian **manǰa!* ‘yellow, turmeric’, Proto-Gondi-Kui **siṅiṅ-* ‘yellow, saffron’ (Starostin 2006).

The same connection is also present in the Austroasiatic language family, cf.:

1052 **rmit; *rmiit; *rmiət* Curcuma species; yellow. A: (South Bahnaric, Mon, Khasi) Mon *mit* turmeric, Proto-Nyah Kur **mūt <...>*, Sre *rəmit* greenish- yellow, Chrau *rəmut* yellowish, Biat *rmut* saffron (→ Stiang *rəmat?*), (or B) Khasi *lmit-lmit* rather [yellow]; ~ Khasi dialect *shyrmit* turmeric. B: (Palaungic, ?Central Aslian) Riang-Lang *_rəmit* turmeric, yellow, (or A) Central Sakai *rəmit* saffron. C: (Khmer, Katuic, Khasi, Central Aslian) Old Khmer *rmyat*, Modern Khmer *rəmiət*, *lmiət* saffron, Kuy *lmi:t* yellow, Khasi *lmet-lmet* very [yellow], Proto-Semai **rməet* yellow <...> (Shorto 2006: 299).

While Proto-Indo-Aryan shows some stability in differentiating between ‘green’ and ‘yellow’, this is not the case in Proto-Dravidian, cf.:

(a) Proto-Dravidian: **paC* ‘green, yellow; fresh, raw’ > Proto-South Dravidian **pač-/*pas-*, Proto-Telugu **pacc-/*pas*, Proto-Kolami-Gadba **pac-/*pas*, Proto-Gondi-Kui **pas*;

(b) Proto-Dravidian: **pūc* 1 ‘green’ 2 ‘yellow’ > Proto-South Dravidian **pūc*, Brahui *pūshkun* (Starostin 2006).

In some languages, the two meanings became differentiated later through additional lexical means, without the differentiation becoming obligatory, unlike in Indo-Aryan languages, cf., for instance in Telugu:

pacca I. n. 1 greenish yellow colour; *aaku* ~ green (like a leaf); *pasupu* ~ yellow (like turmeric) (Gwinn 1990: 312).

Austro-Asiatic terms for ‘green’ are not well differentiated from ‘blue’ and sometimes ‘yellow’, cf.:

1559b **t̪iir; *t̪ər* ‘blue, green’. A: (South Bahnaric, Khasi) Biat *er* ‘yellow’; ~ (**t̪i]iir >*) Sre *talir* ‘blue, green’ (→ Röglai), Khasi *lir* ‘blue, indigo’ (compounding form?). B: (South Bahnaric, Khmuic) Biat *vr* ‘green’, Thin *ʔiir* ‘blue’ (Shorto 2006: 416);

1585 **j̪aār* (> Pre-Palaung &c. **j̪iər, *j̪ə(ə)r; *j̪[ɔ]r* ‘green’. A: (Palaungic) Kammu-Yuan *cəj̪á:r*, Palaung *j̪iər, j̪ər*, Riang-Lang *_j̪er*, Lawa *saṅa* ‘green’, Khasi [*im*] *ngarngar* ‘very [green, unripe]’. B: (Khmuic, Ni-

cobaric) Central Nicobarese *cunɔ:ə* ‘blue, green’, Nancowry *cunɔuá*; ~ Kammu-Yuan [*cəŋá:r*] *cəŋɔ:r* ‘green’. Vocalism obscure. Cf. Central Nicobarese *ɲə:-, -ɲə:* ‘yellow’, Nancowry *ɲá* (Shorto 2006: 422).

My interpretation of Eastern Indo-Aryan innovations in colour terminology is as follows: when native Munda and Dravidian speakers of East India began switching to Indo-Aryan dialects *en masse*, the unusual colour designation for ‘yellow’ was replaced by a calque, based on the meaning ‘turmeric’. At the same time, a separate colour designation for ‘green’ was lost until the era of mass borrowings from Persian in the Middle Ages, when a Persian name was introduced for this colour. In the preserved Dravidian and Munda languages, new descriptive colour designations for ‘green’ were occasionally developed. These designations were derivatives from or words coinciding with the names of natural objects, such as the leaf or a weed (exactly, *Hydrilla verticillate*). Since then, small Indo-Aryan idioms of South Odisha, under the influence of Munda and Dravidian languages of the substrate, have also developed new calque-based colour designations for ‘green’, based on natural objects. Thus, this is an example of mutual influence between language families, which occurs in several stages. For Konkani, I can suggest that the word for ‘yellow’ was replaced by *halduve* under South Dravidian semantic influence, and that later the descendant of *harita* ‘green’ was replaced by a Dravidian loanword because of phonetic closeness of the original word for ‘green’ to the new word for ‘yellow’.

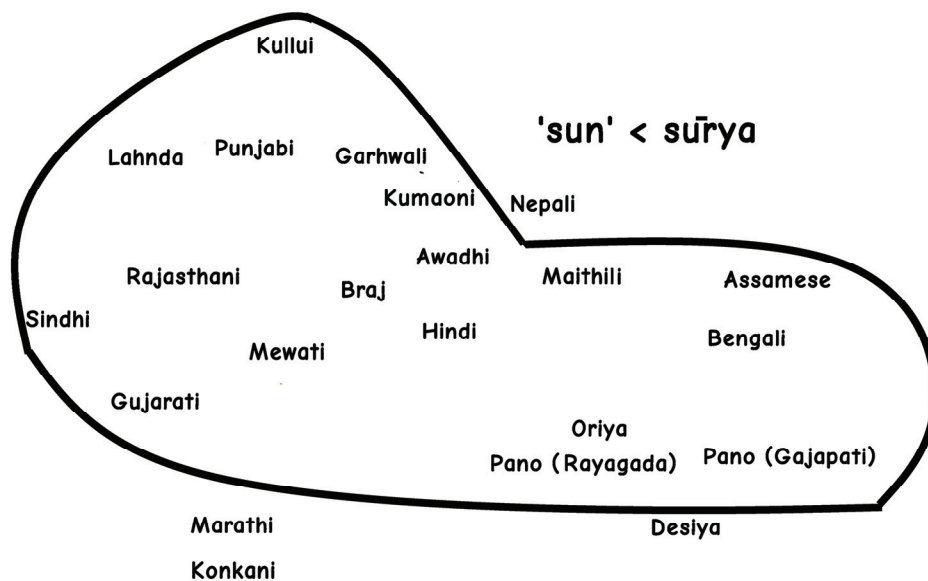

Figure 6. Descendants of *sūrya* ‘sun’ with the same meaning

The next example to be examined refers to the meaning ‘sun’. In the vast majority of Modern Indo-Aryan languages, the main term for ‘sun’ goes back to Proto-Indo-Aryan *sūrya/sūriya* (Fig. 6), although it has many synonyms, primarily Sanskritisms.

However, we can see that in Desiya the lexeme *bel* is used with the same meaning. It is obviously related to Kui *bela* with the same meaning. However, the root is widely represented in various Indo-Aryan languages, as reported in Turner’s dictionary:

12115 *vēlā* f. ‘limit, boundary, time’ ŚBr., ‘flood tide’ MaitrUp., ‘shore, opportunity’ MBh. 2. **vēdā*. 3. **vīlī* ‘tide, time’. [*ḍ* appears in K. and Or. and poss. in compd. **ardhavēdā*. In N. Mth. Bhoj. Aw. H. forms with *r* could derive from *ḍ*, but more prob. represent the EH., Bi. or Mth. change of *l* > *r*. But the forms of *vēlā* and **savēlā* with *-r->* occurring in P. Ku. G. M. (as well as those already mentioned) may be from an old **vērā* ~ *vēlā* rather than all be loans from the East Hindi Bihari area.<...> 1. Pa. *vēlā* f. ‘shore, time’; NiDoc. *velanmi*

loc. sg. m. 'time' (*yamvela* 'when', *tainvela* 'then'); Pk. *vēlā* f. 'shore, tide, time, opportunity' (whence *vēlāvai* 'is late'); Ash. Wg. Kt. *wēl* 'time, season, year'; Sh. *bēl*, *bil* (following pres. part.) 'at the time of'; K. *vil* f. 'short space of time', *vēla* m. 'time, hour'; S. *vera* f. 'time, delay', *veri* f. 'time, turn'; L. *vel* f. 'leisure', *velā* m. 'time'; P. *vel* f. 'length of an animal', *velā*, *be*° m. 'time' (*ber* f. 'time' ← H.), *bhaṭ. us vēlē* 'then', *ik bēri* 'once'; WPah.bhal. *āṇ belū* 'untimely', *cam. bēr* 'delay'; Ku. *bel* f. 'meal fixed for a time, food taken at one time, meal', *ber* 'time'; N. *ber* 'time'; A. *beli* 'time, turn, year'; Or. *bela* 'daytime', *ṛle* 'once during the day', *ṛlū*, *ṛlu* 'from the beginning'; Mth. *beri* 'time', *beria* 'afternoon'; Bhoj. *bēr* 'time'; OAw. *bera* f. 'time, turn', *lakh. bēr*; H. *ber* f. 'limit, season, time', *biriya* f. 'space of time'; G. *veḷ* f. 'time'; M. *veḷ*, *eḷ* f. 'seashore', m.f. 'time, leisure, half day'; Ko. *veḷu* 'time'; Si. *vel* a 'seashore, sandbank' <...> (Turner 1966: 702).

However, the meaning of this word, as a rule, is not 'sun', but rather 'time span', 'day-time'. Exceptions are found in the Eastern Indo-Aryan languages Assamese and Oriya, in which one of the meanings is precisely 'sun': Oriya *bel* 'time, time or half part of day, the sun' (Praharaj 1931–1940: 5902), Assamese *beli* 'time, the sun, turn, year, delay' (Candrakānta 1962: 700).

Of course, this term is not the most widely used, thus it is not found in the basic wordlist. In general, the polysemy 'time/sun' is not widespread among Indo-Aryan languages, and in Sanskrit *vela* does not mean 'sun', but 'limit', 'boundary', 'period of time' etc. On the contrary, in Dravidian languages such a polysemy is very common, cf.:

3774 Ta. *nēram* time, season, opportunity. Ma. *nēram* sun, day, light, time, season, hour, turn; *nērattu* early, seasonably. Koḍ. *ne'ra* sun, time; *ne'rate* early in the morning. Tu. *nērḍē* id. Br. *dē* sun, sunshine, day, time (Burrow & Emeneau 1984: 337).

However, the word *vela* 'sun, time' in Dravidian languages is represented only at the Gondi-Kui level, cf.: 'sun' — Konda *podu* 1 <...> Cf. also *ve:la*, with polysemy: 'sun/time' <...> (Sova dialect variant: *ve:ṛa*); Pengo *ve:ṛa* 2 <...>. Polysemy: 'sun/time'; Manda *ve:ṛa* 2 <...> Polysemy: 'sun/time/period/daytime/season'; Kui *ve:la* 2 <...> Polysemy: 'sun/time/hour/occasion/season'. Balliguda dialect: *be:la* 'moment, time' <...>, but the meaning 'sun' comes out in compounds, e.g. *be:la pe:nu* 'sun deity', etc.; Kuwi *ve:ṛa* 2 <...> Polysemy: 'sun/age'. Sunkarametta, Parja: *ve:ṛa* 'sun' <...> Additionally, cf. also *ga:ma* <...>, with polysemy: 'sun/perspiration' (Starostin 2001–2019).

Since it is not represented in other Dravidian groups, we can assume the word to be a local borrowing from Indo-Aryan languages. At the same time, the meaning 'sun', which became its main meaning in Desiya, and its secondary meaning in Oriya and Assamese, probably developed in Eastern Indo-Aryan languages under the influence of Dravidian.

Another possible substrate phenomenon that we may have been able to come across is the word for 'woman', derived from the word 'mother' in Desiya and Pano: *mai*, *mai:ji*. A similar development in the meaning 'woman' may be seen in Gutob (*yaṅkwi*, a combination of *yaṅ* 'mother' with the feminizing suffix *kwi*).

Cf. similar semantic shifts in Mon-Khmer languages:

113 *[?]*bo?* 'mother'. A: (Mon, Viet-Muong, North & Central Aslian) Old Mon *'bo'* /*mbuu?*/ 'mother', Modern Mon *b3?* 'female of animals' <...>, Jehai *b2*, Temiar *bo:?* 'mother'; probably → Malay *ibu*, → Javanese *ibu*; ~ Muong *bḡ* <...> Vietnamese *vợ* 'wife', Semnam *babo:?* 'wife, woman', Jehai *babo?*, Temiar *babo:?* 'woman'. Or **mb-* (Shorto 2006: 96).

However, in this case, I do not have sufficient data to make any strong conclusions.

In addition to the abovementioned cases, there are cases of less easily explicable areal substitutions in East Indo-Aryan languages, some of which need to be examined in more detail.

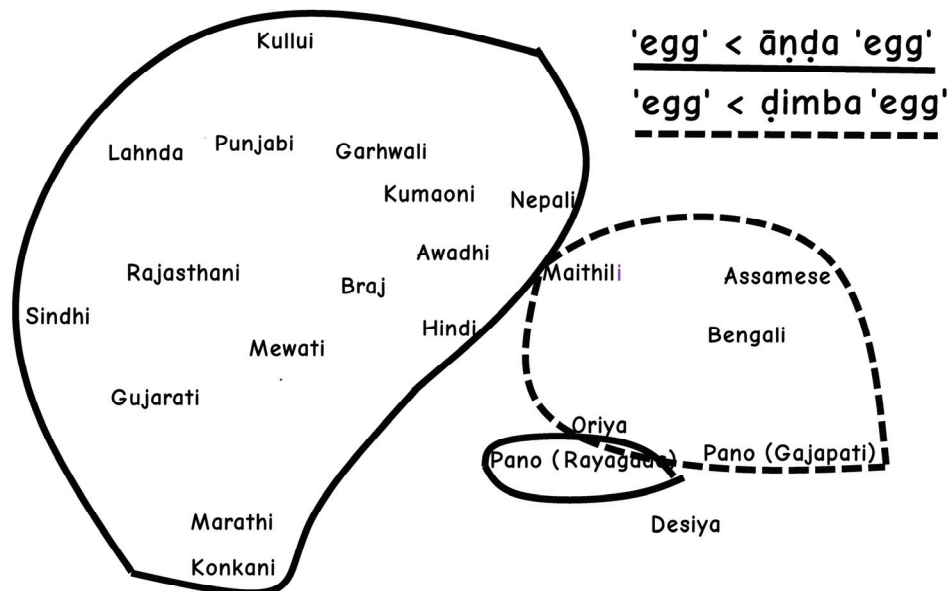

Figure 7. The origin of the words for 'egg' in 110-item wordlists of Indo-Aryan languages.

For example, in most Indo-Aryan languages the meaning 'egg' is expressed by descendants of Old Indian *āṇḍa*, while in Bengali, Assamese, Oriya and Maithili it is developed from *ḍimba*: Assamese *ḍima*, Bengali, Oriya *ḍim*, Maithili *ḍīm* (Fig. 7). Curiously, Proto-Indo-Aryan *āṇḍa* is associated with the polysemy 'egg/testicle', while *ḍimba* is associated with the polysemy 'egg/foetus' polysemy, which brings it closer to the Proto-Dravidian term **karb-* 'egg, foetus':

Proto-Dravidian : **karb-* 'egg, foetus' > Proto-South Dravidian : **karu-* 'foetus' (Tamil *karu* 'foetus, embryo, egg, germ, young of animal', *karuppai* 'womb', *karuvam* 'foetus, embryo', Malayalam *karu* 'embryo, yolk', *karuntala* 'generation', Kannada *kandu* 'foetus of beasts'), Proto-Telugu **karv-* 'foetus' (Telugu *karuvu*, also *kari* 'uterus of animals', *karugu* 'an unopened ear of corn'), Proto-Kolami-Gadba **karb-* (Parji, *kerba*, pl. *kerbel* 'egg', Ollari Gadba *karbe* 'egg'), Proto-Gondi-Kui **garb-* 'egg' (Proto-Gondi **garb-* 'egg' > Koya Gondi *garba*, Su. *garbūm*) (Starostin 2006).

Although some of the listed Dravidian forms, contrary to the etymology, seem to have been borrowed from Old Indian *garbha* 'foetus' (Koya Gondi, etc.), others are more likely to represent an inherited item, or, at least, the results of contamination between an inherited root and the phonetically and semantically similar Indo-Aryan item. We can therefore suggest the polysemy 'egg/foetus' for the Proto-Dravidian level.

Among the 110-item wordlists that I have personally analyzed, this root is represented by Kui *garbaṅ* 'egg' and by the Dravidian borrowing *gar* 'egg' in Desiya. As to the descendants of Proto-Indo-Aryan *ḍimba*, it can be suggested that Dravidian influence may have been behind the choice of root in the basic lexicon.

The meaning 'knee' presents another example of this kind. Thus, the descendants of Proto-Indo-Aryan *godḍa* 'ankle' with the meaning 'knee' are common in the middle part of the Indo-Aryan region, but not in the east, where the descendants of Proto-Indo-Aryan *aṣṭhīvāt* 'knee' dominate (Fig. 8). In Desiya, however, they are replaced by another Dravidian loan, *maṇḍi* 'knee'. Moreover, Dravidian *maṇḍi* is borrowed into all the Munda languages in the micro-area under study (Sora, Bonda, Dideyi and Gutob).

To conclude, it is extremely important to pay attention to the influence of substrate on basic vocabulary in the case of a language area, since the semantic shifts which occurred under this influence, may have a critical effect on evaluating the degree of genetic relationship between

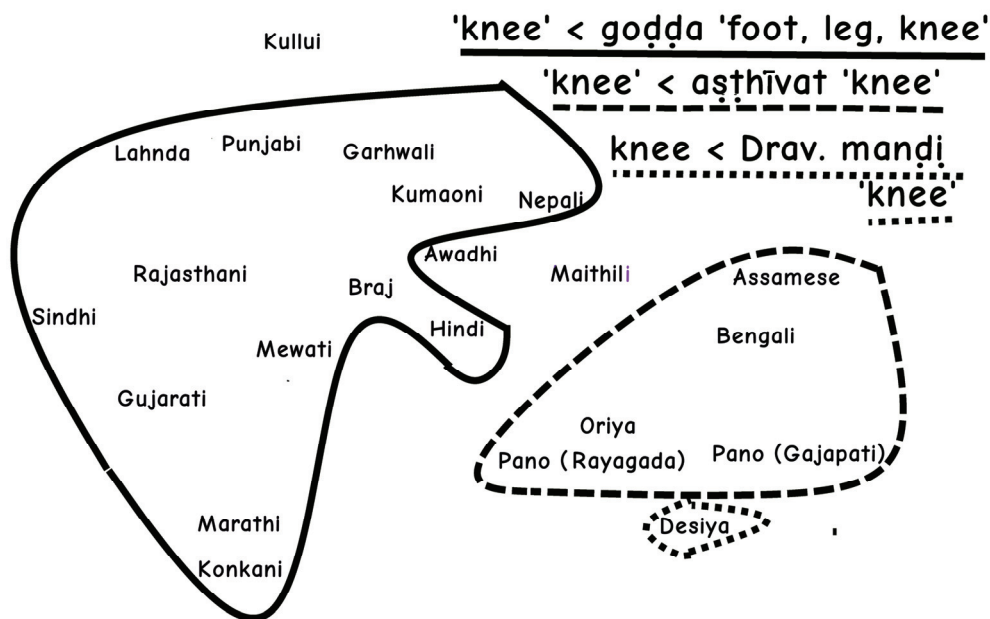

Figure 8. Origins of the words for 'knee' in 110-item wordlists of Indo-Aryan languages.

languages. Here, we can see how Eastern and Southern Indo-Aryan languages show some cases of replacement of words from basic vocabulary by another primordial words under Dravidian and Munda influence. In South Odisha, the area of very close communication between speakers of three language families, such substitutions are observed immediately in real time.

Additional materials for the paper (maps) are available in the online Supplement at: <http://jolar.ru/jlr11/krylova.zip>

References

- Burrow, Thomas, M. B. Emeneau. 1984. *A Dravidian etymological dictionary*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
- Dybo, Anna V. 2013. *Etimologičeskij slovar' tyurkskih jazykov. Tom 9 (dopolnitel'nyj): Etimologičeskij slovar' bazisnoj leksiki tyurkskih jazykov*. Astana.
- Gwynn, John P. L. 1991. *A Telugu-English dictionary*. Delhi/New York: Oxford University Press.
- Kassian, Aleksei, George Starostin, Anna Dybo, Vasily Chernov. 2010. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship* 4: 46–89.
- Kogan, Anton. 2016. Genealogical classification of New Indo-Aryan languages and lexicostatistics. *Journal of Language Relationship* 14: 227–258.
- Krylova, Anastasia. 2017. Lexicostatistics and the New Indo-Aryan languages. *Journal of Language Relationship* 15: 279–298.
- Normanskaya, Yuliya V. 2005. *Genezis i razvitie sistem cvetooboznachenij v drevnih indoevropskih jazykah*. Moskva: Institut jazykoznanija RAN.
- Pinnow, Heinz J. 1959. *Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Praharaj, Gopal C. 1931–1940. *Purnnacandra Odia Bhashakosha*. Cuttack: Utkal Sahitya Press.
- Shorto, Harry. 2006. *A Mon-Khmer comparative dictionary*. Canberra: Pacific Linguistics.
- Turner, Ralph L. 1966. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. Oxford University Press.
- Starostin, George. 2006. *Dravidian Etymological database*. Available online at: <http://starling.rinet.ru> [Accessed 07.11.2018].
- Starostin, George (ed.). 2011–2019. *Global Lexicostatistical database*. Available online at: <http://starling.rinet.ru/new100> [Accessed 07.11.2018].
- Vitebsky, Piers. 2017. *Living Without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos*. Chicago/London: The University of Chicago Press.
- Sidwell, Paul (ed.). 2009–2011. *Munda Languages Database*. Available online at: <http://sealang.net> [Accessed 07.11.2018].

А. С. Крылова. Ареальные особенности 110-словного списка по индоарийским языкам Южной Ориссы

Основной темой статьи является проблема замены исконных слов, относящихся к базисной лексике, под влиянием языковых контактов между индоарийскими, дравидийскими и мунда языками в Южной Ориссе и Восточной Индии в целом. Помимо заимствований, особое внимание уделяется случаям неочевидного контактного влияния субстрата в индоарийских языках, когда исконное слово заменяется на другое исконное в результате семантического сдвига, характерного для другой языковой семьи. Рассмотрение таких изменений критически важно для лексикостатистических подсчётов.

Ключевые слова: индоарийские языки; дравидийские языки; мунда языки; базисная лексика; лексикостатистика; ареальная лингвистика.

Degrees of comparison in Hittite and Luwian¹

In this paper I analyze degrees of gradation in Hittite, looking at equative, similitive, comparative, superlative, elative and excessive semantics in Hittite myths, prayers, letters and instructions, in comparison with Luwian data. The results may work towards a better understanding of degree formation in Indo-European languages, with implications for possible reconstructions of Proto-Anatolian and Proto-Indo-European. Corpus approach and contextual analysis applied to Hittite material help to extract contexts that are not explicit and might be described as pragmatic means of expressing gradation semantics. The paper aims at shedding light on the early processes in Indo-European comparative morphology, as attested in Anatolian languages.

Keywords: Hittite language; comparative syntax; historical semantics; corpus approach; degrees of gradation.

1. Introduction

When speaking of gradation degrees, we typically mean degrees of comparison in adjectives and adverbs (cf. Luján 2019: 306), which is not completely without reason: gradation can be construed as a quantifiable feature on a scale compared to a certain standard ('as big as an elephant'). Consequently, this implies attributive semantics, most frequently expressed in the world's languages by adjectives, adverbs and adjectival verbs. Exploring gradation as a universal semantic category in a language, we have to take into account the other means of its expression as well, including syntactic and pragmatic. These might also include morphological means (cases of comparison), parallel sentences with comparison semantics, elements of information structure (foci). Not all of them can easily be spotted in a dead language with a closed corpus, which led to certain gaps in grammar of Anatolian languages. Our paper aims at filling this gap, with a distant purpose to acquire necessary details for a wider comparison both within the Anatolian family and, beyond it, with Narrow Indo-European languages, and for more informed attempts at reconstruction of Proto-Indo-European comparative morpho-syntax.

Hittite is an ancient Indo-European language attested on numerous clay tablets 18–12 cc. BC; it belongs to the Anatolian family, along with Palaic, Lydian, Luwian, Lycian, Carian, Sidetic, and Pisidian. It should be noted that of all Anatolian languages Hittite has the biggest uncovered corpus of documents, preserved in royal archives of Hattusa and other cities of the Hittite Empire. Another language of this family, Luwian, remained in widespread use throughout the Hittite Empire and even at the very heart of it, the capital city of Hattusa (see Yakubovich 2010 on Luwian sociolinguistics), which resulted in significant areal contacts between the two languages. Both Luwian and Hittite are attested in cuneiform, while Luwian is also attested in hi-

---

¹ Work on the paper was supported by the financial aid from the project RSF #18-18-00503 "The most ancient poetic systems of the world: from Sumerian to Ancient Greek". I express my gratitude to Ilya Yakubovich, Paul Widmer, and Katsiaryna Ackermann for discussing different aspects of gradation semantics in Anatolian and Indo-European languages. All the mistakes are naturally mine.

eroglyphic inscriptions (Yakubovich 2010, 2019). Cuneiform was adopted by the Hittites from Old Akkadian scribing schools, Akkadian being *lingua franca* in the Ancient Near East of II millennium BC, Old Hittite documents of 18 c. BC mostly written in Akkadian. Cuneiform writing, therefore, contains a lot of Akkadian and Sumerian logograms, sometimes accompanied by phonetic complements to help readers better understand the Hittite cases and verb endings. The phonetic complements allow us to know that the texts were indeed read in Hittite, and not in Akkadian (except in many cases when Hittite scribes wrote in proper Akkadian; see also Kudrinski, Yakubovich 2016)².

Certain obstacles to analysing meaning in Hittite and Luwian, extinct languages with no access to testing semantics in an experiment (the usual practice for living languages), should be discussed here. The need for a semantic test is commonly justified by the presence of homonyms and homographs in any language, and by the ability of the same words to function as different parts of speech, which is the case with Hittite: for example, conjunctions/particles *mahḫan* and *mān* are attested as both adjectives and adverbs.

In turn, conjunctions might well be comparative particles or relative pronouns; fragmented structure of the Hittite texts often makes it difficult to understand the words' current function. But in the case of dead languages we can only apply contextual analysis, supported by the philological method, which noticeably lessens effects of automatic natural language processing (NLP). Since there are almost no completely preserved tablets and texts in Hittite, we have to include fragmented sentences to illustrate degrees of comparison if semantics is clear, even when the whole context is badly preserved.

2. The corpus and the method applied

There are two main sources for the Hittite corpus exploited for the purpose of the current paper. The first one is the online corpus of Hittite letters and instructions (<http://hittitecorpus.ru>) digitalised and annotated by the author, built on material published in “Letters from the Hittite Kingdom” (Hoffner 2009) and “Hittite Royal Instructions” (Miller 2013). The second consists of Hittite prayers published online by Rieken et al., which have also been used as material for my research, with a limited addition of Hittite myths from the same source. There is one solid reason to look for degrees of comparison in myths, hymns, prayers and certain kinds of letters and instructions more than in any other types of texts; choice of material has been influenced by the common topics of those texts, where someone or something is often compared to other things or people (“thou art the best of all deities”, “this message is just what one would expect from my brother”, “this place is very important”, “he was as (fast) a spear, as (ferocious) as a lion”, etc.). All in all, an amount of up to 9000 clauses has been involved in the current research (4984 for letters and instructions, around 3000 clauses in the online prayer corpus, and around 1000 clauses in myths). Occasionally, there are examples from classical Hittite grammar (Hoffner, Melchert 2008) and the Chicago Hittite Dictionary (CHD), consulted when my limited corpus has not yielded specific data on the degrees of comparison in Hittite. The list of all the sources and their editions is given sub References. Luwian material includes the

---

² The established practice of cuneiform transliteration is to use small letters for Hittite, capital letters for Sumerian, and capital italic for Akkadian. The same applies to the Hittite and Luwian contexts in the paper below. As far as fragmented pieces are concerned, square brackets mark broken parts and the text restored philologically; round brackets mark parts restored from copies of the text. Superscript marks determinatives (word classes which were probably not pronounced in reading), subscribed digits mark homophonous logograms.

well-understood bilingual inscription KARATEPE (following Yakubovich 2013), where Phoenician reading can be compared to help making the meaning clear, a building inscription of Katuwa, ruler of Carchemish, and some other texts from the Annotated Corpus of Luwian Texts (ACLT).

The methodological basis for the paper can be described as follows. Gradation, following common practice, is defined as an act by which an entity is explicitly assigned a position relative to some other contextually relevant value on a gradable predicative scale. E.g., in (1) Peter is placed on the scale of a body size, where ‘rather’ assigns a graded value to the quality:

(1) Peter was rather tall.

Based on Small’s classification of equal and unequal (Small 1929: 12–13), Hahnemann suggested the following classification (Hahnemann 1999:2, which is quite consistent with any other attempt at theoretical descriptions of gradation and comparison that I am aware of, including Haspelmath & Buchholz 1998, Haspelmath 2017, Gorshenin 2012, Dixon 2012). Two entities x and y are involved in comparison. There might be one or two predicates that attribute properties P and Q to x and y . Their relative positions on the scale can be expressed as $P(x)$ and $Q(y)$. The entities may refer to different ($x \neq y$) or the same ($x = y$) referents. X is a comparee (CMPREE), y is a standard of comparison (STAND). The properties are called parameters (PAR). The standard and the parameter have their markers (STM, PM) which may be a separate word (a function word, a particle, an adverb) or a case (a morpheme or a preposition phrase). Parameters may be expressed as verbs/adjectives. A semantic classification has also been developed (following literature mentioned above), see Table 1.

Table 1. Types of gradation

equative	X is exactly the same as Y
similative	X is like Y
comparative of superiority/majority	X is more than Y
comparative of inferiority/minority	X is less than Y
superlative of superiority/majority	X is the best of Y
superlative of inferiority/minority	X is the worst of Y
elative	X is very Y
excessive	X is too much Y

All in all, there are 11 types of possible combinations for described parameters, in addition to sentences with two predicates (“The room is wider than it is longer”; “As my mother gave me birth, you, Sun God, pour life back in me”). Not all of them, however, can be applied to Anatolian languages. Our first goal in this paper was to build a classification of those types that are attested in Hittite and Luwian, and to compare these languages, with the assistance of corpus approach.

3. Hittite and Luwian evidence

It will be shown below that Hittite possesses a rather limited range of forms and structures denoting degrees of comparison when compared to Narrow Indo-European languages; for example, it almost never uses adpositions to address comparative semantics. Postpositions in Hittite corpus are introduced only to deliver similative and superlative semantics. Citing Ilya

Yakubovich, “a well-established feature of the Hittite language, which separates it from the better-known ancient Indo-European languages, such as Latin, Greek, or Vedic, is the lack of morphological expression for the comparative and superlative degrees of adjectives (Hoffner, Melchert 2008: 273–276)”.

For the most part, Hittite uses syntactic and pragmatic means to express comparatives and superlatives — indeed, there are no morphological tools for comparison that could be compared to Greek *-ίων, -ιστος, -τερος, -τατος*, Latin *-ior, -issimus*, or English *-er, -(e)st*. Assuming that formation of degrees of comparison could start independently in Anatolian languages, it would be interesting to look at the material of Anatolian languages in light of morphosyntactic approach to gradation. Unfortunately, the corpus approach here is mainly applicable to Hittite material, since the Hittite corpus is so much better elaborated for these purposes. Some Luwian examples, however, managed to be extracted from ACLT and from Yakubovich 2013. The latter work is particularly interesting in that it shows (p. 157) that, by contrast with Hittite, Luwian supplies us with at least one morphologically expressed superlative.

The Luwian similative, using a postposition, is found in cuneiform Luwian, the Ritual of Puriyanni:

- (2) CTH 758.1.B, KUB 35.54 rev. iii 24–26 (Ritual of Puriyanni against pollution of the house)

[wa-]a-ar-ša	ku-wa-ti-i-in	ha[-la-]a-al		
water.nom.sg	as	pure.nom.sg.n		
STAND	STM	PAR		
[a=](a)ta	ha-la-a-al	a-aš-du	za-a	[p]ár-na-an-za
conn=he	pure.nom.sg.n	be.3sg.imp	this.nom.sg.n	house.nom.sg
	PAR			CPREE

“As water is pure, let this house become pure”

A possible similative, with the verb functioning at the same time as a parameter, as a comparee (in its personal endings), and as a standard (in its root), can also be found in hieroglyphic Luwian (found in ACLT):

- (3) BOYBEYPINARI 1–2, IIIB, ACLT
 TONITRUS-wa/i-nú-wa/i-tu
 treat.like.tarhunt.3sg.imp
 PAR+STAND+CPREE
 “Let he be treated like Tarhunt (Storm God)”

Unfortunately, no Luwian comparatives could be easily spotted in ACLT by means of automatic analysis, which makes us assume (following previous literature) the syncretic character of comparatives and superlatives in Anatolian languages. In Hittite, thanks to a much bigger corpus, it was possible to spot and analyse contexts with different semantics for comparative and superlative constructions, though superlatives might coincide in form with zero and comparative degrees, or be expressed pragmatically.

For Hittite we can get even more, in terms of quantitative approach. Corpus analysis of myths, prayers, letters and instructions helped us find out that the most frequent type of coding gradation with all types of semantics (similative, comparative, superlative, relative, excessive) was the following: *standard marker (STM) and standard (STAND) are not expressed, the pa-*

parameter (PAR) is expressed by an (adjectival) verb or an adjective (*takk-* ‘to be like’, *mašiwān-* ‘as much as’, *nakki-* ‘important’, *mekki-* ‘big’, *šalli/ya-* ‘great’, *šani-* ‘the same’).

- (4) CTH 458.11.3 (NH) KBo 34.34+ 10’–12’ (Fragment of incantation)

<i>n=a-t</i>	<i>šaniya</i>	<i>pēta</i>	<i>zanu-zzi</i>
conn=this-acc.sg.n	same.dat.sg	position.dat.sg	refine-3sg.prs
CPREE	PM		

‘This will bring to the same level’

(the context mentions golden cups (GAL KÜ.SIG₁₇) which should be refined to the same level of value as the cups that the king saw)

The same lexical approach can be seen with equative semantics:

- (5) CTH 344 (NH) KUB 33.120+ rev. iii 35’ (Song of Origin)

[...] <i>kuitki</i>	<i>šalli</i>	<i>māl</i>	KUR-e	<i>maši-wan</i>
frgm indef-nom.sg	great.nom.sg.n	valour-nom.sg	land-nom.sg	equal-ptcp.nom.sg.n
	PAR CPREE		STAND+STM	PM

‘[...] what valour is as great as the land?’

Similative which uses a postposition as parameter marker (contrary to (4), which was an example of a similative using a verb as parameter marker) is the most frequent case for degrees of gradation in my corpus:

- (6) CTH 374 KBo 52.13+ iii 19’ (The King’s Prayer to the Sun God)

<i>nu</i>	<i>wātar</i>	<i>māhhan</i>	<i>kuwāpi</i>	<i>ar(a)š-mi</i>
conn	water.nom.sg	as	when	flow-1sg.prs
	STAND	STM		PAR+CPREE

‘Where (I) flow like water’

Transparent Hittite comparatives are often expressed by verbs — and if we compare Luwian example (3) with their Hittite analogues, it may be assumed that the Luwian context might also be not a similative, but rather a comparative with the meaning ‘better’ (“treat him like Tarhunt”).

- (7) CTH 345.I.3 (NH) KBo 26.65+ iv 10 (Song of Ullikummi: the third tablet)

KUR-e	<i>salli</i>	<i>ēš-ta</i>	<i>n=a-t</i>	<i>tepawēš-ta</i>
land-nom.sg	great-nom.sg.n	be-3sg.pst	conn=it-nom.n	lessen-3sg.pst
STAND	PARstand		CPREE	PAR+PM

‘The land was great, but it became less’

- (8) CTH 345.I.3 (NH) KBo 26.65+ iv 10 (Song of Ullikummi: the third tablet)

<i>ZI-an-za=mu=kan</i>	<i>anda</i>	<i>idalawēš-ta</i>
soul-nom.sg=me-loc=loc	inside	become.worse-3sg.pst
CPREE		PAR+PM

‘The soul inside me became worse’

Example (9) is a particularly remarkable case of Hittite comparative semantics. Here the standard of comparison is expressed by the adverb “before”: the current state of a person compared to what it was before. It is clear from this example that comparison may be expressed by means that are different from verbs/adjectives, and that the most productive type of delivering this semantics in Anatolian languages was lexical, based upon the meaning of a verb or an adjective, or any other morphological category, for that reason.

- (9) CTH 374 (MH) KBo 52.13+ KUB 36.75 iii 16'–18' (The King's Prayer to the Sun God)
nu=ššan namma dankuwa-i takanzip-i karuwiliyatt-a UL weḫa-ḫḫa
 conn=loc then dark-loc.sg Earth-loc.sg before neg stride-1sg.prs.med
 STAND PM PAR
 'I no longer stride on the dark Earth, as before (= I am worse than before)'

4. Superlatives

The existence of syncretic comparative and superlative degree in Luwian marked with the PM suffix *-zza* was proposed by Yakubovich (2013), who supports the position that it is very difficult to spot the difference between comparative and superlative contexts in Luwian. As shown above, contextual analysis allows us to determine the nature of comparison in a sentence, and I would venture to suggest that Luwian contexts with *-zza* discussed in Yakubovich 2013: 160–165 are not comparative, but superlative in their semantics (naturally, this assertion should be discussed in more detail in the future). If it is indeed a grammaticalised form of superlative in Luwian, it might represent the only morphological means to express superlative semantics among the attested Anatolian languages.

Nevertheless, analysis of semantics in available contexts clearly shows that superlatives in *zza* in Luwian actually correlate and show the same behaviour with the Hittite superlatives (polar adjectives) meaning 'first among all' (*ḫantezzi-*) and 'superior' ('the highest', *šarazzi-*). The only difference is that Luwian probably went further and for a certain period of its history actually grammaticalised the superlative suffix, whereas Hittite only used polars and ordinals in the function of superlative. Etymologically, suffixes of Luwian and Hittite superlative adjectives are connected with the same Proto-Indo-European suffix **-t₂io* (following Hajnal 2004: 193), typical for polar adjectives (see below on PIE suffixes). In (10) we can see Luwian *urazza-* 'the greatest', which often correlates in Hittite prayers with *šarazzi-* 'the highest, superior'.

- (10) CTH 757.A, KUB 9.31 ii 30 (cf. Starke 1985:53³)
u-ra-az<-za-aš> ^dUTU-az ta-ti-in-zi DINGIR.MEŠ-in-zi
greatest.nom.sg.c Sun.God.nom.sg fatherly god.nom.pl
 PAR+PM CPREE
 "Greatest Sun God, ancestral gods!"

In Hittite superlatives with *ḫantezziyaš* 'first' or *šarazziyaš* 'the highest' are the most frequent ones. Example (11) demonstrates the type in which the marker is explicitly expressed as STAND, GEN.PL, and the parameter is expressed by the polar adjective 'first'; the meaning of the parameter is clearly superlative rather than ordinal.

- (11) CTH 344 (NH/NS) KBo 33.120 i 9–10 (Song of the Origin, or Theogony)
 da-aš-šu-ša-aš-ši ^da-ṛnu-ušṛ DINGIR^{MEŠ}-aš ḫa-ṛanṛ-te-ez-zi-ya-aš-me-iš pé-ra-an-še-
 [et] ar-ṛtaṛ
daššu-š=a=šši ^danu-š DINGIR^{MEŠ}-aš
 mighty-nom.sg.c=and=he.dat Anu-nom.sg god-gen.pl
 STAND+STM
ḫantezziya-š=šmiš *peran=šet* *ar-ta*
first.nom.sg.c=their.nom.sg.c before=his.acc.sg.n stand-3sg.pst.med
 PAR
 'The mighty Anu, the first among the deities, stands before him'

³ All Luwian examples are cited via Yakubovich 2013 or taken from ACLT.

Luwian was probably also more advanced than the other Anatolian languages in its grammaticalisation of the adjective *hantil(i)-* (FRONS-*la/i/u*) ‘first’ as a superlative prefix (Yakubovich 2013: 158). Yakubovich points out that in (12) “the semantics of the adverbial modifier /*xantili/*, which is derived from the Luwian adjective *hantil(i)-* ‘first’,... speaks in favour of an implicit comparison with the other gates... reflecting the same phenomenon, namely the superlative construction formed with the help of intensifiers”.

(12) KARKAMIŠ A11a §17, Hawkins 2000:1, 95

*a-wa/i-tà	FRONS-<i>la/i/u</i>	ARGENTUM.DARE-si-ia	*a-sa-tá
ptcl=ptcl=they.nom.n	firstly	costly.nom.pl.n	be.3sg.pst
CPREE	PM	PAR	
“They were most costly”			

The former reminds us of Luwian *hantil(i)-* discussed above, and of its usage as a superlative prefix. Yakubovich supposes that early Luwian **hantezza*, cognate with Hittite *hantezzi*, was replaced in early Luwian by *hantil(i)-* in the meaning ‘the first’ — particularly because of the suffix *-zza*, which, supposedly, was grammaticalised as a superlative marker for adjectives, whereupon *hantil(i)-* (FRONS-*la/i/u-*), in its turn, acquired the superlative meaning as a prefix (Yakubovich 2013: 157–158).

Speaking of marking the standard of comparison, superlative phrases in Hittite either do not express STAND at all, or they express it with GEN.PL in *-aš* (as described in Hoffner, Melchert 2008: 273 and shown in ex. 11 above). Meanwhile, the parameter of the quality in Hittite might also be marked by a function word, a preposition or by means of information structure (pragmatically).

Ex. (13) uses postpositions (*ištarna* ‘between’) as STM and adjectives as parameters.

(13) CTH 376.1 (NH) KUB 24.3 obv. i 30’–32’ (Hymn and Prayer to Sun Goddess of Arinna)

[nu ʎ-ut-ták-kán ŠUM-an lam-na-aš iš-tar-[na na ʎ-ak-ki-i				
DINGIR-LIM-ya-tar-ma-ták-[kán ʎ DINGIR ^{MES} -aš iš-tar-na na-ak-ki-i				
nam-ma-za-[kán ʎ DINGIR ^{MES} -aš iš-tar-na zi-ik-pát ^d UTU ^{URU} a-ri-in-na na-ak-ki-iš				
1. nu=tta=kkan	ŠUM-an	lamn-aš	ištarna	nakkī
conn=you.loc.sg=loc	name-nom.sg	name-gen.pl	between	important.nom.sg.n
	CPREE	STAND	STM	PAR+PM
2. DINGIR-LIM-yatar=ma=ta=kkan	DINGIR ^{MES} -aš	ištarna	nakkī	
divinity.nom.sg=but=you.loc.sg=loc	god-gen.sg	between	important	
CPREE	STAND	STM	PAR+PM	
3. namma=z(a)=kan	DINGIR ^{MES} -aš	ištarna	zik=pat	
then=refl=loc	god-gen.sg	between	you.nom.sg=emph	
^d UTU	^{URU} arinna	nakki-š		
Sun.Goddess	city.of.Arinna	important-nom.sg.n		
CPREE		PAR+PM		

‘1. Your name is (most) important among the names; 2. your divinity is (most) important among the deities; 3. And you yourself, Sun Goddess of Arinna, are (most) important among the deities’

Ex. (14) is quite remarkable in regard to formal parameters of comparison. STM and STAND here are not expressed at all, and the parameter marker is a particle or is expressed by means of information structure. Actually, the only way superlative semantics can be revealed in this context is contextual analysis.

- (14) CTH 376.1 (NH) KUB 24.3 i 32'–33' (Hymn and Prayer to Sun Goddess of Arinna)
 ʃšal-le ʎ-eš-ša-az zi-ik-pát ^dUTU ^{URU}a-ri-in-na
 šallešš=a=z   zik=pat   ^dUTU   ^{URU}arinna
 great.nom.sg.c=and=refl   you.nom.sg=emph   Sun.Goddess   city.of.Arinna
 PAR   PM
 'And great (only) you are, Sun Goddess of Arinna'

In Hittite prayers one regularly finds structures involving *zik=pat* “and you!”, where *zik* ‘you’ doubles the explicitly expressed subject and looks redundant. Its function might be understood as purely grammatical, expressing superlative semantics. The emphatic particle =*pat* has proven to be consistently marking identificational foci, including those with restrictive meaning ‘only X’, and scalar ‘the first’/‘the last’ (detailed analysis of foci marked with =*pat* see in Molina 2016, 2018). The form *zik=pat*, therefore, might have been reserved in Hittite prayers explicitly for those types of semantics that tend to fit in superlatives (‘only you’, ‘the first among others’), underlined by the complex of GEN.PL plus postposition (‘among other gods you=*pat* are the first’, vel sim).

In (15) STM and STAND are not expressed; the parameter is the adjective *nakkiš* ‘important’, without any parameter markers, so only the background remains as a means to recognise its semantics. What is quite remarkable in this clause is the appearance of *zik* ‘you’ in non-canonical position at the end of the sentence. For Hittite, a strict SOV language, any filled postverbal position should be strongly marked, and we usually surmise the presence of identificational foci, the same as marked by =*pat*, as discussed above.

- (15) CTH 377 (NH) KUB 24.1+KBo 58.10 §§2–5 (Hymn and Prayer of Mursili II to the Telipinu God)
- [^dte-li-p]í-nu-uš šar-ku-uš n[a-ak-ki-iš] DINGIR-LIM-iš zi-ik (i 3)
^dtelipinu-š   šarku-š   nakki-š   DINGIR-LIM-i-š   zik
 Telipinu-nom.sg   prominent-nom.sg   important-nom.sg.c   god-nom.sg   you.nom.sg
 ‘Telipinu, you are (the most) important god’
  - nu-za-kán ma-ʎ a-an ʎ na-ak-ki-ʎ iš ʎ ^dte-li-pí-nu-uš še-er ne-pí-ši DINGIR^{MEŠ}-aš iš-tar-na (i 8)
 nu=z(a)=kan   mān   nakki-š   ^dtelipinu-š
 conn=refl=loc   if   important-nom.sg.c   Telipinu-nom.sg
 šer   nepiš-i   DINGIR^{MEŠ}-aš   ištarna
 up   sky-loc.sg   god-gen.pl   between
 ‘Be it up in the sky (the most) important among deities (be it in the mountains, or in battle)’
  - zi-ik-za ^dte-li-pí-nu-uš na-[ak-ki-i]š DINGIR-LIM-ʎ iš ʎ (i 18)
 zik=z(a)   ^dtelipinu-s   nakki-š   DINGIR-LIM-iš
 you.nom.sg=refl   Telipinu-nom.sg   important-nom.sg.c   god-nom.sg
 PAR
 ‘You yourself, Telipinu, are (the most) important god’

Elativ semantics in Hittite.

To express the idea that “X is very Y”, Hittite uses the word *mekki-* ‘many, much’. It can be seen from (16) and (17) (taken from Hittite letters) that it stands proposed to the modified adjective or verb, the same position in the clause that is taken by Luwian *hantili-* in (12) above.

- (16) CTH 200 (MH/MS) ABoT 1.6 obv. 20–21 (Letter to the King from Kassu)

pé-e-da-an me-ek-ki na-ak-ki
pēda-n mekki nakki
 place-nom.sg very important.nom.sg
 PM PAR

‘This place is very important (it is the enemy’s granary)’

- (17) CTH 181 (NH) KUB 14.3 ii 74–75 (Tawagalawa Letter)

I-NA KUR URUḪAT-TI ŠA MUNUS.LUGAL MÁŠ-TU₄ me-ek-ki šal-li
 INA KUR URUḪATTI ŠA MUNUS.LUGAL MÁŠ-TU₄ *mekki šalli*
 in land Hattusa of Queen family very important.nom.sg.n
 PM PAR

‘In Ḫatti the Queen’s family is very highly regarded’

The only Hittite example with excessive meaning from my corpus involves the verb *makkēš-* ‘to be/become many, to be/become excessive’ (HED M: 122). Structurally, it looks very similar to (7), (8) above with comparative meaning, and to Luwian example (3). It is derived from *mekki-* ‘many, much’ by means of the suffix *-ēš* with the meaning ‘become’, formally the same process which we saw in comparative semantics (*idalaweš-*, *tepuweš-*).

- (18) CTH 373 (MH) KUB 30.10 rev. 16–17 (Kantuzzili’s Prayer to Sun God)

ki-nu-na-mu-uš-ša-an i-na-an pít-tu-li-ya-aš-ša ma-ak-ke-e-eš-ṭa¹
kinuna=mu=ššan inan pittuliya-šš=a makkēš-ta
 now=me.dat.sg=loc illness.nom.sg anxiety-nom.sg=and become.excessive-3sg.pst
 ‘But now illness and anxiety have become too much for me’

5. Proto-Indo-European numerals and data from Narrow Indo-European languages

As mentioned in Luján 2019, fn. 11, there are certain adjectives in the ancient Narrow Indo-European languages, basically meaning ‘good’, ‘bad’, ‘big’, and ‘small’, which form their comparatives and superlatives by means of suppletive forms, — “but the actual suppletions do not seem to go back to PIE”. The assertion that the attested forms in ancient NIE languages cannot be based on PIE ones based on our understanding that, though suppletive forms (i.e. forms using different roots) were used for the comparison meaning ‘better/best’, ‘worse/worst’ etc., the suffixes of comparative forms were usually the same as the suffixes of the other adjectives involved in comparison, e.g. Gk. ἀμεινων ‘better’ vs. ἀγαθος ‘good’. This can somehow imply that the formation of degrees of comparison as we know them in ancient Indo-European languages, had started and developed already after the split of Indo-Hittite, though the wide distribution of suffixes with clearly common origin (see Luján 2019 for a review) leaves no chance to its being accidental.

It has been suggested in literature (Lundquist & Yates 2018: 2117 with references) that the comparative suffix **-yos-/-yes-/-is-*, shared in common by Indo-Iranian, Latin, Celtic, Greek, Germanic, Baltic, and Slavic, originally had the semantics of an identifier or of an elative marker, and was reinterpreted in phrases with a second element (STAND). Another formative, **-tero-*, used as a proper comparative in Greek, Indo-Iranian, Italic, and Celtic, can originate from a previously contrastive meaning (Luján 2019: 311). For superlatives, there are three main suffixes: **-isto-* (Indo-Iranian, Greek, and Germanic), **-is-mō-* (Latin, Celtic), and **-t-mō-* (Indo-Iranian, Latin, Italic). All those suffixes, as Luján rightly points out, “are completely lacking in

Anatolian, Tocharian, Armenian, and Albanian”. While the latter two could have lost the PIE suffixes, the former two suggest that the process of formation of derivational morphology could not have begun earlier than in late PIE, after the split of Proto-Anatolian and Proto-Tocharian.

For superlatives in Ancient Greek Fortson (2010) gives the means of expression as positive degree plus GEN.PL (the same as in Hittite (13) above!), arguing that there was probably no synthetic superlative in PIE, and analytic superlative and comparative forms are typologically quite common in the world’s languages:

(19) Il. 5.381

διὰ θεάων

‘divine of/among goddesses’ (= ‘most divine goddess’)

Now, looking at semantics of comparatives, one might agree with Luján 2019 when he points out that morphology of narrow IE degrees of comparison is close to quantifiers and ordinals. This would be fairly natural: “That dog was the best” and “That dog was the fourth” mostly have very close syntax and shared properties, demonstrated by elliptical tests for numerical and quantificational expressions widely discussed in literature. The semantics of “first” implies its being “in front”: some words for ‘first’ in IE languages derive from the root **pro/*per(h)* ‘fore, in front’ (Mallory and Adams 2006: 310). Qualities ‘first’/‘last’ are seen as poles on a scale, which is exactly what we expect from gradation according to the theoretical background explained above. Now we are back to Hittite and Luwian (*ḫantezziyaš*, *hantil(i)-*), discussed above.

In Ancient Greek (Homer) παν- ‘all’ can be added as an intensifier to the words ‘first/last’ and superlatives, as in πανύστατος ‘very last’ or πανύπερτάτη ‘most remote’. In Hittite *ḫumant-* ‘all’ is regularly used in superlative constructions, as in (20): a positive form of ‘great’, *šalliš*, plus GEN.PL, intensified by *ḫūmandaš* ‘all’:

(20) (KBo 3.7 iv 15–17 (Illuyanka myth, OH/NS)

nu DINGIR.MEŠ-*naš* *ḫūmand-aš* ŠA URU*Kaštama*

conn god-gen.pl all-gen.pl of city.of.Kastama

^d*Zašḫapunā-š* *šalli-š*

Zašḫapuna-nom.sg.c important-nom.sg.c

‘Among **all** the gods of Kaštama Zašḫapuna is the great(est)’

“Bearing in mind the close semantic relationship of the superlatives and the words for ‘first’ and ‘last’ and their shared properties, we now have a closer look at the relationship between the morphology of ordinals and superlatives in the old Indo-European languages. A nice, significant pattern seems to emerge: **to* and **mo* appear in the outer part of the superlative suffixes of a language only if they are used in the words for ‘first’ and ‘last’” (Luján 2019: 325). This, in its turn, leads to the idea that suffixes for superlatives in Narrow Indo-European languages developed with the aid of the words ‘first/last’, which is only natural when one talks of gradation.

But this also explains contexts with pragmatically marked parameters of gradation: some of the identificational foci, e.g. those marked with Hittite particle =*pat* and word order in Hittite, have the same semantics (‘first’/‘last’ on the scale). See also Matushansky 2008: 28, fn. 6, for further evidence that ordinals, sequentials (*next*, *last*, *former*, and *latter*) and adjectives that can license a null noun (*same* and *other*) frequently have superlative or comparative morphology and syntax.

The same scenario as described for comparative and superlative suffixes in Narrow Indo-European languages is suggested in Yakubovich 2013 for the Proto-Anatolian suffix **-tio-* → *-zza* in Luwian and *-zzi(ya)-* in Hittite, with the difference that in Luwian one could spot contexts where this suffix has already grammaticalised as a superlative one, and in Hittite it still functions as part of polar adjectives. Pragmatic uses for the needs of superlative and comparative semantics only additionally prove the fact that Proto-Anatolian degree morphology, as well as in late Proto-Indo-European, is derived from expressions denoting the place of an entity on a scale.

6. Gradation degrees in Indo-European family: not before the Indo-Hittite split

Summing up, we can see that both from the typological standpoint and based on the comparison with Indo-European languages, the formation of degree morphology could not start earlier than in late Indo-European languages: it left Anatolian languages, such as Hittite, completely uninvolved, and was accomplished by other means in Luwian. Meanwhile, it is clear that the processes in ancient Indo-European languages had a similar character — derivation of degree constructions are universally based on polar adjectives, particularly on the semantics and morphology of ‘first/last’, but also on pragmatic ways to express the semantics of polarity, including identificational foci. This suggests another direction to look at if we are in search of origins for gradation morphology.

Abbreviations of sources

ABoT — Tablets from Archaeological Museum of Ankara (Ankara Arkeoloji Muezesinde Bulunan Bogazkoy Tabletleri); ACHC — Annotated Corpus of Hittite Clauses, <http://hittitecorpus.ru>; ACLT — Annotated Corpus of Luwian Texts, <http://web-corpora.net/LuwianCorpus>; CHD — Goedegebuure et al. 1980–2019; CMHD — Ünal 2007; CTH — Catalogue of Hittite Texts (Catalogue des textes hittites); EDHIL — Kloekhorst 2008; HED — Puhvel 1984–2017; HHW = Tischler 2001; HW — Friedrich & Kammenhuber 1975–2017; IBoT — Tablets from Istanbul Archaeology Museums (Istanbul Arkeoloji Muezesinde Bulunan Bogazkoy Tabletleri); KBo — Cuneiform texts from Bogazkoy (Keilschrifttexte aus Boğazköy); KUB — Cuneiform documents from Bogazkoy (Keilschrifturkunden aus Boğazköy).

References

- Dixon, Robert M. W. 2012. Comparative constructions. In: Dixon, R. M. W. *Basic Linguistic Theory. Volume 3. Further Grammatical Topics*: 343–375. Oxford University Press.
- Eichner, Heiner. 1992. Anatolian. In: J. Gvozdanovic (ed.). *Indo-European Numerals. Trends in Linguistics, Studies and Monographs 57*: 29–96. Berlin / New York: De Gruyter.
- Fortson, Benjamin W. 2010. *Indo-European Language and Culture. 2nd. ed.* Chichester/Malden: Wiley-Blackwell.
- Friedrich, Johannes, Annelies Kammenhuber. 1975–2017. *Hethitisches Wörterbuch*. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter.
- Goedegebuure, Petra M. et al. (eds.). 1980–2019. *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. 1980–. Chicago: Oriental Institute.
- Gorshenin, Maksym. 2012. The crosslinguistics of the superlative. In: Cornelia Stroh (ed.). *Neues aus der Bremer Linguistikwerkstatt. Aktuelle Themen und Projekte*: 55–160. Bremen: Brockmeyer.
- Hajnal, Ivo. 1995. Die lykischen a-Stämme. In: Jens E. Rasmussen (ed.). *In honorem Holger Pedersen. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 26. bis 28. März in Kopenhagen*: 135–171. Wiesbaden: Reichert.

- Hahnemann, Suzan. 1999. *Vergleiche im Vergleich. Zur Syntax und Semantik ausgewählter Vergleichsstrukturen mit 'als' und 'wie' im Deutschen*. Tübingen: Niemeyer.
- Haspelmath, Martin. 2017. Equative constructions in world-wide perspective. In: Yvonne Treis, Martine Vanhove (eds.). *Similitive and Equative Constructions. A cross-linguistic perspective*: 9–32. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Haspelmath, Martin, Oda Buchholz. 1998. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. In: Johan van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*: 277–334. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Hawkins, John David. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. 1: A Reference Grammar*. Winona Lake: Eisenbrauns.
- Hoffner, Harry. 1993. Hittite *iwar* and related modes of expressing comparison. *Istanbul Mitteilungen* 43: 39–51.
- Hoffner, Harry. 2009. *Letters from the Hittite Kingdom*. Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Hoffner, Harry, H. Craig Melchert. 2008. *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake: Eisenbrauns.
- Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden/Boston: Brill.
- Lundquist, Jesse, Anthony D. Yates. 2018. The Morphology of Proto-Indo-European. In: *Jared S. Klein, Brian D. Joseph* (eds.). *The Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*: 2079–2195. Berlin / New York: de Gruyter.
- Luján, Eugenio R. 2019. On Indo-European superlative suffixes. *Indogermanische Forschungen* 124(1): 305–342. doi:10.1515/if-2019-0012.
- Mallory, James P., Douglas Q. Adams. 2006. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford University Press.
- Matushansky, Ora. 2008. On the attributive nature of superlatives. *Syntax* 11(1): 26–90.
- Miller, Jared L. 2013. *Royal Hittite Instructions and Related Administrative Texts*. Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Molina, Maria. 2016. Emfaticeskaja enklitika =pat v xettskom jazyke: analiz funkcij i semantika markirujemyx fokusov ('The emphatic enclitic =pat in Hittite: analysis of function and semantics of the marked foci'). In: N. N. Kazanskij (ed.). *Indoevropskoje jazykoznanije i klassičeskaja filologija. XX. Materialy chtenij, posv'ashčenyx pam'ati professora I. M. Tronskogo*: 739–754. Sankt-Petersburg: Nauka.
- Molina, Maria. 2019. *Word order in Hittite*. PhD Thesis. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
- Puhvel, Jaan. 1984–2017. *Hittite Etymological Dictionary*. Berlin / New York / Amsterdam: Mouton de Gruyter.
- Rieken, Elisabeth et al. 2017–. *Gebete der Hethiter*. Available online at: http://www.hethiter.net/txhet_gebet.
- Rieken, Elisabeth et al. 2009–. *Mythen der Hethiter*. Available online at: http://www.hethiter.net/txhet_myth.
- Small, George W. 1924. *The comparison of inequality. The semantics and syntax of the comparative particle in English*. Baltimore: John Hopkins University.
- Starke, Frank. 1985. *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Tischler, Johann. 2001. *Hethitisches Handwörterbuch*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck.
- Ünal, Ahmet. 2007. *Concise Multilingual Hittite Dictionary*. Hamburg: Verlag Dr. Kovac.
- Yakubovich, Ilya. 2010. *Sociolinguistics of the Luwian language*. Leiden: Brill.
- Yakubovich, Ilya. 2013. *The degree of comparison in Luwian*. *Indogermanische Forschungen* 118: 155–168. doi:10.1515/indo.2013.118.2013.155.
- Yakubovich, Ilya. 2019. *Lwijijskij jazyk v prostranstve i vremeni* ('The Luwian language in space and time'). Moskva: Jazyki slav'anskoj kul'tury.
- Yakubovich, Ilya, Maksim Kudrinski. 2016. Sumerograms and Akkadograms in Hittite: Ideograms, Logograms, Allograms, or Heterograms? *Altorientalische Forschungen* 43(1–2): 53–66. doi: 10.1515/afo-2016-0018.

М. А. Молина. Степени сравнения в хетто-лувийских языках.

В работе анализируются формы, зафиксированные для выражения степеней сравнения в хеттском языке, включая конструкции со значением равенства (экватива), сходства (симилятива), сравнения (компаратива), превосходства (суперлатива), значительной степени (элатива) и чрезмерного количества (эксессива). Обработанный материал

включает хеттские мифы, молитвы, письма и инструкции, в сравнении с данными текстов на лувийском языке. Результаты анализа могут дать нам ключи к пониманию процессов формирования грамматической категории степеней сравнения в древних индоевропейских языках после распада праиндоевропейского единства и к вероятной реконструкции степеней сравнения для праанатолийского и праиндоевропейского. Корпусный подход к хеттскому и лувийскому материалу и контекстный анализ позволяет, кроме прочего, выделить неочевидные конструкции, в которых значение сравнения задано прагматически, а не морфологически, и тем самым расширить наше представление о способах выражения семантики сравнения в анатолийских языках. Данная работа, таким образом, направлена на понимание ранних этапов грамматикализации форм сравнения в индоевропейских языках на основе анатолийского материала.

Ключевые слова: хеттский язык; синтаксис; степени сравнения; историческая семантика; корпусный подход.

История одного послелога: проблемы этимологического анализа элементов последложно-падежной системы в новоиндийских языках

Статья посвящена проблемам этимологического анализа элементов последложно-падежной системы в новоиндийских языках на примере анализа послелога *thē* в языке кумаони. На основании формального, функционального и типологического анализа было показано, что в кумаони имеется два этимологически разных послелога *thē*, один из которых, как и его когнаты в других новоиндийских языках, ранее имел в своем составе формант, позднее переосмысленный как присоединительный генитивный показатель.

Ключевые слова: индоарийские языки; язык кумаони; послелоги; этимология грамматических морфем.

Этимология грамматических единиц, как правило, представляет собой более сложную задачу по сравнению с восстановлением лексических праформ. Промежуточное положение занимает этимологический анализ так называемых функциональных слов: это те лексические единицы, которые утратили свое лексическое значение в пользу грамматических функций и стали частью грамматической системы, но не перешли в класс морфем. К функциональным словам относятся адлоги, союзы, частицы, вспомогательные глаголы и др.

Данная работа посвящена проблемам этимологического анализа элементов последложно-падежной системы в новоиндийских языках на примере анализа послелога *thē* в языке кумаони. Материал по языку кумаони был получен в ходе полевой работы в регионе Кумаон (Уттаракханд, Индия) в 2008–2017 гг., а также взят из существующих описаний языка.

В процессе эволюции падежных систем индоарийских языков в результате различных фонетических и морфологических процессов семипадежная (без учета вокатива) древнеиндийская система стала утрачивать противопоставление некоторых падежей. Если в среднеиндийский период многие падежи еще сохранялись, то в ранний новоиндийский период изначальная падежная система уже практически распалась и в основу современных новоиндийских языков легла редуцированная система, чаще всего в составе двух падежей: прямого и косвенного. Функциональное место прежних падежей стали занимать послелоги, и в современных новоиндийских языках они объединяются с сохранившимися падежами в общую последложно-падежную систему.

В основополагающих работах в области типологии новоиндийских языков Зограф 1976 и Masica 1991 в основу классификации кладутся формально-морфологические характеристики показателей, а именно, единицы последложно-падежных систем этих языков группируются на основе так называемых «ярусов» или «уровней» (Зограф 1976: 79–117, Masica 1991: 232–248). Уровни выделяются следующие:

1. «Первичный» — флективные показатели с кумулятивным выражением числа и падежа. К этому уровню относятся остаточные флективные формы среднеиндийского склонения;

2. «Вторичный» уровень объединяет два типа показателей: (а) «непосредственные», присоединяющиеся к основе, не имеющей первичного показателя; (b) «опосредованные», присоединяющиеся к основе, оформленной первичным показателем. Сюда относятся новограмматикализовавшиеся падежи и непроеизводные послелоги.

3. «Третичный» — показатели, в свою очередь присоединяющиеся к вторичным показателям и с помощью них ко всей словоформе. Вторичные показатели, служащие «связующим звеном» между основой и третичным показателем, представляют собой конечный (редко более 2-х) набор конкретных единиц. В большинстве новоиндийских языков такую функцию выполняет генитивный показатель.

Показатели трех уровней можно проиллюстрировать на примере слова хинди *thānā* ‘полицейский участок’. В хинди выделяются два падежа первичного уровня: прямой и косвенный, соответственно словарная форма слова будет в прямом падеже *thān-ā* (DIR), а косвенный падеж в данном случае будет маркировать направительную функцию — *thān-e* (OBL) ‘в полицейский участок’. К вторичным послелогам в хинди относится, например, локативный, который присоединяется к основе, оформленной показателем косвенного падежа: *thān-e mē* (OBL + LOC) ‘в полицейском участке’. И в качестве примера третичного послелога можно привести апудэссивный послелог, который присоединяется к форме косвенного падежа при помощи генитивного послелога, ср. *thān-e ke pās* (OBL + GEN.M.OBL + APUD) ‘рядом с полицейским участком’. Генитивный послелог в хинди, также как и в большинстве новоиндийских языков, имеет формы рода, числа и падежа, и конструкции с ним функционируют как определение.

Сложность этимологического анализа послелогов заключается в следующих моментах:

- грамматические значения послелогов достаточно нестабильны, их функции могут со временем меняться и не совпадать с функциями их когнатов в родственных идиомах;
- послелоги обычно формально короче полнозначных лексических единиц;
- краткость формы часто приводит к омонимии послелогов, исторически имеющих разное происхождение;
- пространственные послелоги, маркирующие противоположные по пространственным критериям понятия, склонны фонетически и формально уподобляться друг другу. В новоиндийских языках это свойство не столько послелогов, сколько пространственных прилагательных и наречий, от которых они образованы. Так, например, в хинди вариант прилагательного *dāyā* (< *dāhinā*) ‘правый’ образовался по аналогии с *bāyā* ‘левый’. Так же наречие гархвали *ethar* (< *agne*) ‘вперед’ образовалось по аналогии с *pethar* ‘назад’ (Sharma 1994: 128), а кумаони *mali* (< *mathi*) ‘вверх’ — по аналогии с *tali* ‘вниз’;
- семантика послелога — это набор его функций и их взаимосвязь, без анализа функций послелога его этимологизирование затруднено и приводит к некорректным результатам;
- во многих случаях анализ послелога возможен только в рамках анализа всей послеложно-падежной системы языка в целом.

Из всего перечисленного можно сделать вывод, что для успешности этимологического анализа послелогов необходимы все виды анализа: формальный, функциональный и типологический (включающий как диалектные данные, так и материал близкородственных языков).

Язык кумаони относится к северной подгруппе индоарийских языков (языки пахари). Он распространен в регионе Кумаон, который, наряду с Гархвалом, является одним из двух административных регионов штата Уттаракханд, Индия. По данным переписи населения от 2011 года¹ число людей, назвавших кумаони родным языком, составило на тот момент 2,081,057 человек. Кумаони характеризуется большим количеством диалектов и является крупным диалектным континуумом. Современное разбиение кумаони на диалекты в основном восходит к работе Grierson 1916, где диалекты были выделены во многом по ареальному признаку и названы по административным районам. В дальнейшей работе мы будем приводить примеры из разных диалектов кумаони: название диалекта будет приводиться перед примером. В случае, если пример относится к нашим полевым данным, то вместе с названием диалекта будет указываться место проживания информанта; если пример взят из других источников, то источник будет приводиться после примера.

Послелог *thē* в языке кумаони представляет особый интерес как с точки зрения этимологии, так и в типологическом рассмотрении. В различных работах приводятся как разные функции этого послелoga, так и разные этимологические гипотезы. Так, в грамматическом описании кумаони Sharma 1987: 50–52 в качестве функций *thē* перечислены аккумулятив-датель, апудэссив, посессор, агенс в пассивных конструкциях и датель третичного уровня. В последующей работе того же автора (1991: 87–105) можно отметить уже расширенный список функций для того же послелoga: аккумулятив-датель, датель, апудэссив, посессор, адресат при глаголах речи, маркер каузируемого участника в каузативных конструкциях, агенс в пассивных конструкциях. В работах, не посвященных непосредственно кумаони, приводятся более краткие описания функций: в Turner 1962–1985: 794, №13760 послелог *thāi*² переводится как ‘рядом, из, посредством, с’, в Masica 1991: 245 послелог *tē* ~ *thē* и в Montaut 2013: 12 послелог *tai* ~ *tāi* рассматриваются как дательные. Столь же различны и этимологические гипотезы, предлагаемые для послелoga. В Turner 1962–1985: 794, №13760 послелог возводится к др.-инд. *sthāman* или *sthāna* ‘место’, так же как и послелог лахнда *thāō* ‘из’, панджаби *thāū* ‘вместо’, бхалеси *thēie* ‘вместо’, непали *thāi* ‘рядом’, ория *thāi* ‘в’ и др. В Sharma 1987: 50–52 предлагается возводить данный послелог к среднеиндийской «описательной локативной форме» *tahim*, восходящей к ДИЯ *tasmin* (*tat* ‘то’ + LOC), «аналогично аккумулятивно-дательному суффиксу *tem*, в раннем маратхи», а кроме того в качестве возможной рассматривается этимология, приведенная в Turner 1962–1985. В Masica 1991: 245 с отсылкой к работе Bloch 1920: 200–201 выдвигается предположение, что дательный *tē* ~ *thē* в кумаони, как и *te* в кховар, *tem*, *them* в раннем маратхи, а также «послелог третичного уровня ^{ri} *tāi*, ^{re} *tēi* ‘для’ в диалектах западного пахари (куллуи, чурахи, шодочи) и в хинди ^{ke} *tāi*, ^{ke} *tāi* (со значением ‘до’, более распространенный вариант *tak*)» могут восходить к ДИЯ *artha* ‘цель’ (скр. локативная форма: *arthe* ‘для, в целях’ < пали *atthāya* ‘для, в целях’). В Montaut 2013: 12 дательный *tai* ~ *tāi* в пахари возводится к др.-инд. *tāvati* (локативная форма от *tāvati* ‘до сих пор, (вплоть) до’).

Для осуществления успешного этимологического анализа прежде всего необходимо выяснить формальные характеристики послелoga и уточнить набор функций. Мы считаем, что в данном случае речь идет о двух этимологически разных послелogaх, различных по функциям, а именно о дательном и апудэссивном послелogaх, которые омонимичны по форме. В пользу такого решения говорят следующие факты:

¹ Данные размещены на сайте http://censusindia.gov.in/2011Census/C-16_25062018_NEW.pdf.

² Гласный *ε* в кумаони часто записывается как *ai*, видимо, по аналогии с тем, как этот гласный фиксируется при помощи деванагари в целях различения с гласным *e*.

- дативный *thē* имеет в диалектах кумаони фонетический вариант без аспирации — *tē*, тогда как апудэссивный *thē* имеет фонетические варианты с озвончением и палатализацией — соответственно *dhē* и *chē*;
- оба послелога могут появляться в пределах одного предложения и даже быть зависимыми одного предиката в двух фонетически разных вариантах и соответственно в двух разных функциях, ср., например:

аскоти

- (1) *Biswamitrə-l Ram-thē dhənuṣ ʈoɖ-n-e-tē k̄ɔc*
 Вишвамитра-ERG=INSTR Рама-APUD лук ломать-INF-OBL-DAT сказать.PF.M.3SG
 ‘Вишвамитра велел Рама сломать лук’ (Apte, Pattanayak 1967: 78)

- дативный *thē* может присоединяться к имени при помощи генитивного показателя (GEN) в форме женского рода ((2)–(5)), тогда как апудэссивный *thē* присоединяется непосредственно к имени ((6)–(8)).
- дативный и апудэссивный *thē* различаются по функциям. Дативный *thē* маркирует дестинатив, бенефактив, цель, каузируемое действие в каузативных конструкциях, конечную точку при предикатах движения и др., см. (1)–(5). Апудэссивным *thē* маркируется собственно апудэссив, а также посессор в конструкциях обладания, адресат при глаголах речи, каузируемый участник в каузативных конструкциях, агенс в модально-деагентивных конструкциях и др., см. (1) и (6)–(8).

аскоти

- (2) *dūr dēs ki taī gayō*
 далекий страна GEN.F DAT идти.PF.M.3SG
 ‘Он поехал в далекую страну’ (Grierson 1916: 245)

кхаспарджия, Алмора

- (3) *u pəɾ-n-e-k thē əlmor je ro*
 3SG учиться-INF-OBL-GEN DAT Алмора идти.CVB PFVV.M.3SG
 ‘Он поехал учиться в Алмору’

кумайя, Чампават

- (4) *jo pani dewta-ki thē pəwitr chə*
 который вода божество-GEN.F DAT святой COP.PRS.3SG
u mer-i thē... pəwitr chə
 3SG 1SG.POSS-F DAT святой COP.PRS.3SG
 ‘Вода, священная для божества, священна и для меня’ (Kandpal 2011: 325)

чаугаркхия

- (5) *tu pəɾ-ṅ-ki / inr-i tē khaɳ pəku-ne r̄ṅ-chē*
 2SG гость-OBL.PL-GEN.F / 3PL.POSS-F DAT еда готовить-IPFV.PTCP DUR-PRS.2sg
 ‘Ты готовишь еду для гостей / для них’ (Bisht 2005: 45)

джохари, Девибагад

- (6) *am cul thē che*
 мама очаг APUD COP.PRS.3SG.F
 ‘Мама у очага’

кумайя

- (7) *ram thē bhol-khən ek kitab ho-l-i*
 Рам APUD завтра-DAT один книга быть-FUT-F
 У Рама завтра будет книга (Upreti 1976: 234)

сорьяли, Питхорагарх

- (8) *sasu apun-i bhvari thē bhṛt kam kār-u-nch-i*
 свекровь свой-F невестка APUD много работа делать-CAUS-PRS-F
 Свекровь заставляет свою невестку много работать

Таким образом, можно суммировать различные характеристики двух послелогов *thē*, как это представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Свойства омонимичных послелогов *thē*.

Послелог	<i>thē</i> 1 (APUD)	<i>thē</i> 2 (DAT)
Диалектные варианты	<i>thē ~ chē ~ dhē</i>	<i>thē ~ tē</i>
Формальные характеристики	относится к вторичному уровню (присоединяется непосредственно к косвенной основе)	относится к третичному уровню (присоединяется посредством генитивного показателя (GEN))
Функции	<ul style="list-style-type: none"> • апудэссив • посессор в конструкциях обладания • адресат при глаголах речи • каузируемый участник в каузативных конструкциях • агенс в модально-деагентивных конструкциях и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • дестинатив • бенефактив • цель • каузируемое действие в каузативных конструкциях • конечная точка (при глаголах движения) и др.

Апудэссивный *thē*, таким образом, может быть возведен к др.-инд. *sthāman* или *sthāna* ‘место’, как это было предложено в Turner 1962–1985: 794, №13760. Цепочка преобразований могла иметь вид *sthāmni* (*sthāman* ‘место’ + LOC) > *thāi* > *thē* или *sthāne* (*sthāna* ‘место’ + LOC) > *thāe* > *thē*. Остается выяснить этимологию дативного *thē*.

Дативный послелог *thē* по формальным характеристикам относится к третичному уровню, тем самым структурно сближаясь с послелогом — предположительными когнатами в языках химачали (Masica 1991: 245), а именно, во многих случаях присоединяется к имени посредством GEN. Более того, это один из немногих послелогов в кумаони, присоединяющийся при помощи GEN.F, тогда как обычно для присоединения послелогов третичного уровня употребляется форма GEN.M.OBL. Присоединительная форма GEN.F характерна далеко не для всех новоиндийских языков: часто, когда такая форма служит для присоединения послелогов третичного уровня, такие послелогом обладают прозрачной внутренней формой, поскольку являются сравнительно недавно грамматикализовавшимися из существительных женского рода (ср. хинди ^{ki} *jagah* ‘вместо’ < *jagah* (F) ‘место’, ^{ki} *taraf* ‘в стороне, в сторону’ < *taraf* (F) ‘сторона’). В кумаони так же образовался послелог LOC_ALL ^{ki} *tārāph* (от *tārāph* (F) ‘сторона’). В случае *thē* внутренняя форма послелого не прозрачна и путь грамматикализации не очевиден.

Помимо этого, в языке кумаони распространена элизия конечных гласных слов. В частности она распространяется на многие показатели и послелогом, включая GEN, от которого остается одиночный согласный *k*- (см. (3)). Элизия обуславливает тенденцию к дальнейшему выпадению GEN, особенно перед послелогом третичного уровня, где отсутствие GEN никак не сказывается на семантике сочетаний этих послелогом с именами. При этом GEN при дативном *thē* достаточно часто сохраняется. Более того, *thē* односложный, а сохранение GEN перед односложным послелогом крайне нехарактерно для кумаони. Ввиду частого выпадения GEN перед третичными послелогом, диагностически-

ми контекстами на изначальное наличие GEN, т. е. на принадлежность послелога к третьему уровню, могут быть сочетания *thē* с личными местоимениями в посессивной форме, см. (4)–(5).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что дативный послелог *thē* в кумаони обладает нестандартными формальными характеристиками. При этом в других новоиндийских языках обнаруживаются предположительные когнаты, обладающие аналогичными формальными характеристиками и сходными функциями:

1. Послелог, похожий фонетически и аналогичный по структуре и функциям, встречается во многих языках химачали. Так, в языке куллуи³ это послелог DAT *teyē*, присоединяющийся к имени посредством GEN.F (-*ri*), и это единственный послелог в языке, при котором GEN имеет форму F и один из немногих с обязательным присоединением посредством GEN в принципе (в куллуи послелоги обычно присоединяются непосредственно к косвенной форме слова за исключением некоторых пространственных послелогов и тех, которые были заимствованы из хинди). В Bailey 1908 приводятся похожие данные по другим языкам химачали⁴: в языках, территориально более близко расположенных к Уттаракханду, DAT употребляется с GEN.F (киунтхали *ri tēī / ri tāī* (GEN.F)⁵ ‘для, о’⁶; коттуру *ri tāī* (GEN.F) ‘о’; внутренний сираджи *ri tāñī* (GEN.F) ‘для, о’), а в языках, более удаленных — GEN.M.OBL (кангри *re táen* (GEN.M.OBL) ‘для, об’; гади *re táñi, re táen* (GEN.M.OBL) ‘для, об’; чурахи *re tēī* (GEN.M.OBL) ‘для’)⁷. Похожий послелог есть и в восточном раджастани — *kai tāī* (GEN.F) ‘для’ (Masica 1991: 244).

2. Сходный послелог встречается в средневековых текстах: *kai/ki tāī* (GEN.F) ‘для’ в средневековом авадхи произведений Джаяси (Saksena 1971: 227, Callewaert, Sharma 2009: 848) и *ke tāī, ke tāī* (GEN.M.OBL) ‘для’ в текстах Кабира (Das 1965–75: 2046), ср.:

ранний авадхи, Джаяси
(9) *jaga kai tāī*
мир GEN.F DAT
Для мира (Saksena 1971: 227)

Достаточно стабильное наличие присоединительного GEN и нестандартная форма GEN.F во многих языках наводят на мысль, что изначально компонент, сходный по форме с GEN, входил в состав послелога, а потом произошло переразложение, причем на достаточно ранних этапах разделения НИЯ (до закрепления разных вариантов GEN (из $\sqrt{kr}$ -) с начальным *k*- в пахари и *r*- в химачали). Так, некоторые авторы описаний кумаони приводят этот послелог в виде *kithē ~ kitē*, ср. Kandpal 2011: 324. В Upreti 1976: 231 есть пример, где, употребляясь с местоимением, послелог сохраняет форму с начальной *ki*- вместо присоединения к притяжательной форме местоимения, как ожидалось бы в случае, если бы *ki* было формой GEN.F, ср.:

³ Материал по языку куллуи был собран во время экспедиций в округ Куллу (Химачал-Прадеш, Индия) в 2014–2018 гг.

⁴ Послелоги даны в записи Bailey 1908.

⁵ Помета GEN.F приводится здесь в случае, если такое присоединение было отмечено в Bailey 1908 — в тексте или в примерах.

⁶ Вариант значения дативного послелога ‘о’ фиксируется в Bailey 1908(1): 59 и для куллуи, однако во время работы с языком в ареале его распространения такого значения у послелога отмечено не было. Поэтому вызывает сомнение выделение этого значения в других языках.

⁷ Данные по киунтхали, коттуру и внутреннему сираджи соответственно Bailey 1908(1): 14, 28, 46, чурахи — Bailey 1908(2): 30, кангри и гади — Bailey 1908(3): 7, 25

- аскоти, Кхолигаон
 (10) *mē kithyā pani lya* (*mer-i thyā)
 я DAT вода принести.IMP
 Принеси мне воды (Upreti 1976: 231)

По нашей гипотезе послелог может быть возведен к ДИЯ *kṛtasmin (форма LOC от *kṛta* — PST.PTCP от √*kr* ‘делать’, восстановленная по парадигме местоименного склонения, ср. пали LOC: *-smiṃ*). В пользу такой версии могут быть следующие аргументы:

1. *kṛte* (*kṛta* + LOC) ‘для, ради, в целях’ — один из самых распространенных маркеров целевых конструкций в санскрите;

2. К этой же форме могут быть возведены апабхр. *kehiṃ*, *tehiṃ* и *resiṃ* ‘для, ради’, приведенные в грамматике Siddha-hema-śabdānuśāsana Хемачандры (XII в.): этимология этих послелогов остается загадкой для исследователей. Эти послелогов подробно обсуждаются в Bubenik 1998: 78–79, в частности в работе отрицается возможное возведение *kehiṃ* к *kṛte* на основании того, что *kṛte* должно было бы в апабхранша иметь вид *kie* или *kae*. Относительно *resiṃ* Бубеник ссылается на данные из Schwarzschild 1959: 85–86, согласно которым «*resiṃ* может быть возведен к генитивному послелогу *kerā* (< герундив *kārya* ‘быть сделанным’), а именно к его форме *keresiṃ* (GEN.PL)». Мы предполагаем, что форма *kṛtasmin могла дать все три приведенных Хемачандрой варианта (ср. *s > h* [Hewson, Bubenik 2006: 115] и LOC: **-smin* > *-smiṃ* > **-sim* > *-hiṃ* в апабхранша).

3. К этой же форме могут быть возведены послелогов-когнаты в средневековых текстах и современных языках химачали, а также послелогов лахнда *kīte* ‘для’, маратхи *kartā* ‘для’ (Masica 1991: 224) марв. *kartā* ‘по сравнению с’ (Bahri 1966: 123) и др.

4. Основная масса исследователей возводят GEN к √*kr*- (варианты *kṛta*, *kārya*), поэтому начальный *kr*- мог давать сходство с GEN и привести к последующему переразложению основы послелогов.

В данной работе на примере послелогов *thē* в кумаони показано, что успешность этимологического анализа послелогов непосредственно зависит от формального, функционального и типологического анализа этого послелогов, а также от понимания устройства послеложно-падежной системы языка в целом. Так, на основе формального и функционального анализа послелогов *thē* в кумаони с учетом привлечения диалектных данных было построено предположение о наличии двух омонимичных послелогов *thē*, у каждого из которых соответственно существует своя этимология. Сопоставление формальных характеристик дативного послелогов *thē* с аналогичными характеристиками других послелогов в кумаони показали, что дативный *thē* обладает набором нестандартных формальных характеристик. К такому выводу позволило прийти изучение послеложно-падежной системы кумаони в целом и в частности конкретных процессов, для этой системы характерных (как то элизия конечных гласных показателей, распространенное выпадение GEN перед послелоговами третичного уровня, редкость формы GEN.F и др.). Далее был привлечен материал языка куллуи (< химачали = западные пахари), где имеется сходный по формальным характеристикам, а также по функциям когнат послелогов. Знание устройства послеложно-падежной системы языка куллуи позволило установить, что формальные характеристики этого когната также являются нестандартными по сравнению с другими послелоговами. Таким образом, стало понятно, что нестандартные формальные особенности дативного *thē* в кумаони являются структурной маргиналией не только в рамках отдельно взятого языка, но и в типологическом рассмотрении. Это же подтвердили данные других индоарийских языков, в которых нашлись аналогичные когнаты. На основании всего перечисленного появилась возможность выдвинуть гипотезу об этимологии дативного послелогов *thē* в кумаони, а также всех когнатов этого послелогов в других языках.

Список условных сокращений

1,2,3 — 1,2,3 лицо, APUD — апудэссивный послелог, CAUS — каузатив, COP — копула, CVB — конверб, DAT — дативный послелог, DUR — дуратив, ERG=INSTR — эргативно-инструментальный показатель/послелог, F — женский род, FUT — будущее время, GEN — генитивный показатель/послелог, IMP — императив, INF — инфинитив, IPFV — имперфектив, LOC — локативный показатель/послелог, M — мужской род, OBL — косвенный падеж, PF — перфектив, PFVV — перфективный интенсивный глагол, PL — множественное число, POSS — посессивная форма местоимения, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, SG — единственное число.

Литература

Зограф, Г. А. 1976. Морфологический строй новых индоарийских языков. Москва: Наука.

References

- Apte, Mahadeo L., D. P. Pattanayak. 1967. *An Outline of Kumauni Grammar*. Durham: Duke University.
- Bahri, H. 1966. *Gramin Hindi Boliya*. Iahabad: Kitab Mahal.
- Bailey, T. G. 1908. *The Languages of the northern Himalayas, being studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects*. London: The Royal Asiatic Society.
- Bisht, Sher Singh. 2005. *Kumaun Himalaya ki boliyon ka sarvekshan*. Delhi: Indian Publishers Distributers.
- Bloch, Jules. 1920. *La formation de la langue Marathe*. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion.
- Bubenik, Vit. 1998. *A Historical Syntax of Late Middle Indo-Aryan (Apabhramsha)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Callewaert, Winand M., Swapna Sharma. 2009. *Dictionary of bhakti: North-Indian bhakti texts into Khaṛī Bolī, Hindī, and English*. Delhi: D.K. Printworld.
- Dās, Śyāmsundar. 1965–75 (1916–1928). *Hindī śabdsāgar, arthāt, Hindī bhāṣā kā ēk brhat kōś*. 11 vols. Benares: Nagaripracarini Sabha. Available online at: dsal.uchicago.edu/dictionaries/dasa-hindi.
- Grierson, Sir George A. 1916. *The Linguistic Survey of India. Vol. IX, Indo-Aryan family : Central group. Part IV, Specimens of the Pahari languages and Gujuri*. Calcutta: Superintendent government printing.
- Hewson, John, Vit Bubenik. 2006. *From Case to Adposition — the development of configurational syntax in Indo-European languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Kandpal, Pramod Kumar. 2011. *Kumāuni boliyō kā tulnātmak adhyayan*. Almora (Uttarakhand): Kumaū viśvavidyālay, Soban Sinh Jīnāparisar.
- Masica, Colin P. 1991. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge University Press.
- Montaut, Annie. 2013. The rise of non-canonical subjects and semantic alignments in Hindi. In: Ilija A. Seržant, Leonid Kulikov (eds.). *The Diachronic Typology of Non-Canonical Subjects* [Studies in Language Companion Series 140]: 91–118. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Saksena, Baburam. 1971. *Evolution of Awadhi (a branch of Hindi)*. 2nd ed. Delhi: Motilal Banarsidass.
- Sharma, Devidatta. 1987. *The Formation of Kumauni language. Part II: Morphology and syntax*. New Delhi: Bahri Publications.
- Sharma, Devidatta. 1994. *Linguistic Geography of Kumaun Himalayas: A descriptive areal distribution of Kumauni language*. New Delhi: Mittal Publications.
- Schwarzschild, L. A. 1959. Notes on two postpositions in Late Middle Indo-Aryan: *taṇaya* and *resi, resammi*. *Bhāratīya Vidyā* 19: 77–86.
- Turner, Sir Ralph Lilley. 1962–1985. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. Oxford University Press.
- Upreti, Bhavani Datta. 1976. *Kumāuni bhāṣā kā adhyayan*. Allahabad: Samriti Prakashan.
- Zograf, G. A. 1976. *Morfologičeskij stroj novyx indoarijskix jazykov*. Moskva: Nauka.

Evgeniya Renkovskaya. The story of one postposition: etymological analysis issues with certain elements of the postpositional system in New Indo-Aryan languages

The paper discusses issues of etymological analysis of postpositions in the New Indo-Aryan languages, specifically focusing on the example of the postposition *thē* in the Kumaoni language. Formal, functional and typological analysis of *thē* shows that diachronically it actually represents two etymologically different postpositions; one of them, as well as its cognates in other New Indo-Aryan languages, contains an original morphological component that was later reinterpreted as a connecting genitive marker.

Keywords: Indo-Aryan languages; Kumaoni language; postpositions; etymology of grammemes.

Праславянские лексемы *ръrsi и *grǫdъ: семантика и этимология¹

Статья посвящена анализу истории семантики праславянских слов *ръrsi и *grǫdъ, континуанты которых в отдельных славянских языках конкурировали за роль основного обозначения человеческой груди. На диалектном и историческом материале описываются детали этой конкуренции. Реконструируется, что уже в древнейшем старославянском переводе Ветхого завета греческому στήθος «грудь» всегда соответствовало *ръrsi*, а στήθινον «грудина» — *ръrdi*. Аналогичное церковнославянскому распределение слов *prsi* и *hrudi* наблюдается в древнечешском переводе Библии первой редакции. Поскольку это распределение нельзя вывести из текста Вульгаты, делается вывод о том, что древнечешские переводчики Библии в своей работе опирались на церковнославянский текст. На основании старославянских, древнечешских и древнепольских данных делается вывод о том, что в праславянском слово *ръrsi было наиболее общим обозначением груди, в то время как *grǫdъ обозначало «грудину» (последнее значение могло быть метафорическим переносом от исходного значения 'балка').

Ключевые слова: праславянский язык; древнечешский язык; старославянский язык; соматическая лексика; историческая семантика; лексическая этимология.

1. Постановка задачи

Одной из важных задач славистики является установление семантики праславянской лексики. Чем больше мы знаем о значении какого-либо праязыкового слова, тем проще его этимологизировать и понять его историю. К сожалению, нередко учёные избегают давать праславянским лексемам точные семантические дефиниции: каждое определение в этой области является гипотетическим, и чем оно уже, тем выше шанс ошибиться.

Это приводит к парадоксальной ситуации: несмотря на то, что о праславянской лексике мы знаем уже достаточно много, мы до сих пор не всегда можем сказать, что именно обозначало то или иное слово, казалось бы, уже давно и всесторонне изученное.

Разумеется, мы отдаём себе отчёт в том, что сравнительно-исторический метод имеет свои ограничения, что реконструировать праязык абсолютно точно невозможно, и часть информации потеряна навсегда. Тем не менее, слависты находятся в довольно выигрышном положении, по сравнению, например, с балтистами: праславянский язык распался сравнительно недавно, имеет большое количество потомков, которые вдобавок давно и тщательно изучаются, а письменность у славянских народов появилась относительно рано.

Данная работа посвящена анализу истории семантики двух слов, потенциально претендующих на то, чтобы быть праславянским названием груди: *ръrsi и *grǫdъ².

¹ Автор выражает благодарность М. Беничу, А. И. Грищенко, В. С. Ефимовой, М. Ирейновой, П. Косеку, С. Спинковой, П. Станковской, М. Ухлику, С. Хабиянцу и Р. Шептыньскому за помощь с подбором материала для статьи, а также некоторые важные критические замечания.

² Вопросы о семантике слова *nědra и обозначении женской груди в праславянском выходят за рамки данной статьи.

С необходимостью определить, как в праславянском звучали названия некоторых частей тела, в том числе груди, мы столкнулись несколько лет назад при работе над реконструкцией праславянского списка базисной лексики. Тогда нами были сделаны лишь некоторые предварительные выводы на сравнительно небольшом материале (Саенко 2013: 143). Теперь мы постараемся тщательно изучить этот случай, привлекая весь доступный нам объём данных.

2. Реконструкция значения

2.1. Имеющиеся реконструкции

Некоторые выдвинутые ранее реконструкции значения слов *ръrsi и *grǫdъ можно представить в виде таблицы.

Таблица 1. Реконструкции значения слов *ръrsi и *grǫdъ согласно разным авторам

	*ръrsi	*grǫdъ
Ф. Славский (Sławski 1: 324)	—	piers
Słownik prasłowiański (SP 8: 243)	—	piers, piersi, pectus, mammae
Этымалагічны слоўнік беларускай мовы (ЭСБМ 10: 96)	жаночыя грудзі	грудзі чалавека
Етимологічний словник української мови (ЕСУМ 4: 353)	груді	—
Н. М. Шанский (Шанский 4: 182)	—	«женская грудь» > «грудь как передняя часть туловища»
В. Борысь (Boryś 2005: 430)	okolica żeber, klatka piersiowa > piers	—
А. Баньковский (Bańkowski 1: 479)	klatka piersiowa, żebra	gruczoł mleczny (u kobiety i świni)
Р. Дерксен (Derksen 2008: 429; 193)	chest, breast	breast
Slovenski lingvistični atlas (SLA 1.2: 130)	—	(oprsno) okostje

Как несложно заметить, приведённые в таблице значения серьёзно противоречат друг другу. Мы попробуем предпринять собственную попытку реконструкции семантики. Проанализируем для этого имеющийся материал.

2.2. Восточнославянский ареал

Насколько мы можем судить, первоначально в древнерусских памятниках слово *ръrsi* использовалось чаще, чем *grǫdi*. Во всяком случае, в древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (XI–XIV вв.) по состоянию на середину августа 2019 года имеется всего одно вхождение слова *grǫdi* (Александрия, список последней трети XV в.) и 24 вхождения форм слова *ръrsi* ~ *ръrsi* (как в церковнославянских, так и собст-

венно древнерусских памятниках; (ДПНКРЯ)³. Позднее частотность форм *grǫdi* и *grǫdy* значительно возрастает (по данным старорусского подкорпуса СПНКРЯ), и постепенно они начинают вытеснять *persi*.

В современных русских говорах континуанты формы *ръrsi представлены слабо. В Словаре русских народных говоров мы находим лишь три фиксации. Первая, из рязанских говоров, дана с опорой на третье издание словаря Даля: *пёрси* (мн.) — внутренние органы, расположенные в груди; лёгкие с контекстом «Кто курит, говорят, на перси садится (дым от папирос)» (СРНГ 26: 288). Вторая фиксация — *персь* (ж.) «грудь лошади» относится к смоленским говорам (СРНГ 26: 288), третья, *пёрша*⁴ (ж.) и *першá* (ж.) «грудь человека и лошади» — к псковским (Островский уезд, 1904–1918 и Пушкиногорский район, 1929) (СРНГ 26: 296).

Общеславянский лингвистический атлас также фиксирует формы *'p'er's'i* и *'p'ers'i* (без указания значения) всего в трёх русских пунктах на территории Смоленской и Брянской областей (ОЛА СФГ 3, карта 1).

В то же время в сибирских говорах мы находим *попёрсь* ~ *пóпёрсье* ~ *попёрсник* «часть конской сбруи, накладываемая на грудь лошади; подпруга, при крутых подъёмах, пристёгнутая на грудь» (СРНГ 29: 311); *пáперсьень* ~ *пáперсь* «грудной ремень в сбруе лошади, идущий от передней луки седла и не позволяющий седлу сползнуть назад»; *пáперсь* «нагрудник для тепла» (СРНГ 25: 205).

В современных белорусских диалектах, а также литературном языке основным обозначением груди является *plurale tantum grǫdzi* (СПЗБ 1: 484; Бялькевіч 1970: 139; Сцяшкóвiч 1983: 129; ТС 1: 229; Шатэрнік 1929: 71). Что касается континуантов *ръrsi, то в памятниках они фиксируются значениях «грудь человека» и «грудь животного», как в форме *persi* ~ *персьси*, так и инновативной *персти* (ЭСБМ 24: 250–251, 255). Континуанты *ръrsi имеют значение «конская грудь». Фонетика слова местами остаётся неизменной — *persi* (СПЗБ 3: 506), но в большей части ареала подверглась модификации — *пёрсьць* (Бялькевіч 1970: 325), *пёрсьць* (ТС 4: 24), *пёрсьці* (Кучук, Малюк 2000: 96; Сцяцко 1970: 123; Сцяцко 2005: 94; РСВ 2: 140; СПЗБ 3: 506; ТС 4: 24; Шаталава 1975: 134), *пёрсьні* и *пёрсьцьні* (ЭСБМ 10: 96).

Схожую ситуацию мы обнаруживаем и в украинских говорах: *пёрси* «грудь коня; грудь собаки» (Аркушин 2: 40), *пёрсьні* ~ *пёрсти* ~ *пёрсьці* ~ *спёрсьі* ~ *спёрсьці* «грудь коня» (Лисенко 1974: 158), *пёрста* «грудь коня» (Онишкевич 2: 57), *пёрса* ~ *пёрста* (Шило 2008: 197), *пёрса* «грудь коня» (Керча 2: 75).

Формы с -т- и -н- требуют особого пояснения. Предположение, что в данном случае имелось сближение с *perst* (ЕСУМ 4: 353), кажется безосновательным. В. Махек пытался наряду с *ръrsi реконструировать для праславянского также *ръrstь, указывая на санскритское *pr̥stīh* «ребро», немецкое *Brust* «грудь», а также чешскую диалектную форму *pr̥sotiny* (наряду с *pr̥sosiny* и *pr̥soviny*) «грудной ремень в сбруе лошади» (Machek 1968: 486). Однако *Brust* из этого сравнения следует исключить по фонетическим причинам, в *pr̥sotiny* можно вычленить распространённый суффикс -ot-, а одной лишь санскритско-белорусской параллели для реконструкции праславянского *ръrstь недостаточно. Локальность форм с -т-, которые не занимают всего белорусского и украинского ареала, говорит в пользу того, что это сравнительно поздняя инновация. Как нам кажется, -т- здесь вполне могло возникнуть вторично в результате сближения континуантов изначального

³ Приводимые в (СДЯ 2: 396) два примера на *grǫdy* из Григория Богослова слов 16 (XIV век) являются реминисценциями к церковнославянскому переводу Ветхого завета (см. ниже).

⁴ Псковское шоканье в данном слове отражено уже в XIV веке (СлРЯ 11-17 15: 16).

*ръrsi с многочисленными существительными на *-сть. Аналогию можно найти в русском просторечном *жисть* «жизнь», возникшем на основе формы (*жизнь* >) *жись*. *Персьцьні* и *персьні*, по всей вероятности, являются производными от *персьці*.

В другой части украинского ареала представлено иное сужение континуантов *ръrsi: «грудь» > «женская грудь», ср. *пёрси* (уст.) «женская грудь» (Негрич 2008: 132), *персы* «женская грудь» (Пиртей 2001: 284), *пёрсо* «женская грудь», *пёрсі* (поэт. уст.) «женская грудь» (Керча 2: 75).

Рисунок 1. Ареал континуантов *ръrsi в славянских языках по данным Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА СФГ 3, карта 1). Штриховкой отмечен ареал форм с вторичным -т-. Формы с -н- засвидетельствованы всего в двух пунктах в Черниговской области Украины: Савинки, (*'persn'i*) и Козари (*'perstn'i*).

Можно констатировать, что в восточнославянских языках мы наблюдаем вытеснение слова *перси* словом *грудь*. В части ареала континуанты *ръrsi исчезают полностью, в части можно наблюдать сужения значения до «внутренние органы, расположенные в груди», «грудь коня» и «женская грудь».

2.3. Болгаро-македонский ареал.

В старославянских текстах континуанты *grǫdъ отсутствуют, греческие στῆθος, στέρνον и μαστοί переводятся словом *ръysi* (plurale tantum женского или мужского рода) (SJS 3: 402).

В современных болгарском и македонском языках напротив, континуанты *ръysi почти полностью исчезли. Общеславянский лингвистический атлас отмечает форму *pr̥sje* только в одном македонском пункте — Лубанци (пункт 95) в северной Македонии, недалеко от границы с Сербией (ОЛА СФГ 3, карта 1). В данном случае это может быть сербохорватское заимствование — формы на *-j-* отмечаются в Призрене, также расположенном вблизи границы (см. ниже). Либо можно подозревать консервирующее влияние сербохорватского языка, которое не дало окончательно утратиться одной из конкурирующих форм, также как это произошло с названиями лёгких: в Македонии только в двух пунктах из сетки ОЛА мы находим старое название лёгких — *plūke* (наряду с полукалькой *beł žiger*; Теарце, пункт 93) и *p'luka* (наряду с калькой *drob*; Шлегово, пункт 98) (ОЛА СЛС 9, карта 53).

Кроме того, в центральной Болгарии сохранился топоним *Пърсите* (недалеко от города Стрелча) (БЕР 6: 102).

По мнению Е. Русека, болгарско-македонском ареале континуант *grǫdъ примерно с X века начинает вытеснять континуант *ръysi, причём *ръysi* якобы первоначально имело более разговорный, «народный» характер, а в среднеболгарский период этот процесс завершается (Rusek 1984: 42–45).

Сложно не согласиться с тем, что вытеснение слова *ръysi* словом *ръди* действительно было. Однако датировка и некоторые детали этого процесса не столь однозначны, как полагал Русек.

В частности, в качестве одного из аргументов он использует текст Шестоднева Иоанна Экзарха, где четыре раза встречается слово *ръysi* и лишь один раз *ръди*. Остановимся на этом моменте подробнее.

Контексты с *ръysi*⁵:

45б: и глава, и рамиѣ, и крилкѣ, и нозѣ, и перѣси, все ѡчестѣ исполнѣ башеть
«и голова, и плечи, и крылья, и ноги, и грудь, — все имеет глаза» (Баранкова, Мильков 2001: 359, 686);

167б: в насъ во плюща сътъ скважнѣтъты всѣ. гаже зѣтъты вѣнемлюща вгъздзхѣ сѣи и сквозѣ перѣси
«у нас есть легкие, наполненные пустотами (скважинами), которые через рот воспринимают воздух этот [и пропускают его] через грудь» (Баранкова, Мильков 2001: 514, 761);

239а: ѿ скровища во срѣчнаго плющами вгъспѣцаемо. вгъ перѣси, и вгъ гортань
«[нос] выдыхает воздух, выпускаемый легкими из глубины сердечной, через грудь и гортань» (Баранкова, Мильков 2001: 605, 803);

268а⁶: вѣ те же вѣбашете камени. на персехѣ. иереевахѣ
«Двенадцать камней было на груди иереевой» (Баранкова, Мильков 2001: 641, 819);

⁵ Русек в своей работе пользуется южнославянским списком памятника, в то время как мы приводим цитаты по более доступному нам восточнославянскому списку, изданному в (Баранкова, Мильков 2001). Лексической разницы в рассматриваемом в статье моменте между списками нет.

⁶ Отсылка к книге Исход, см. ниже.

Контекст с грѣди:

241а-б: а фораѣъ по въин по среднѣи странѣ имать. перѣвое грѣди. таче пото^и зтровѣ

«Грудная клетка ниже шеи в средней части имеет сначала грудь, потом живот» (Баранкова, Мильков 2001: 608).

Отметим важный момент: грѣди здесь выступают как часть «фѣраѣъ», которое с опорой как на его греческое значение (Liddel, Scott 1996: 814), так и на контекст следует понимать как «туловище» вопреки современному русскому переводу. Данное слово встречается в Шестодневе ещё несколько раз: 241а (2х) (Баранкова, Мильков 2001: 607, 803), 241б (Баранкова, Мильков 2001: 608, 804), 242б (Баранкова, Мильков 2001: 609, 805), 243а (Баранкова, Мильков 2001: 610, 805).

К сожалению, сложно делать какие-либо выводы на основании этого контекста, однако более чем вероятно, что на момент написания Шестоднева (начало X века) разница между прѣси и грѣди лежала в области семантики, и утверждать, что слово грѣди носило народный характер и начало вытеснять прѣси нельзя, вопреки мнению Русека. Вдобавок, как отмечает сам Русек, в текстах XII–XIV веков доминируют прѣси.

Теперь обратимся к церковнославянскому переводу Ветхого Завета. Можно заметить, что греческое στῆθος всегда переводится как прѣси, а στῆθύνιον — грѣди (таблица 2).

Таблица 2. Обозначения груди в масоретском тексте, Септуагинте, древнейших церковнославянских рукописях и Острожской библии. Материал рукописей взят из следующих источников: Бытие из издания Михайлова (Михайлов 1900–1908), Исход из издания Вилкул (Вилкул 2015), Левит и Числа из трёх рукописей⁷ — Тр.1 (Лаврское Пятикнижие; РГБ, ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 1: Пятикнижие, 1°, пергамен, кон. XIV — нач. XV в.), Арх. (Архивский Хронограф; РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), оп. 1, № 279: Хронограф, 1°, тр. четв. XV в.) и Григ.1 (западнoболгарский список; РГБ, ф. 87 (Собрание В. И. Григоровича), 1°, 1523–1543 гг.).

	масоретский текст	Септуагинта	ц.-сл. рукописи	Острожская библия
Бытие 3:14	גַּחַל (gəḥonəkā) «живот»	στήθει <...> κοιλία	прѣсеχъ <...> чрѣкѣ	пѣрсеχъ <...> чрѣкѣ
Исход 28:29	יָשָׁן (hošān) «нагрудник»	στήθους	прѣсеχъ	пѣрсеχъ
Исход 28:30	יָשָׁן	στήθους	прѣсеχъ	пѣрсеχъ
Исход 28:30	יָשָׁן	στήθους	прѣсеχъ	пѣрсеχъ
Исход 29:26	חֹזֶה (hāzā)	στηθύνιον	грѣди	грѣди
Исход 29:27	חֹזֶה	στηθύνιον	грѣди	грѣди
Левит 7:30	חֹזֶה	στηθύνιον	Тр.1 грѣдеχъ Арх. грѣдѣхъ Григ.1 грѣдѣ	грѣдечъ
Левит 7:31	חֹזֶה	στηθύνιον	Тр.1 грѣдечъ, грѣди Арх. грѣдѣ, грѣди Григ.1 грѣдѣ, лас.	грѣдечъ, грѣди
Левит 7:34	חֹזֶה	στηθύνιον	Тр.1 грѣди Арх. грѣди Григ.1 грѣди	грѣди
Левит 8:29	חֹזֶה	στηθύνιον	Тр.1 – Арх. грѣди Григ.1 лас.	грѣди

⁷ Извлечения из этих рукописей по нашей просьбе были любезно произведены А. И. Грищенко.

	масоретский текст	Септуагинта	ц.-сл. рукописи	Острожская библия
Левит 9:20	חֹזֶן	στηθύνια	Тр.1 – Арх. грѣди Григ.1 –	грѣди
Левит 9:21	חֹזֶן	στηθύνιον	Тр.1 – Арх. грѣди Григ.1 –	грѣди
Левит 10:14	חֹזֶן	στηθύνιον	Тр.1 – Арх. грѣди Григ.1 –	грѣди
Левит 10:15	חֹזֶן	στηθύνιον	Тр.1 грѣди Арх. грѣди Григ.1 –	грѣди
Левит 11:42	חַיִּוֹת (gāḥon) «живот»	κοιλίας	Тр.1 чрѣкѣ Арх. – Григ.1 чрѣкѣ	чрѣкѣ
Числа 6:20	חֹזֶן	στηθύνιου	Тр.1 грѣдеиць Арх. грѣдеиць Григ.1 грѣдѣ	грѣдеиць
Числа 18:18	חֹזֶן	στηθύνιον	Тр.1 грѣди Арх. грѣди Григ.1 грѣди	грѣди
Иов 39:20	—	στηθέων		перси
Притчи 6:10	—	στήθη		пръси
Притчи 24:33	—	στήθη		перъси
Даниила 2:32	חַדְדוֹהִי (ḥādohi)	στηθος		перси
Лука 18:13				перси
Лука 23:48				пръси
Иоанн 13:25				пръси
Иоанн 21:20				пръси
Апокалипсис 15:6				персець

В Септуагинте форма *στηθύνιον* употребляется только в одной категории контекстов — описании части барана (грудь и правое плечо), которые достаются Аарону и его потомкам при жертве всесожжения, и стабильно переводит еврейское слово *חֹזֶן* (во мн. ч. — *חֹזֶן*). Сложно точно определить, какое именно значение оно имело в эпоху создания Пятикнижия, однако это была съедобная часть туши, по-видимому, грудинка:

и грудь потрясения и плечо возношения ешьте на чистом месте (Левит 10:14).

Отметим также, что его арамейский этимологический дублет, *חַדְדוֹהִי*, в книге Даниила обозначает грудь истукана, то есть, человеческую, а не животного:

У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные (Даниила 2:32).

Что касается греческого *στηθύνιον*, это форма впервые зафиксирована у комика Эфиппа (IV в. до н.э.) (Liddel, Scott 1996: 1643). Лексикограф Фриних (II в. н.э.) осуждает использование этой формы, отдавая предпочтение другому диминутиву, *στηθήνιον* (Liddel, Scott 1996: 1643), в то время как его современник Поллукс разграничивает грече-

ские названия груди, включая *στηθύνιον*, следующим образом: τὸ δὲ στηθῶν μέσον στηθύνιον. ἐπὶ δὲ τοῖς στέρνοις μαστοί «Середина грудной клетки (στήθος) же — грудина (στηθύνιον). На груди (στέρνα) находятся соски (μαστοί)» Pollux (II, 162) (Bethe 1900: 133).

Также это слово появляется в надписях на камнях из Лаврейона (IG II² 1365 и 1366; конец II — начало III века н.э.). Помимо прочего они описывают порядок жертвоприношения Мену, богу Луны (Kloppenborg, Ascough 2011: 263–266):

ὅς ἂν δ[ὲ] πολυπραγμονήσῃ ἢ περιεργάσῃτα[ι], ἁμαρτίαν ὀφ[ει]λέτω Μηνὶ Τυράννω, ἣν οὐκ ἐξελάσεται. δίδότω κεφαλῆ<ν> καὶ πόδας <καὶ> στηθύνιον.

Anyone who is a busybody or meddles will incur sin against Men Tyrannos (“Absolute-Ruler”) that cannot be expiated. Let him give to the priest a head and feet and a breast.

τοῦ καθειδρυσάμενου τὸ ἱερόν· ἐὰν δὲ τις βιάσῃται, ἀπρόσδεκτος ἡ θυσία παρὰ τοῦ θεοῦ· παρέχειν δὲ καὶ τῶι θεῶι τὸ καθῆκον, δεξιὸν σκέλος καὶ δορᾶν καὶ κεφαλὴν καὶ πόδας καὶ στηθύνιον καὶ ἔλαιον ἐπὶ βωμὸν καὶ λύχνον καὶ σχίζας καὶ σπονδῆν, καὶ εὐείλατος

Nor shall anyone offer sacrifice without the permission of the founder of the sanctuary. If anyone does this by force, the sacrifice will be unacceptable to the god. The sacrificer shall provide what is prescribed for the god, a right leg, the skin, head, feet, breast, olive oil for the altar, a lamp, kindling, and a libation.

Согласно этим надписям в жертву богу приносятся несъедобные части животного за исключением бедра (σκέλος), что хорошо согласуется с греческой традицией жертвоприношений (см. (Ленская 2013: 317–318)).

Мы полагаем, что в тексте Септуагинты *στηθύνιον* могло иметь то же значение, что и у Поллукса, а также, возможно в надписях из Лаврейона, то есть, «грудина». Можно осторожно предположить, что при переводе Септуагинты вкралось некоторое изменение смысла: жертвоприношение по еврейскому образцу, когда Аарону отдаётся грудинка барана было заменено на жертвоприношение по греческой модели: жертвователю отдаёт только несъедобную грудину. Поскольку в еврейской традиции жертвы могут приноситься только в иерусалимском Храме, переводчики Септуагинты, жившие в Александрии, могли опираться на ту модель, которую видели собственными глазами, то есть, греческую.

Вероятно, первые славянские переводчики понимали разницу между *στήθος* и *στηθύνιον* (грудь и грудина) именно таким образом и последовательно передали её через противопоставление слов *пръси* и *грѣди*. На то, что *грѣди* могло означать именно грудину в противоположность *пръси* «грудь» указывают также процитированные выше контексты из Шестоднева.

То же соответствие мы находим в списке XI века Пандекта Антиоха⁸, где цитируются отрывки из Ветхого завета:

Слово 120; лист 271, строки 23-24: *принеси емѣ грѣди* (Левит 7:30) — *προσένεγκαι αὐτῶ τὸ στηθύνιον* (Migne 1860: 1808);

Слово 36; лист 84об, строка 7: *мало же объемиши рѣжками пръси* (Притчи 6:10) — *ὀλίγον δὲ ἐναγκαλίζη χειρὶ στήθη* (Migne 1860: 1549);

Слово 46; лист 103об, строки 18-19: *а мгытѡимыць выгаше пръси своѧ* (Лука 18:13) — *Ὁ δὲ τελῶνης ἔτυπεν τὸ στήθος αὐτοῦ* (Migne 1860: 1580);

⁸ Поиск по тексту памятника был осуществлён в электронной версии, созданной в рамках проекта Манускрипт (<http://www.manuscripts.ru>).

Слово 69; лист 145, строка 11: *нъ възшѣта своѣа рѣси* (Лука 18:13) — ἀλλά τύπτοντα τὸ ἑαυτοῦ στήθος (Migne 1860: 1636).

Можно смело утверждать, что столь ранняя фиксация является указанием на то, что это переводческое решение было применено уже в древнейшем старославянском переводе Ветхого завета.

2.4. Словенско-сербохорватский ареал

В словенском языке, как литературном, так и диалектном, грудь обозначается преимущественно континуантами *ръrsi (SLA 1, карта 47). Континуанты *grōdъ пережили сдвиг в сторону значения «ребро» в части каринтийских говоров (пункты SLA 013, 015, 016, 017, 019, 020, 024) (SLA 1, карта 46). Этот семантический дрейф является сравнительно старым, он зафиксирован уже в словаре 1603 года: *costa — grod* (Megiser 1603: 359). Затем мы обнаруживаем его в словарях Гутсманна («das Gerippe; скелет» — *hrod, hrodje, rebrouje* (Gutsmann 1789: 114)) и О. Цафа (*pod grodom* «unter den Rippen; под рёбрами») (Pleteršnik 1: 255).

Словарь Плетершника даёт также *grōd* (в словосочетании *skorčeva grod* «die Hammelbrust; баранья грудинка») и *grodi* (pl.) «die Brust; грудь»⁹ (М. Цигале, Ю. Хабделич, Državni zakonik).

Ситуация в сербохорватском языке довольно запутана и её точный анализ выходит далеко за рамки данной статьи, поэтому приведём лишь некоторые данные. П. Скок утверждал, что в настоящее время *grudi* ощущается как поэтическое слово (Skok 1: 627). Что касается ситуации в хорватском литературном, это действительно так (ср. *junačke grudi*), однако оно также употребляется для обозначения женской груди в качестве эвфемизма *sise* (М. Бенич, письменное сообщение).

На самом деле, положение дел разнится от диалекта к диалекту. В части говоров присутствуют только континуанты *ръrsi. По указанию М. Бенича, в говорах Осиека (штокавский) и Куклицы (чакавский) слово *grudi*, если и употребляется, то лишь под влиянием литературного языка, а обычным обозначением груди является *prsa* (n. pl.; Осиек) и *prsi* (m. pl.; Куклица). В призренском говоре, по описанию Т. Милославлевич, для обозначения груди используются формы *п̀рсје, п̀рсја* и турцизм *ѝ'џс* (< тур. диал. *cüks, cügüs*, соотв. лит. *göğüs* «грудь») (Милосављевић 2017: 60).

В некоторых говорах имеются оба слова с семантической дифференциацией между ними. По указанию многотомного издания *Rečnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, в западных хорватских говорах форма *grudi* обозначает грудь домашних животных, которых забивают на мясо, особенно коров (RHSJ 3: 478). Особо отметим форму *grūda* «грудина» с острова Брач (Skok 1: 627).

В части сербских и боснийских говоров *prsa* и *grudi* являются синонимами, см. следующие контексты:

Врдник, Воеводина: *Ўншлаг се мѣне на п̀рса дѣци м̀лој, — кад ѝма температ̀уру дѣте. Н̀ак^расѝ се на јѣдну к̀рпу (ракија) па се мѣтѣ дѣтѣту на гр̀уди* (Секулић 1981: 295). «Компресс кладут маленькому ребёнку на грудь, когда у ребёнка температура. Смачивается тряпка (в раки) и её кладут ребёнку на грудь».

Восточная Босния: *И[з]-Ср̀биѝ д̀ошла, Милѣна ми м̀ал̀а б̀ила и, да ѝзв̀инѝж, б̀ила ми на п̀рс^рма, на гр̀уд^рма.* (Реметић 2012: 502). «Когда я вернулась из Сербии, Милена у меня была маленькой и, прости, что скажу, я её кормила грудью».

⁹ Без контекста не вполне ясно, насколько широко понималось это слово.

По данным Общеславянского лингвистического атласа в ряде пунктов на территории Сербии континуанты *ръrsi утрачены, и отмечаются только континуанты *grǫdъ (см. рис. 1 выше). Эти пункты группируются на севере, востоке и юге Сербии: Јазак (пункт 54), Башайд (55), Неменикуће (63), Пљачковица (85), Доњи Душник (86), Кална (87), Јасеница (88). К ним также примыкает переселенческий говор села Клокотич в Румынии (168).

Эту картину можно дополнить данными диалектных словарей. Сплошной поиск в словарях говоров Црной Реки (Марковић 1–2), Црной Травы (Стојановић 2010) и тимокского говора (Динић 2008) показал, что в этих идиомах присутствует только форма *груди*, а *прса/прси* не появляются ни разу. В плане географии это очень хорошо соответствует картине, представленной в данных ОЛА.

Можно считать, что сербохорватский ареал является переходным между словенским и болгаро-македонским. В западной части сербохорватского ареала доминируют *ръrsi, а *grǫdъ почти исчезла, как в словенском, а в восточной части почти исчезли *ръrsi, осталась только *grǫdъ, как в болгарском и македонском. Закономерным образом, есть говоры, где присутствуют оба слова, выступающие как синонимы либо с некоторой семантической разницей.

2.5. Чехословацкий ареал

В чешском и словацком языках до сих пор сохраняются потомки обеих рассматриваемых нами лексем, однако в качестве основного обозначения груди выступают континуанты *ръrsi. Судя по памятникам, эта ситуация была характерна и для древнечешского языка. Так, поиск по Древнечешскому текстовому банку дал десятки вхождений форм *prsi* и *prs* и лишь несколько примеров на *hrudi* и производные (STB 2019). В последнем случае все вхождения из библейского текста, на котором следует остановиться поподробнее.

Первый чешский перевод полного текста Библии был осуществлён с латинского текста Вульгаты, поэтому сначала следует сказать несколько слов о Вульгате.

При переводе рассматриваемой нами лексики блаженный Иероним частично ориентировался на переводческие решения Септуагинты:

- ׀׀׀ «нагрудник» как в Септуагинте передаётся как «грудь», *pectus*;
- ׀׀׀ «живот» оба раза передано как «грудь», в отличие от Септуагинты;
- ׀׀׀ переведено по модели Септуагинты, диминутивом от «грудь», *pectusculum*, в 9 случаях из 12, хотя нужно подчеркнуть, что это не передаёт вышеописанной разницы между «грудью» и «грудиной» в греческом.

Важно отметить, что в отличие от Септуагинты, *pectus* не появляется там, где этого нет в масоретском тексте (Иов 39:20; Притчи 6:10; Притчи 24:33).

Чешский перевод был произведён в 50-е годы XIV века (Куас 1997: 51). Древнейшая рукопись, так называемая Дрезденская библия, погибла в годы Первой мировой и сейчас мы располагаем лишь третьей текста, которая была переписана или сфотографирована до войны. К сожалению, Пятикнижие утрачено полностью, поэтому мы работали с другим текстом первой редакции, Оломоуцкой библией, который на настоящий момент издан полностью (Куас 1981–2009).

Текст Оломоуцкой библии обычно передаёт *pectus* как *prsi*, а *pectusculum* как *hrudi*, что соответствует описанной выше ситуации в церковнославянском переводе. Мы полагаем, что это решение было сделано с оглядкой на церковнославянский текст, доступ к которому у чешских переводчиков, вероятно, имелся. Об опоре на церковнославянский

текст говорит также то, как переведены соответствия слова ἤπλ. В первый раз это «грудь» (Бытие 3:14), во второй — «живот» (Левит 11:42), подобно Септуагинте или церковнославянскому тексту, но не Вульгате (см. таблицу 3).

Таблица 3. Обозначения груди в Септуагинте, Вульгате, а также двух редакциях чешской библии. Формы из Оломоуцкой библии даны в модернизированной орфографии, согласно изданию; формы Пражской библии оставлены в оригинальной орфографии.

	Септуагинта	Вульгата	Оломоуцкая библия	Пражская библия
Ветхий Завет				
Бытие 3:14	στήθει <...> κοιλία	pectus	prsech	prsech
Исход 28:29	στήθους	pectus	prsech	prsech
Исход 28:30	στήθους	pectore	prsech	prsech
Исход 28:30	στήθους	pectore	prsech	prsech
Исход 29:26	στηθύνιον	pectusculum	hrudí	hrudi
Исход 29:27	στηθύνιον	pectusculum	hrudce	hrudi
Левит 7:30	στηθύνιου	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 7:31	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 7:34	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 8:29	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 9:20	στηθύνια	pectora	prsech	hrudie
Левит 9:21	στηθύνιον	pectora	prsi	hrudie
Левит 10:14	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 10:15	στηθύνιον	pectus	hrudi	hrudie
Левит 11:42	κοιλίας	pectus	břišě	prsech
Числа 6:20	στηθύνιου	pectusculum	hrudcě	hrudi
Числа 18:18	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Даниил 2:32	στήθος	pectus	prsi	prsy
Неканонические в православии книги Ветхого Завета				
Юдифь 3:11		pectoris	prsí	srđce
2-я Маккав., 3:19		pectus	prsech	prsy
Новый Завет				
Лука 18:13		pectus	prsi	prsy
Лука 23:48		pectora	prsi	prsy
Иоанн 13:25		pectus	prsech	prsech
Иоанн 21:20		pectus	prsech	prsech
Апокалипсис 15:6		pectora	prsí	prsech

Из трёх случаев, когда ἤπλ передаётся в Вульгате как *pectus*, а не *pectusculum*, Оломоуцкая библия дважды даёт *prsi*, коррелят *pectus*, и один раз *hrudí*, коррелят *pectusculum*, что, вероятно, связано с тем, что в латинском тексте двух соседних строках (Левит 10:14 и 10:15) один и тот же предмет назван по-разному, первый раз *pectusculum*, второй — *pectus*. По всей видимости, чешский переводчик просто устранил непоследовательность.

Из-за стремления передать диминутивную семантику латинского *pectusculum* в чешском тексте также дважды появляются формы *hrudce* и *hrudcě*.

То, что чешские переводчики обращались к церковнославянскому тексту, уже было ранее показано на новозаветном материале (Станковска 2015), однако для нашего исследования наиболее важно, что конкретное церковнославянское переводческое решение было с лёгкостью адаптировано чешскими книжниками. На наш взгляд, если бы церковнославянская семантика слов *prsni* и *grǫdi* серьёзно противоречила древнечешской, вряд ли бы чешские переводчики пошли на эту адаптацию: чешская библия первой редакции отличается высокой самостоятельностью и недословностью перевода¹⁰. Поэтому, хотя данный вопрос, конечно, нуждается в дополнительном изучении, это может служить аргументом в пользу того, что в древнечешском разница между *prsi* и *hrudi* в соответствии с вышеописанной разницей в церковнославянском тексте.

В 1488 году была напечатана так называемая Пражская библия, которая относится к четвёртой редакции. Текст в ней подвергся ревизии, и это хорошо видно также по рассматриваемым фрагментам: *pectus* единообразно передано словом *prsi*, а *pectusculum* — *hrudie* (Bible Pražská 1488).

Ещё одним источником, в котором можно встретить противопоставление *prsy* и *hrudie*, является чешский перевод трактата Гульельмо да Саличето, выполненный в XV веке и изданный в 1867 году К. Эрбеном.

К сожалению, у нас нет доступа к латинскому оригиналу трактата, а издание Эрбена снабжено лишь выписками отдельных фрагментов из оригинала, но имеющиеся данные позволяют утверждать, что латинское *thorax* стабильно переводится словом *hrudie*, а *pectus* — словом *prsy*.

Показателен следующий фрагмент:

<...> est cartilago, et durat longitudo illorum ossium cum contiguatione a piscide gullæ usque ad partem sub mamillis. Ibi in loco isto est os stomaci, propria seu inferior vacuitas pectoris. Et vocatur hæc longitudo cum contiguatione istorum ossium proprie *thorax*; compositio istorum ossium cum costis et spina posteriori *pectus* proprium vocatur (Erben 1867: 254–255).
A na konci té každé kosti jestiř křtálek a obratel těch kostí, spojením od lžičky neb pušky krkové, až málo do přehlbi pod cecky. A tu pak jsú na tom miestě ústa žalúdková, vlastnie aneb dolejšie paždnosť prsí, totiž dolejšie lžička prsnie. A sloveř ta dlúhosť spojením těch kostí vlastnie hrudie; ale složenie těch kostí (s) žebry a s chřbetnicí zadní vlastně slove prsy (Erben 1867: 208).

И на конце каждой из этих костей (= истинных рёбер, то есть, верхних семи пар — М.С.) находится хрящ и позвонок (= *грудина* — М.С.) этих костей, идущий от яремной впадины вплоть до части под сосками. А тут на этом месте находится вход в желудок, или нижняя грудная полость. И называется соединение этих костей *thorax/hrudie*, а соединение этих костей с рёбрами (ложными, нижними пятью парами — М.С.) и позвоночником называется *pectus/prsy*.

Разумеется, на основании этого отрывка нельзя делать далекоидущих выводов о семантике чешских слов, поскольку переводчик находился под давлением оригинала, однако выбор соответствий хорошо коррелирует с вышеописанными данными о разнице между *prsi и *grǫdi в южнославянских языках: *prsy* является более широким понятием (в других частях трактата оно обозначает также мягкие ткани, включая женскую грудь), в то время как *hrudie* — это часть грудной клетки.

¹⁰ Это можно наблюдать и на приводимом в статье материале. Как уже упоминалось ранее, во фрагменте из книги Левит (11:42), чешский текст соответствует церковнославянскому, а не латинскому, однако переводчик прекрасно себе представлял, что церковнославянское *чрѣво* соответствует чешскому *břicho/břich* «живот», а не *třevo/střevo* «кишка».

В современных чешских диалектах *hrud'* почти вытеснена формами *prsa* и *prsy*. Во всяком случае, в Архиве народного языка (Archiv lidového jazyka)¹¹ нам удалось найти всего три примера на *hrud'*: *hrud'* «грудная клетка» (Мистршице, Злинский край, 1963 г.); *zmáč sem tu hrud'* «я сжал его грудь» (Табор, Южночешский край, 1963 г.); *hrudi měl cely poráleny* «у него была обожжена вся грудь» (Липа-над-Орлицы, Краловеградецкий край, 1963 г.). Примеры на *prsa/prsy* при этом исчисляются десятками. Ситуация в литературном языке несколько более сложна, и её детальное описание выходит за рамки данной статьи.

2.6. Лехитский ареал

В настоящее время в лехитской подгруппе континуанты *grѣдь почти утрачены. Однако в Библии королевы Софьи (середина XV века), первом польском переводе всего текста Библии, который, к сожалению, сохранился не полностью, на месте чешского *hrudi* мы последовательно находим слово *grędzi* (SStp 2: 489). В более позднем переводе, Библии Леополиты (1561 год) его заменяют на *mostek* «грудина» (7x), *piersi* (2x) и *piersiczki* (3x).

Таблица 4. Обозначения груди в двух польских переводах Библии по сравнению с чешским переводом первой редакции (Małecki 1871; SStp 2: 489; Biblia Leopoldy 1561).

	Оломоуцкая библия	Библия королевы Софьи	Библия Леополиты
Бытие 3:14	prsech	pyerszach	piersiách
Исход 28:29	prsech		piersiách
Исход 28:30	prsech		piersiách
Исход 28:30	prsech		piersiách
Исход 29:26	hrudí		mostek
Исход 29:27	hrudce		piersi
Левит 7:30	hrudi	szędzy (*y grędzy)	piersiczki
Левит 7:31	hrudi	grędzy	piersiczki
Левит 7:34	hrudi	grędzy	piersiczki
Левит 8:29	hrudi	grędzy	mosthek
Левит 9:20	prsech		mostek
Левит 9:21	prsi		mostki
Левит 10:14	hrudi		mostek
Левит 10:15	hrudi		mostek
Левит 11:42	břišě		piersiach
Числа 6:20	hrudcě		piersi
Числа 18:18	hrudi	grędzi	mostek
Даниил 2:32	prsi		piersi
Юдифь 3:11	prsí	syercza	sercá
2-я Маккав, 3:19	prsech		piersi
Лука 18:13	prsi		piersi
Лука 23:48	prsi		piersi
Иоанн 13:25	prsech		piersiach
Иоанн 21:20	prsech		piersiach
Апокалипсис 15:6	prsí		piersi

¹¹ Доступ к Архиву был предоставлен нам сотрудницами Диалектологического отделения Института чешского языка Академии наук Чешской республики М. Ирейновой и С. Спинковой.

Из библейского текста слово *grędzi* попадает в так называемый Калишский маммот-рект 1471 года: *Mostek a. grandzy pectusculum* (SStp 2: 489).

Разумеется, такая семантика превосходно коррелирует с изложенными выше соображениями по поводу значения потомков *grǫdъ в церковнославянском и древнечешском.

Ф. Славский считал *grędzi* богемизмом, указывая на отсутствие этого слова в говорах (Sławski 1: 342), против чего говорит необходимость постулирования серьёзного пересчёта фонетики при заимствовании, что в целом для богемизмов в польском не очень характерно. Думается, что проще предположить, что старая форма *grędzi* в XVI веке вытесняется инновативным обозначением грудины, *mostek*. Кроме того, в современных польских говорах присутствует форма *gręda* «сосок у свиноматки» и «грузик на рыбацкой сети» (SGP 28: 148). Происходит некоторое смещение семантики континуантов *grǫdъ и *grǫzъ: *grązidło* «вымя у свиноматки» и «грузик на рыбацкой сети» (SGP 28: 135); *grąziel* «сосок у свиноматки» (SGP 28: 135).

2.7. Лужицкий ареал

В лужицких языках континуантов *ръrsi, насколько нам известно, не засвидетельствовано. В литературных языках существуют слова *hrudź* и *gruża* соответственно, однако в этом случае мы имеем дело с искусственными образованиями на основе чешского *hrud'*, в то время как в разговорном языке используется германизм *bróst/brost*. Данный германизм, в свою очередь, вытеснил некое более старое слово, вероятнее всего, *wutroba/wutšoba*, которое сейчас значит «сердце», но ранее могло обозначать именно грудь (Schuster-Šewc 5: 353; Stone 1993: 679).

2.8. Выводы о значении

У континуантов *ръrsi и *grǫdъ в историческом и современном славянском материале представлен не очень широкий ряд значений, большая часть из которых является очевидными поздними инновациями, обнаруживающимися на ограниченной территории. Широко распространены лишь два значения: «грудь» (максимально общее обозначение, без разделения по линиям мужская/женская, человеческая/животная или внешняя/внутренняя) и «грудина» или «грудинка». В роли названия груди в восточнославянском ареале и восточной части южнославянского выступают континуанты *grǫdъ, а в западнославянских языках (за исключением лужицких) и западной части южнославянских — *ръrsi.

Значения «грудина» или «грудинка»¹² отмечаются у потомков *grǫdъ в старославянском, древнечешском и древнепольском, а также в некоторых словенских и хорватских диалектах (однако в последнем случае это может быть результатом вторичного сдвига). Как уже было сказано ранее, чешские переводчики вряд ли бы стали применять решение, подсмотренное в церковнославянском тексте, если бы это шло вразрез с семантикой слова *hrudi* в древнечешском. Мы полагаем, что в этом случае мы имеем дело с сохранением древнейшего состояния, унаследованного из праславянского.

Таким образом, проанализированный материал приводит нас к выводу, что в праславянском слово *grǫdъ обозначало грудину, в то время как основным обозначением груди было слово *ръrsi.

¹² К сожалению, имеющиеся тексты не всегда позволяют разделять значения «грудина» и «грудинка», однако, исходя из этимологии слова *grǫdъ (см. далее), кажется более вероятным, что первична «грудина».

3. Реконструкция формы

3.1. *ръrsi

Данные древнейших письменных памятников указывают на то, что в праславянском форма *ръrsi была plurale tantum женского рода и изменялась по *-i-склонению¹³ (ср. (SJS 3: 402; СДЯ XI–XIV 9: 382–383; StčS; SStp 6: 101–102)), что идеально соответствует её ближайшему родственнику — лит. *pìršys* (f. pl.) «грудь лошади», а также предполагаемому этимологическому значению («рёбра», см. ниже).

В древнечешском фиксируются формы также двойственного числа (Gebauer 3-1: 397–398), однако они встречаются ощутимо реже, чем формы множественного, так что на основании этих данных вряд ли можно говорить о том, что в праславянском слово *ръrsi колебалось между дуалом и плюралом, вопреки предположению Б. Скалки (ESJS 12: 732).

В дальнейшей истории отдельных славянских языков число, род и тип склонения этого слова начинает меняться.

Так, если для литературного словенского и части словенских говоров характерна форма f. pl. *prsi*, то во многих говорах мы находим уже формы *prse* (f. pl.) с переходом в более продуктивный тип склонения и *prsa* (n.pl.) со сменой рода (SLA 1/47).

В хорватском говоре Куклицы *prsi* переходят в мужской род, в то время как в Осиеке функционирует форма среднего рода *prsa* (Мислав Бенич, письменное сообщение).

В древнечешском хоть и доминирует *-i-основа f. pl., уже довольно рано начинают появляться формы среднего рода (*ot prs, k prsom*) и *ā-основы (*na svých prsach choditi budeš*) (StčS 2019). В современном литературном чешском используются формы *prsy* (m.pl.) и *prsa* (n.pl.)¹⁴. В парадигму *prsa* вошла старая форма gen.-loc.du. *prsou*.

В древнепольском мы находим только формы *piersi, pirsy, pirsy* f. pl. (SStp 6: 101–102). В XVI веке уже появляются формы единственного числа (SP XVI 24: 90–94), которое в литературном языке сейчас является основным.

Таким образом, реконструкции, предполагающие форму единственного числа (*přsъ (Boryś 2005: 430); *přsъ (Bańkowski 1: 479); *ръrsъ (ЕСУМ 4: 353); *ръrsъ (Derksen 2008: 429)), необоснованны.

3.2. *grǫdъ

В случае с *grǫdъ довольно проблематично установить, была ли праславянская форма единственного числа или множественного. В церковнославянских памятниках преобладает множественное число, но в современном болгаро-македонском ареале можно встретить формы обоих чисел. В чешско-словацком и восточнославянском ареалах мы также сталкиваемся с конкуренцией плюрала и сингуляра. В словенском представлены формы единственного числа, а в сербохорватском — множественного.

Дрейф как в одну, так и другую сторону, вполне возможен. Смена единственного числа на множественное может быть объяснена уподоблением слову *ръrsi. Замена плюрала сингуляром была бы подобна случаю польского *piersь*, где по-видимому, возобладало восприятие этой части тела не как «составного», а как единого элемента.

¹³ Идентификацию затрудняет идентичность окончаний nom.-acc.pl. и nom.-acc.du. *-i-основ женского рода, которые в праславянском отличались друг от друга ударением, однако формы остальных падежей в данном случае не оставляют никаких сомнений.

¹⁴ В применении к одной половине женской груди употребляются также формы *pry* и *prso* единственного числа.

Исходя из восстановленной выше семантики («грудина»), мы отдаём предпочтение реконструкции формы единственного числа *grǫdь. Тем не менее, нельзя исключать, что уже в праславянском это слово могло использоваться и во множественном числе, обозначая при этом грудную клетку или грудинку.

4. Этимология

4.1. *rьrsi

Слово *rьrsi давно имеет консенсусную этимологию. Его связывают с лит. *piršys* (f. pl.) «грудь лошади» (шуточно также «женская грудь»)¹⁵, санскр. *pársuḥ* (f.) «ребро», авест. *parāsu-*, *parāsu-* «ребро», перс. *pahlū* «бок» осет. *fars* «бок, сторона», курд. *pārsū* «ребро» и др. иранскими формами. На основе этого сравнения восстанавливается праиндоевропейский корень *perǵ- (Miklosich 1886: 243; SJS 12: 732; Smoczyński 2019; Mayrhofer 2: 100-101; Абаев 1: 423; Цаболов 2: 104; Pokorný 1959: 820).

В связи с такой этимологией реконструируется первоначальное значение «окрестности рёбер, грудная клетка» ('*okolica žeber, klatka piersiowa*') (Boryś 2005: 430). Такое пра-значение объясняет, почему форма *rьrsi являлась *plurale tantum*.

Из всех авторов славянских этимологических словарей только Р. Дерксен отрицает связь славянского слова с санскритским (Derksen 2008: 429), уточняя, что семантический сдвиг «рёбра» > «грудь» возможен, однако проблему представляет наличие в балтославянских языках акута (Derksen 2014: 358).

Попытки привлечь к этому сравнению нем. *Brust* «грудь» (Machek 1968: 486) и лат. *pectus* «грудь» (Bańkowski 2: 558) необоснованны по фонетическим причинам. Сопоставление с греч. гом. πόρκης «копейное кольцо» (Bańkowski 2: 558) сомнительно. Сравнение *rьrsi с *rьrstь «палец» (см. (Wiedemann 1902: 229; Machek 1968: 487; Schuster-Šewc 15: 1137)) маловероятно по семантическим причинам.

В целом, соглашаясь с традиционной этимологией, отметим, что индоиранское значение континуантов *perǵ- совершенно необязательно отражает праязыковую семантику, поэтому мы не можем до конца быть уверены в том, что праславянский дрейф значения имел вид именно «рёбра» > «грудь».

4.2. *grǫdь

Лексема *grǫdь также обладает хорошей этимологией, его связывают с *gręda «балка, брус; насест; грядка» и *grǫdь «сухое возвышение на болоте». Часть учёных полагает, что *grǫdь является чисто славянским образованием, и искать для него внешние соответствия не имеет смысла (ЭССЯ 7: 149). При этом внутренняя форма *grǫdь восстанавливается следующим образом: «возвышение, выступающая часть тела» (ЭССЯ 7: 149; SP 8: 243); «нечто возвышающееся, выпячивающееся; бугор» (Черных 1: 222).

Тем не менее, разными исследователями было предложено множество кандидатов на роль таких соответствий, однако все они были подвергнуты критике:

- лат. *grandis* «большой» (Verneker 1: 356). М. де Ван указывает на то, что *grandis* не выводится из *g^{wh}rǫnd^h- фонетически, а также семантические различия между «большой» и «гордость», а также «большой» и «грудь» (de Vaan 2008: 270).

¹⁵ Нельзя не отметить, что литовские значения совпадают с тем, что мы находим в восточнославянских диалектах, в которых это, однако, вторичное сужение семантики.

- греч. βρένθος «вид птицы; гордость; дно, основание, могила; благовоние» (Osthoff 1894: 266). Р. Бекес, основываясь на аристотелевской форме βρένθος и, соответственно, чередовании е ~ і, считал слово βρένθος «вид птицы» субстратным заимствованием (Beekes 2010: 237–238).
- лит. *grandis* «звено; сырник» (Zubatý 1894: 393). Это слово соотносят с прусским *grandis* «кольцо» и латышским *gruods* «тугой» (Smoczyński 2019), далее возможно от *grend- «крутить» (Mažiulis 1: 398).
- греч. γρόνθος «сжатый кулак» (Zubatý 1894: 393). Однако в этом случае скорее выделяется формант -θος, как в μασθος «грудь», βρόχθος «глотка», κύσθος «*rudenda muliebria*» (Beekes 2010: 287).
- др.-ирл. *bruinne* «грудь», валл. *bryn* «холм» (Sławski 1: 324). Но здесь предпочтительнее видеть праформу *b^hrusnyo- (Vandryes 2: 104–105).
- арм. *argand* «матка» (Pedersen 1949: 1–2). В случае армянского слова это далеко не единственная из возможностей (Martirosyan 2010: 130–131).
- лит. *krūtis*, *krūtinė* «грудь», лтш. *krūtis* «грудь» (Отрембский 1954: 41–42; Шанский 4: 182). По очевидным причинам это невозможно фонетически, однако семантический сдвиг «возвышение» > «грудь», наблюдаемый в балтийских языках можно рассматривать в качестве параллели к истории семантики *grǫdъ (Berneker 1: 356).
- др.-ирл. *grúad* «щека» < *growdos- (Matasović 2009: 168; Matasović et al. 2016: 306) и др.-англ. *grēada* «лоно» (Skok 1: 627; Matasović 2009: 168; Matasović et al. 2016: 306). Проблематично как фонетически, так и семантически.

Мы склонны согласиться с ЭССЯ в том, чтобы признать *grǫdъ славянским новообразованием, однако полагаем, что семантически его следует соотносить в первую очередь не с *grǫdъ «сухое возвышение на болоте», а с *gręda «балка, брус; насест; грядка». Если первоначальным значением *grǫdъ было «грудина», то логично предположить, что внутренней формой этого слова было «балка (груды)». Похожую мотивацию можно обнаружить у польского *mostek* «грудина», а также сербохорватского диалектного *кобѝлка* «кормысло; балка крыши; грудина; кобылка музыкального инструмента» (Динић 2008: 339).

Таким образом, мы считаем, что *grǫdъ и *gręda являются параллельными образованиями от корня *g^hrend^h- (> лит. *grįsti* «мостить»).

5. Выводы

Проанализировав вышеописанный материал, мы пришли к следующим выводам:

- а) как *ръrsi, так и *grǫdъ надёжно реконструируются для праславянского.
- б) в отдельных славянских языках их судьба сложилась по-разному:
  - в болгаро-македонском и восточнославянском ареалах потомки *grǫdъ становятся основным обозначением груди, *ръrsi утрачиваются или почти утрачиваются;
  - в словенском и лехитском ареалах, наоборот, почти исчезают континуанты *grǫdъ;
  - в сербохорватском и чешско-словацком ареалах сохраняются оба слова, хотя в чешских говорах есть тенденция к утрате слова *hrudʹ*. В сербохорватском представлена ситуация, переходная между словенской и болгаро-македонской.
- в) уже в древнейшем старославянском переводе Ветхого завета греческому στήθος всегда соответствовало *ръrsи*, а στήθῦνιον — *гръди*.
- г) есть основания полагать, что в греческом в определённый момент времени στήθῦνιον стало обозначать грудину и/или грудинку.
- д) древнечешские переводчики Ветхого завета в своей работе в отдельных моментах опирались на церковнославянский текст.

е) между *ръrsi и *grōdъ в праславянском существовала семантическая разница. Старославянские, древнечешские и древнепольские данные говорят в пользу понимания *ръrsi как «грудь вообще», а *grōdъ как «грудина».

ж) внутренняя форма *grōdъ — «балка (груди)».

Безусловно, следует оговорить, что в дальнейшем привлечение новых диалектных данных, а также более тщательное изучение параллелей в церковнославянских и древнечешских переводах Библии могут бросить новый свет на рассматриваемую в статье проблему.

Литература

- Абаев, В. И. 1958–1989. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Тома 1–4. Москва/Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Аркушин, Г. Л. 2000. *Словник західнополіських говірок*. Томи 1–2. Луцьк: Вежа.
- Баранкова, Г. С., В. В. Мильков. 2001. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетейя.
- БЕР = *Български етимологичен речник*. 1971–2010. Томове 1–7. София: Издателство на Българската академия за науките.
- Бялькевич, І. К. 1970. *Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Вилкул, Т. Л. 2015. *Книга Исход. Древнеславянский полный (четый) текст по спискам XIV–XVI веков*. Москва: Квадрига.
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. 1982–2017. Выпускі 1–37. Мінск: Навука і тэхніка.
- Динић, Ј. 2008. *Тимочки дијалекатски речник*. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- ДПНКРЯ = Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка. Доступен онлайн по адресу: http://www.ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html.
- ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*. 1982–2012. Томи 1–6. Київ: Наукова думка.
- Керча, И. 2007. *Русинско-русский словарь*. Тома 1–2. Ужгород: Полипринт.
- Кучук, І. М., Малюк, А. К. 2000. *Палескі слоўнік. Лельчыцкі раён*. Мазыр: МазДПІ імя Н.К. Крупскай.
- Ленская, В. С. 2013. Жрец и жертвоприношение в древней Греции. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2: 315–330.
- Лисенко, П. С. 1974. *Словник поліських говорів*. Київ: Наукова думка.
- Марковић, М. 1986. Речник народног говора у Црној Реци. *Српски дијалектолошки зборник* 32: 243–500.
- Милосављевић, Т. 2017. Лексика српског призренског говора. *Српски дијалектолошки зборник* 64: 1–601.
- Михайлов, А. В. 1900–1908. *Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе*. Выпуски 1–4. Варшава: Типография Варшавского учебного округа.
- Негрич, М. 2008. *Скарби гуцульського говору: Березови*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
- ОЛА = *Обшеславянский лингвистический атлас*. Серия фонетико-грамматическая. Выпуски 1–6. Серия лексико-словообразовательная. Выпуски 1–10.
- Онишкевич, М. Й. 1984. *Словник бойківських говірок*. Томи 1–2. Київ: Наукова думка.
- Отрембский, Я. С. 1954. Славяно-балтийское языковое единство. *Вопросы языкознания* 6: 28–46.
- Пиртей, П. С. 2001. *Словник лемківської говірки*. Legnica — Wrocław.
- Реметић, С. 2012. Текстови из говора источнбосанских Ера. *Српски дијалектолошки зборник* 59: 485–637.
- РСВ = *Регіональні слоўнік Віцебшчыны*. 2012. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава.
- Саенко, М. Н. 2013. Реконструкция праславянского списка Сводеша. *Вопросы языкового родства* 10: 139–148.
- Секулић, Н. 1981. Збирка дијалекатских текстова из Војводине. *Српски дијалектолошки зборник* 27: 107–305.
- СДЯ = *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* 1988–2016. Тома 1–11. Москва: Русский язык.
- СЛРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1975–2015. Выпуски 11–30. Москва: Наука.
- СПНКРЯ = Старорусский подкорпус Национального корпуса русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. 1965–2017. Тома 1–50. Москва/Ленинград: Наука.
- СПЗБ = *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. 1979–1986. Томы 1–5. Мінск: Навука і тэхніка.

- Станковска, Петра. 2015. Взаимоотношения восточнославянской редакции Евангелия и старочешского перевода Библии. *Latorisy Akademii Supraskiej* 6: S. 19–29.
- Стојановић, Р. 2010. *Црнотравски речник*. Београд: Чигоја.
- Сцяшкoviч, Т. Ф. 1983. *Слоўнік Гродзенскай вобласці*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Сцяцко, П. У. 1970. *Дыялектны слоўнік. З гаворак Зэльвеншчыны*. Мінск: Выдавецтва БДУ.
- Сцяцко, П. У. 2005. *Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны*. Гродна: ГрДУ.
- ТС = *Тураўскі слоўнік*. 1982–1987. Томы 1–5. Мінск: Навука і тэхніка.
- Черных, П. Я. 1999. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Тома 1–2. М: Русский язык.
- Шанский, Н. М. 1963–2007. *Этимологический словарь русского языка*. Тома 1–10, Москва: Издательство Московского университета.
- Шаталава, Л. Ф. 1975. *Беларускае дыялектнае слова*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Шатэрнік, М. 1929. *Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны*. Мінск: Друкарня Беларускае акадэміі навук.
- Шило, Гаврило. 2008. *Наддністрянський регіональний словник*. Львів / Нью-Йорк: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
- Цаболов, Р. А. 2010. *Этимологический словарь курдского языка*. Тома 1–2. Москва: Восточная литература.
- ЭССЯ = О. Н. Трубачев и др. (ред.). *Этимологический словарь славянских языков*. 1974–2018. Выпуски 1–41. Москва: Наука.
- ЭСБМ = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. 1978–2017. Томы 1–14. Мінск: Беларуская навука.

References

- Abaev, Vasily I. 1958–1989. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka*. Vols. 1–4. Moskva/Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Arkushin, Grigori. 2000. *Slovnýk zakhidnopolis'kykh hovirok*. Tomy 1–2. Luc'k: Vezha.
- Bańkowski, Andrzej. 2000. *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Tomy 1–2. Warszawa: PWN.
- Barankova, Galina, Vladimir Mil'kov. 2001. *Shestodnev Ioanna ekzarha Bolgarskogo*. Saint-Petersburg: Aleteyya.
- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill.
- BER = *Bălgarski etimologichen rechnik*. 1971–2010. Tomove 1–7. Sofija: Izdatelstvo na Bălgarskata akademiya za naukite.
- Berneker, Erich Karl. 1908–1914. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bände 1–2. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Bethe, Ericus. 1900. *Pollucis Onomasticon e codicibus ab ipso collatis denuo edidit e adnotavit. Fasciculus prior*. Leipzig: B. G. Teubner Verlag.
- Bialkievič, Ivan K. 1970. *Krajovy slovník uschodniaj Mahiloŭshchyny*. Minsk: Navuka i technika.
- Bible Pražská*. 1488. Online version at: <http://www.digitalniknihovna.cz/cbvk/view/uuid:ed49f830-d293-11e3-816c-001b63bd97ba>.
- Biblia Leopoldy = *Biblia to iest Xięgi Starego y Nowego Zakonu*. 1561. Kraków. Online version at: <https://polona.pl/item/biblia-to-iest-xiegi-starego-y-nowego-zakonu-na-polski-iezuk-z-pilnoscia-wedlug,MTE2MzZmOTU/>.
- Boryś, Wiesław. 2005. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Chernyh, Pavel Ja. 1999. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. Vols. 1–2. Moskva: Russkij jazyk.
- Derksen, Rick. 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Derksen, Rick. 2014. *Etymological Dictionary of the Baltic inherited lexicon*. Leiden / Boston: Brill.
- Dinić, Jakša. 2008. *Timočki dijalekatski rečnik*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- DPNKRJa = *Drevnerusskij podkorpus Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka*. Online version at: http://www.ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html.
- Erben, Karel. 1867. *Saličetova Ranná lékařství*. Praha: Spolek českých lékařů.
- ESBM = *Etymatahičny slovník biełaruskaj mowy*. 1978–2017. Tomy 1–14. Minsk: Biełaruskaja navuka.
- ESSJa = Oleg N. Trubachev et al. (eds.). *Etimologicheskij slovar' slav'anskih jazykov*. 1974–2018. Vypuski 1–41. Moskva: Nauka.
- ESJS = *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. 1989–2018. Sešity 1–19. Praha / Brno: Academia; Tribun EU.
- ESUM = *Etymolohichnyy slovnýk ukrajins'koyi mowy*. 1982–2012. Tomy 1–6. Kyiv: Naukova dumka.
- Gebauer, Jan. 1894–1929. *Historická mluvnice jazyka českého*. T. 1–4. Praha, Vídeň: Nákladem F. Tempského.
- Gutsmann, Oswald. 1789. *Deutsch-windisches Wörterbuch: mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter, und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter*. Klagenfurt: Ignaz Aloys Kleinmayer.

- HSBM = *Historyčny sloŭnik biełaruskaj movy*. 1982–2017. Vypuski 1–37. Minsk: Navuka i tehnika.
- Kercha, Igor. 2007. *Rusinsko-russkij slovar'*. Toma 1–2. Uzhgorod: Poliprint.
- Kloppenborg, John S., Richard S. Ascough. 2011. *Greco-Roman associations. Volume I: Attica, Central Greece, Macedonia, Thrace*. Göttingen: De Gruyter.
- Kučuk, Ī. M., Maluk, A. K. 2000. *Paleski sloŭnik. Leľčycki rajon*. Mazyr: MazDPI imia N. K. Krupskaj.
- Kyas, Vladimir. 1997. *Česká bible v dějinách národního písemnictví*. Praha: Vyšehrad.
- Kyas, Vladimir. 1981–2009. *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká*. Praha: Academia.
- Lenskaya, Valeria S. 2013. Zhrec i zhertvoprinosheniye v drevney Grecii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 2: 315–330.
- Liddel, Henry G., Robert A. Scott. 1996. *Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.
- Lysenko, Panas S. 1974. *Slovyk polis'kykh hovoriv*. Kyiv: Naukova dumka.
- Machek, Václav. 1968. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- Małecki, Antoni. 1871. *Biblia królowej Zofii*. Lwów: Zakład narodowy im. Ossolińskich.
- Marković, Miodrag. 1986. Rečnik narodnog govora u Crnoj Reci. *Srpski dijalektološki zbornik* 32: 243–500.
- Martirosyan, Hrach. 2010. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden/Boston: Brill.
- Matasović, Ranko. 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, Boston: Brill.
- Matasović, Ranko, Tijmen Pronk, Dubravka Ivšić, Dunja Brozović Rončević. 2016. *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*. 1. svezak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Mayrhofer, Manfred. 1992–2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bände 1–3. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Mažiulis, Vytautas. 1988–1997. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. Keturi tomai. Vilnius: Mokslas.
- Megiser, Hieronymus. 1603. *Thesaurus Polyglottus*. Frankfurt.
- Migne, Jacques Paul. 1860. *Patrologiæ cursus completus. Series Græca*. Tomus LXXXIX. Paris: Garnier Frères.
- Mikhaylov, Alexander V. 1900–1908. *Kniga Bytija proroka Moiseja v drevneslav'anskom perevode*. Vypuski 1–4. Varshava: Tipografija Varshavskogo uchebnogo okruga.
- Miklosich, Franz. 1886. *Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumüller.
- Miloslavjević, Tanja. 2017. Leksika srpskog prizrenskog govora. *Srpski dijalektološki zbornik* 64: 1–601.
- Negrich, Mikola. 2008. *Skarby hucul's'koho hovoru: Berezovy*. L'viv: Īnstitut ukrayinoznavstva im. I. Kryp'yakevycha NAN Ukrayiny.
- OLA = *Obshch斯拉v'anskij lingvističeskij atlas*. Serija fonetiko-grammaticeskaja. Vypuski 1–6. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vypuski 1–10.
- Onyshkevych, Mikhailo J. 1984. *Slovyk boykivs'kykh hovirok*. Tomi 1–2. Kyiv: Naukova dumka.
- Osthoff, Hermann. 1894. Labiovelare Media and Media aspirata im Keltischen. *Indogermanische Forschungen* 4: 264–294.
- Otrębski, Jan S. 1954. Slav'ano-baltiškoe jazykovoje jedinstvo. *Voprosy jazykoznanija* 6: 28–46.
- Pedersen, Holger. 1949. V. sl. građi. *Lingua Posnaniensis* 1: 1–2.
- Pleteršnik, Maks. 1894–1895. *Slovensko-nemški slovar*. Dela 1–2. Ljubljana: Knezoškofijstvo.
- Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern/München: Francke Verlag.
- Pyrtey, Petro S. 2001. *Slovyk lemkiivs'koyi hovirky*. Legnica — Wrocław.
- Remetić, Slobodan. 2012. Tekstovi iz govora istočnobosanskih Era. *Srpski dijalektološki zbornik* 59: 485–637.
- RHSJ = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. 1880–1976. Knjige 1–23. Zagreb: U knjižarnici L. Hartmana.
- RSV = *Rehijanalny sloŭnik Vicebsčyny*. 2012. Vicebsk: VDU imia P.M. Mašerava.
- Rusek, Jerzy. 1984. *Studia z historii słownictwa bułgarskiego*. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk/Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich.
- Saenko, Mikhail N. 2013. Rekonstrukcija praslav'anskogo spiska Svodesha. *Voprosy jazykovogo rodstva* 10: 139–148.
- Schuster-Šewc, Heinz. 1978–1989. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*. Bände 1–24. Bautzen: Domowina-Verlag.
- Sciaškovich, Tatiana F. 1983. *Sloŭnik Hrodzienskaj vobłasci*. Minsk: Navuka i tehnika.
- Sciacko, Pavel U. 1970. *Dyjalektny sloŭnik. Z havorak Zelviensčyny*. Minsk: Vydavietva BDU.
- Sciacko, Pavel U. 2005. *Sloŭnik narodnaj movy Zelviensčyny*. Hrodna: HrDU.
- SDYa = *Slovar' drevnerusskogo jazyka XI–XIV vv*. 1988–2016. Toma 1–11. Moskva: Russkij jazyk.
- Sekulić, Nevenka. 1981. Zbirka dijalekatskih tekstova iz Vojvodine. *Srpski dijalektološki zbornik* 27: 107–305.
- SGP = *Słownik gwar polskich*. 1979–2018. Zeszyty 1–32. Wrocław/Warszawa/Kraków/Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN.
- Shanskiy, Nikolaj M. 1963–2007. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Toma 1–10, Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

- Shilo, Gavriilo. 2008. *Naddnistrians'kiy regional'nyy slovnyk*. L'viv / N'yu-York: Institut ukrayinoznavstva im. I. Kryp'yakevycha NAN Ukrainy.
- SJS = *Slovník jazyka staroslověnského*. 1958–1983. Díly 1–4. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- Skok, Petar. 1971–1973. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knjige 1–3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- SIRYa XI–XVII = *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* 1975–2015. Vypuski 11–30. Moskva: Nauka.
- SLA = *Slovenski lingvistični atlas 1. Človek (telo, bolezni, družina)*. 1.1. Atlas; 1.2. Komentarji. 2011. Ljubljana: Založba ZRC SAZU.
- Sławski, Franciszek. 1952–1982. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Tomy 1–5. Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego.
- Smoczyński, Wojciech. 2019. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Preprint. Available online at: <https://rromanes.org/pub/alii/Smoczy%C5%84ski%20W.%20S%C5%82ownik%20etymologiczny%20%C4%99zyka%20litewskiego.pdf>.
- SP XVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*. 1966–2016. Tomy 1–37. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich.
- SP = *Słownik Prastłowiański*. 1974–2001. Tomy 1–8. Wrocław, Warszawa/Kraków/Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich.
- SPNKRYa = *Staroruskij podkorpuz Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka*. Available online at: http://www.ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html.
- SPZB = *Slovník bieloruskich havorak paŭnočna-zachodniaj Bielarusi i jaje pahraničča*. 1979–1986. Tomy 1–5. Minsk: Navuka i tehnika.
- SRNG = *Slovar' russkih narodnyh govorov*. 1965–2017. Tomy 1–50. Moskva/Leningrad: Nauka.
- SStp = *Słownik staropolski*. 1953–2002. Tomy 1–11. Wrocław/Kraków/Warszawa: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN.
- Stankovska, Petra. 2015. Vzaimootnoshenija vostochnoslav'anskoj redakcii Evangelija i starocheshskogo perevoda Biblii. *Latopisy Akademii Supraskiej* 6: 19–29.
- STB 2019 = *Staročeská textová banka*. Available online at: <http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB>.
- StčS = *Staročeský slovník*. 2019. Available online at: <https://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx>.
- Stojanović, Radosav. 2010. *Crnotravski rečnik*. Beograd: Čigolja.
- Stone, Gerald. 1993. Sorbian. In: Bernard Comrie, Greville G. Corbett (eds.). *The Slavonic Languages*. London / New York: Routledge: 593–685.
- Šatałava, L. F. 1975. *Bielaruskaje dyjalektnaje slova*. Minsk: Navuka i tehnika.
- Šaternik, Mikola. 1929. *Krajovy slovník Červieňščyny*. Minsk: Drukarnia Bielaruskaje akademii navuk.
- TS = Kryvitski, A. A. (ed.). 1982–1987. *Turaŭski slovník*. Tomy 1–5. Minsk: Navuka i tehnika.
- Tsabolov, Ruslan L. 2010. *Etimologičeskij slovar' kurdskogo jazyka*. Tomy 1–2. Moskva: Vostochnaya literatura.
- de Vaan, Michiel. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden/Boston: Brill.
- Vendryes, Joseph. 1959–1978. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien*. Dublin/Paris: Dublin Institute for Advanced Studies, Centre national de la recherche scientifique.
- Vilkul, Tatiana L. 2015. *Kniga Iskhod. Drevneslav'anskij polnyj (chetij) tekst po spiskam XIV–XVI vekov*. Moskva: Kvadriga.
- Wiedemann, Oskar. 1902. Etymologien. *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen* 27: 193–261.
- Zubaty, Josef. 1894. Slavische Etymologien. *Archiv für slavische Philologie* 16: 385–425.

Mikhail Saenko. Proto-Slavic *pъrsi and *grǫdbъ: semantics and etymology.

The article looks at the semantic history of the Proto-Slavic words *pъrsi and *grǫdbъ. In modern Slavic languages their continuants compete for the role of the main word designating the human chest. The author provides a detailed description of this concurrence on the basis of dialectal and historical data. Semantic reconstruction demonstrates that even in the most ancient Old Church Slavonic translation of the Old Testament, Greek στῆθος 'breast' and στῆθύνιον 'breastbone' always corresponded to pъrsi and grǫdbъ respectively. A similar distribution of the words prsi and hrudi can be found in the first version of the Old Czech trans-

lation of the Bible. Since this kind of distribution cannot be derived from the text of the Vulgata, the author concludes that the Old Czech translators of the Bible must have referred to the Church Slavonic text. Analysis of Old Church Slavonic, Old Czech and Old Polish data supports the conclusion that the word **pъrsi* was the most general designation for 'breast' in Proto-Slavic, whereas **grъdbъ* denoted 'breastbone'. The latter meaning may be the result of an earlier metaphorical shift from the meaning 'beam'.

Keywords: Proto-Slavic language; Old Czech language; Old Church Slavonic; body part terms; historical semantics; lexical etymology.

О рефлексах праиндоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни

В статье исследуются рефлексы долгих слоговых сонантов в латыни. Согласно традиционным представлениям, сочетания $*\text{Ṛh}_1$, Ṛh_2 , Ṛh_3 в латыни отражаются как $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$, при сокращении долгот – как al , ar , an , am . Однако существует значительное количество форм, которые на месте закономерных Ṛh_1 , Ṛh_2 , Ṛh_3 имеют не эти, а другие рефлексы. Они обычно объяснялись через аналогию. С. Г. Болотов на основании ряда примеров показал, что закономерными рефлексами также являются $\bar{l}\bar{e}$, $\bar{r}\bar{e}$, $\bar{n}\bar{e}$, $\bar{m}\bar{e}$ и $\bar{l}\bar{i}$, $\bar{r}\bar{i}$, $\bar{n}\bar{i}$, $\bar{m}\bar{i}$. В статье показывается, что это наблюдение верно, рассматриваются два новых возможных примера на $\bar{l}\bar{i}$ < $*\text{Ṛh}$: gliscō ‘постепенно увеличиваться, усиливаться; разгораться’ и glis , gliris ‘соня, Sciurus glis’. Также на основании таких слов, как лат. glōs , glōris ‘золовка, сестра мужа’, flōs , flōris ‘цветок’ и т.д. делается вывод, что еще одним рефлексом $*\text{Ṛh}$ служит $\bar{r}\bar{o}$. Соответственно, для латыни можно предположить следующую схему рефлексации долгих слоговых сонантов: и.-е. $*\text{Ṛh}_1$ > лат. $\bar{R}\bar{i}$, $\bar{R}\bar{e}$, $\bar{R}\bar{a}$; и.-е. Ṛh_2 > лат. $\bar{R}\bar{a}$; и.-е. Ṛh_3 > лат. $\bar{R}\bar{o}$, $\bar{R}\bar{a}$.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык, латинский язык, долгие слоговые сонанты, изменения по аналогии, параллельные рефлексы.

В науке принято считать, что праиндоевропейские долгие слоговые сонанты $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{n}$, $*\bar{m}$ ($*\bar{R}$), являющиеся по своей сути сочетанием слогового сонанта с ларингалом, а именно $*\text{Ṛh}_1$, $*\text{Ṛh}_2$, $*\text{Ṛh}_3$, в латыни отражаются как $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$; схематически можно изобразить подобный переход как $*\text{CR}\bar{h}\text{C} > \text{CR}\bar{a}\text{C}$ (Schrijver 1991: 183; Sihler 1995: 102). На основании сравнения лат. $(g)n\bar{a}tus$ ‘сын’ с пелигнской формой CNATOIS dat. pl. ‘рожденным; детям’ < $*\hat{g}n\text{h}_1\text{-to}$ переход $*\text{CR}\bar{h}\text{C} > \text{CR}\bar{a}\text{C}$ реконструируется и для праиталийского состояния (Meiser 2017: 746).

У долгих сонантов есть также полученные при сокращении долгот рефлексы al , ar , an , am (Stolz 1894: 113–114; Болотов 2012: 90–92), признаваемые одними исследователями и отвергаемые другими. Для простоты изложения я пока не буду касаться сокращенных рефлексов и сосредоточусь только на тех, которые содержат в латыни долгий гласный.

Собрав весь доступный материал, П. Схрейвер (Schrijver 1991: 173–184) счел наиболее убедительными следующие 11 примеров перехода $*\text{CR}\bar{h}\text{C} > \text{CR}\bar{a}\text{C}$ (сохранена оригинальная нумерация примеров, принадлежащая автору книги):

3. clāmare ‘кричать’, clārus ‘ясный (изначально о звуках)’ < $*k\text{ḷ}h_1\text{-m-}$ и $*k\text{ḷ}h_1\text{-ro-}$, производящий корень $*k\text{le}h_1\text{-}$ ‘кричать’ (LIV²: 361–362);

5. crābrō ‘шершень’ < $*kr\text{Hs-}(r\bar{o}n)\text{-}$;

10. flāre ‘дуть, веять’ < $*b^h\text{ḷ}h_1\text{-}$, глагольный корень $*b^h\text{le}h_1\text{-}$ ‘выть, завывать > дуть, веять’ (LIV²: 87);

13. nāscō ‘рождать(ся)’ < $*\hat{g}n\text{h}_1\text{-s}\hat{k}e/o\text{-}$, глагольный корень $*\hat{g}n\text{h}_1\text{-}$ ‘рождать(ся)’ (LIV²: 163–165);

14. gnārus ‘сведущий; знакомый’ < $*\hat{g}n\text{h}_3\text{-ro-}$, глагольный корень $*\hat{g}n\text{eh}_3\text{-}$ ‘узнавать; знать (человека и т. п.)’ (LIV²: 168–170);

16. grānum ‘зерно’ < $*\hat{g}r\text{H-no-}$;

17. *grātus* ‘приятный, милый; благодарный’ < *g^wr̥H-to-, глагольный корень *g^werH- ‘выражать одобрение, почитание’ (LIV²: 210–211);

19. *lāna* ‘шерсть’ < *HulHn-eh₂;

20. *lātum* sup. от *ferō, ferre* ‘нести’ < *t̥l̥h₂-to-, глагольный корень *telh₂- ‘поднимать’ (LIV²: 622–623);

23. *plānus* ‘плоский, ровный’ < *p̥lh₂-no-;

28. *strātus* ‘посланный’, part. pf. p. от *sternō* ‘стлать, расстилать; распространять’ < *st̥r̥h₃-to-, глагольный корень *sterh₃- ‘расстилать, расширять’ (LIV²: 599–600).

Также он перечисляет пять возможных (possible) примеров и еще 12 неясных (uncertain), из которых целесообразно привести только первые:

1. *clādes* ‘несчастье, бедствие, ущерб’ < *k̥lh₂d^heh₁-;

2. *clām* ‘тайно, тайком’ < *k̥lh₂-m;

15. *grāculus* ‘галка’ < *gr̥h₁- ?

21. *plācāre* ‘успокаивать’ < *p̥lh₂-k-;

26. *rādīx* ‘корень’ < *wr̥(e)h₂d- (Schrijver 1991: 184).

Дальнейший разбор этих и некоторых подобных примеров с Rā можно найти в работах (Sihler 1995: 103–105; Болотов 2012: 85–90).

Необходимо сразу отметить, что в списке П. Схрейвера надежных примеров на переход *C₁h₁C > CRāC насчитывается всего три, хотя они и выглядят бесспорными (*clāmare, flāre* и *nāscō*), а случаев с переходом *C₁h₃C > CRāC всего два (*gnārus* и *strātus*).

При этом в латыни имеется значительное количество контрпримеров, т. е. форм, в которых с точки зрения морфологии ожидалось бы употребление нулевой ступени, но реальные рефлексы отличаются. Чаще всего они объясняются различными исследователями как исключения — рефлексы, полученные по аналогии (иногда во избежание омонимии с похожими формами).

Например, П. Схрейвер в главе, посвященной изучению рефлексов долгих слоговых сонантов, в небольшом разделе «1.3.3. Предполагаемый тройной рефлекс» разбирает три латинских примера — (*g*)*nōscō* ‘знакомиться, узнавать’ и (*g*)*nōtus* ‘известный, знакомый’; *plēnus* ‘полный’; и *sprētus*, part. pf. от *spernō, -ere* ‘отделять; отвергать’ (Schrijver 1991: 184). Следуя за М. Майрхофером, он объясняет (*g*)*nō-* в (*g*)*nōtus* как аналогическую полную ступень, взятую из перфекта или старого корневого аориста; ее появление при этом, по его мнению, скорее всего было обусловлено устранением нежелательной омонимии с праформами *gnāskō ‘рождаться’ > лат. *nāscor* и *(*g*)*nātus* ‘рожденный’ > (*g*)*nātus* ‘сын’ (Mayrhofer 1987: 103; Schrijver 1991: 184). Соответственно, в *plēnus*, как считает исследователь, отражена не закономерная для этой формы нулевая ступень *p̥lh₁-, а аналогическая полная ступень *pleh₁-, вновь появляющаяся для устранения омонимии с *plānus* ‘плоский, ровный’ (Schrijver 1991: 184). Наконец, *sprētus* получает свой вид вместо ожидаемого #*sprātus* < *spr̥h₁-to- уже по причине уподобления перфекту *sprēui* с целью большей унификации парадигмы (Schrijver 1991: 184).

Похожим образом проблему такого рода форм решает М. де Ван в «Этимологическом словаре латыни и других италийских языков»: он объясняет практически так же и форму (*g*)*nōtus*, и форму *plēnus*, и причастие *sprētus* (Vaas 2008: 414, 473, 580).

Подобных слов на самом деле больше: например, от глагола *terō, -ere* ‘тереть’, который восходит к корню *terh₁- ‘тереть’, образуется причастие *trītus* ‘тертый’. Оно должно отражать *tr̥h₁-to-, однако, если признавать закономерным переходом *R̥H > Rā, стоило бы ожидать отражения этой праформы в виде #*trātus*. Поэтому Э. Зилер считает формы *trītus* ‘тертый’ и перфект *trīui* неясными (Sihler 1995: 103), а П. Схрейвер предполагает для их трактовки наличие у этого корня немотивированного расширения *-i- (Schrijver 1991: 244–245); такое же мнение высказывается в (Vaas 2008: 616).

В статье «Троякое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни» С. Г. Болотов собрал подобные случаи и предложил альтернативную трактовку (Болотов 2012). Исследователь установил, что многие исключения относятся к одному морфологическому классу: это глаголы с V-корневыми перфектами на *-uī*, которые восходят к корням с конечным ларингалом и супин которых бывает как долгим, так и кратким: «количество гласного в Sup. зависит от двух факторов — морфологического (а именно, долготы сопоставлена Pts. с инхоативным *-sc-*) и фонетического (в самом деле, из неинхоативов долготу имеют либо корни, традиционно относимые к классу содержащих $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{n}$, $*\bar{m}$, либо такие, для которых придумываются различные морфологические ухищрения и многоступенчатые аналогические преобразования: группы 1 и 3)» (Болотов 2012: 92–94).

К группам 1 и 3 относятся такие глаголы, как *flēre* ‘плакать’ и *spernere* ‘отделять; отвергать’:

1) Inf. <i>flē-re</i>	Perf. <i>flē-uī</i>	Sup. <i>flē-tum</i>
3) Inf. <i>sper-n-e-re</i>	Perf. <i>sprē-uī</i>	Sup. <i>sprē-tum</i>

Полная таблица со всеми глаголами и их формами приводится в (Болотов 2012: 93–94).

В связи с этими наблюдениями исследователь предложил считать *Rī* и *Rē* такими же закономерными рефлексами сочетаний вида $*\bar{r}h$, как *Rā*. Он приводит следующие примеры для латинских рефлексов долгих слоговых сонантов вида *Rē* (Болотов 2012: 96–99):

- flētum* (Sup.; Perf. *flēuī* от *fleō*, *flēre* ‘плакать’) < $*b^h_1h_1$ -to-, ср. лит. *bilti*, *-sta* ‘говорить’;
- [dē-]lētum* (Sup.; Perf. *[dē-]lēuī* от *dēleō*, *dēlēre*) ‘уничтожать’ < $*(s)tv_1$ -to-, ср. лит. *tvilti* ~ *svilti* ‘тлеть, поджариваться’;
- plēnus* ‘полный’ < $*pl_1h_1$ -no- наряду с *[com-]plētum* (Sup.; Perf. *-plēuī* от *-pleō*, *-plēre* ‘наполнять’) < $*pl_1h_1$ -to-, ср. др.-инд. *pūrṇá-* ‘полный’;
- crētum* (Sup.; Perf. *crēuī* от *cernō*, *cernere* ‘разделять’) < $*kr_1h_1$ -to-, ср. праслав. $*\text{сър-т-а}$ ‘черта’, первоначально ‘межа’;
- crētum* (Sup.; Perf. *crēuī* от *crēscere* ‘расти’) < $*kr_1h_1$ -to-;
- crēber* ‘частый’ < $*kr_1h_1b^h$ -, ср. лит. *kirb(žd)ėti* ‘кишеть’;
- extrēmus* ‘крайний’ < $*eḡs-tr_1h_2$ -mo- от корня $*ter_2$ - ‘проходить, пересекать’ (LIV²: 633–634);
- frēnum* ‘уздечка, удила’ < $*d^h_1r_1h_2$ -no-, ср. лит. *dīrginti* ~ *dīrgyti* ‘дергать, раздражать, возбуждать’, рус. *дергать*;
- frētus* ‘полагающийся, доверяющий’ < $*d^h_1r_1h_2$ -to-, ср. лит. *dir̃ti* ‘обдирать’.
- postrēmus* ‘последний’ < $*post-r_1h_2$ -mo-;
- sprētum* (Sup.; Perf. *sprēuī* от *spernō* ‘отделять; отвергать’) < $*spr_1h_2$ -to-, ср. др.-инд. *sphurāti* VI ‘отталкивать(ся) ногой’;
- strēna* ‘предзнаменование’ < $*h_2str_1h_2(s)n$ -eh₂, ср. *stēlla* ‘звезда’ < $*stērlā$;
- strēnuus* ‘крепкий, сильный’; ‘бодрый; проворный; деятельный; беспокойный’ < $*str_1h_2$ -no-, ср. лит. *stīr̃nas*, *stīrnūs* ‘твердый, жесткий, черствый; тугой, плотный; упругий, пружинистый’ и др.-инд. *sthīrā-* ‘твердый, крепкий’;
- suprēm-us* ‘высший’ [? $*sup_1h_2m$ -os];
- nētum* (Sup; Pf. *nēuī* от *neō*, *nēre* ‘прясть’) < $*nē-je$ -si < $*snē-$ < $*sn_1h_1$ - ($*sn_1h_1$ -) ‘прясть’; *nētum* < $*sn_1h_1$ -to-. В настоящем времени может продолжать древний атематический презент $*sneh_1$ -ti (Schrijver 1991: 403–404; LIV²: 572).

На рефлексы долгих слоговых сонантов вида *Rī* С. Г. Болотов находит такие примеры (Болотов 2012: 100–101):

- clitellae* < $*cl_1$ -ter-l-āi ‘вьючное седло’ < $*kl_1$ -ter-leh₂-, ср. лит. *kilti* ‘подниматься, вставать; возвышаться’;

2. *crībrum* ‘сито, решето’ < *kr̥Hs-ro-, ср. греч. κρησέρα ‘сито (для просеивания муки)’ (Chantraine 1968–1980: II, 582d);

3. *crīnis* ‘волосы’, ‘щупальцы’ < *kr̥Hs-ni-, ср. лит. širỹs (4) ‘щетина’; рус. шерсть;

4. *prīmus* ‘первый’ < *pr̥H-mo-, ср. скр. pūrōá-; лит. pirmas первый;

5. *scrīnium* ‘ящик, ларец (для бумаг)’ < *skr̥Hs-ni-, ср. лит. skirti, -ia, skýrė ‘раз-, выделять, отводить (место)’ с такими именными производными в балтийских языках, как лит. skĩrsnis (1) и skiřsnis (2), skĩrsnỹs (4), -io m. ‘раздел, глава’; лтш. šķĩrst |s [šķĩrst̩s²] ‘сундук, ларь’;

6. *trītum* (Sup.; Perf. trīuī от ter-ō, -ere ‘тереть’) < *tr̥h₁-to-, ср. греч. τῖτραω ~ ᾠ, Aor. ἔτρησα ‘просверливаю’, τρητός ‘просверленный’ (Болотов 2012: 100–101).

Не все этимологии, приведенные С. Г. Болотовым, являются общепринятыми. Тем не менее, следующие 8 примеров бесспорны и консенсусны, для них исследователям приходится придумывать аналогические замены нулевой ступени полной и т. п.:

*Rē

1. *flētum* < *bʰl̥h₁-to- от *bʰleh₁-;

3. *plēnus* < *pl̥h₁-no-;

4. ¹*crētum* < *kr̥h₁-to-;

5. ²*crētum* < *kr̥h₁-to-;

11. *sprētum* < *spr̥H-to-

15. *nēt-um* < *sn̥h₁-to-;

*Rī

4. *prīmus* < *pr̥H-mo-;

6. *trītum* < *tr̥h₁-to-.

Здесь не может не броситься в глаза следующий факт: надежных случаев перехода сочетаний вида *Cṛh₁C и *Cṛh₃C в CRāC, которые были приведены выше, меньше, чем самых убедительных из собранных С. Г. Болотовым контрпримеров, то есть таких слов, в которых последовательность *CṛHC отражается каким-то иным образом, нежели CRāC. Более того, многие контрпримеры относятся к базисной и частотной лексике (достаточно упомянуть *plēnus* ‘полный’ и *prīmus* ‘первый’), а это само по себе снижает вероятность аналогического происхождения подобных слов и является дополнительным аргументом в пользу реконструкции С. Г. Болотова. И действительно, гораздо логичнее считать, что подобные случаи не вызваны различными аналогиями, а просто являются закономерными рефлексам, находящимися в до сих пор непонятном распределении с признаваемыми всеми рефлексам вида Rā; тогда целые классы одинаково устроенных форм получают единообразное толкование.

Представляется, что дополнительным аргументом в пользу правомерности рефлексов Rī и Rē могут служить другие убедительные этимологии, в том числе не связанные с группой глаголов, имеющих перфекты на -uī, ведь таких примеров, которые при этом консенсусно возводились к корням с ларингальным, в статье С. Г. Болотова практически нет, за исключением слова *prīmus* ‘первый’.

Я считаю, что есть еще как минимум два заслуживающих внимания возможных случая, где и.-е. *R̥h₁- дает Rī.

1. Латинский глагол *glīscō* ‘постепенно увеличиваться, усиливаться; разгораться’ традиционно, еще со времени А. Фика сравнивался с др.-инд. *jrāyati* ‘расширяется, распространяется’ и такими формами, как др.-инд. *jrāyas-* ‘расстояние; протянутая поверхность’ и авест. *zrayah-* ‘море’ (Fick 1874: 78; Forsmann 2004).

Исходя из предположения, что рассматриваемый корень *glī-* можно теоретически возводить к праформе вида *GṛH-, можно думать о реконструкции *gṛH-ske/o- < *gelH-

‘Macht bekommen über’ (LIV²: 185–186). Когнатами латинского слова в таком случае будут служить арм. *kalum*, аор. *kalaw* ‘хватать’ (также супплетивный аорист к *unim* ‘иметь; хватать’), лит. *galiù*, *galėti* ‘мочь’.

С точки зрения семантики можно отметить, что изначальным значением глагола могло бы быть ‘овладевать, усиливаться’, и оно хорошо подходит к многочисленным контекстам с огнем, которые, как установил К. Мусси, являются практически самыми древними (Moussy 1975: 51–53).

2. Слово *glis*, *gliris* ‘соня, Sciurus glis’ сравнивалось с древнеиндийскими формами *giri-*, *girikā-* ‘мышь’, которые засвидетельствованы только в лексикографических источниках, а также похожими формами в иранских языках, ормури *gilak* и бахтиари *girza* ‘крыса’ (Schrijver 1991: 242–243; Maqrhofer 1956–1980: 336). При этом ормури *gilak* может восходить к праформе *g_ǵda_{ka}-, имя деятеля от ир. *g_ǵd- ‘домогаться, желать’ (Ефимов 1985: 51; Ефимов 1986: 128). В любом случае, лат. *glis* однозначно связано с греч. *γαλέη* ‘ласка; куница’ (Beekes 2010: 257). В греческом можно напрямую реконструировать для *γαλέη*-праформу *g_ǵh₁-, аналогично и для латыни можно восстанавливать *g_ǵh₁-s, а не *g_ǵh₁-is, как это делается в Schrijver 1991: 242 на основании сравнения с плохо документированным др.-инд. *giri-* ‘мышь’.

Реконструкция *g_ǵh₁-s к тому же не противоречит морфологии: в латыни и не только встречаются корневые имена с нулевой ступенью, причем особо архаичные, ср. *cor*, *cordis* ‘сердце’ и т. д. В греческом же в *γαλέη*, выходит, наблюдается вторичная тематическая основа, заменившая древнее корневое имя.

Несмотря на то, что правомерность фонетического перехода *R̥H > лат. *Rē* и *Rī* представляется на основании приведенных данных надежно обоснованной, неясным остается распределение рефлексов.

С. Г. Болотов приводит таблицу со следующим распределением (Болотов 2012: 92):

и.-е.	лат.
*l̥ ₁ , *r̥ ₁ , *n̥ ₁ , *m̥ ₁ , < *lh ₁ , *rh ₁ , *nh ₁ , *mh ₁	<i>lī</i> , <i>rī</i> , <i>nī</i> , <i>mī</i>
*l̥ ₂ , *r̥ ₂ , *n̥ ₂ , *m̥ ₂ , < *lh ₂ , *rh ₂ , *nh ₂ , *mh ₂	<i>lē</i> , <i>rē</i> , <i>nē</i> , <i>mē</i>
*l̥ ₃ , *r̥ ₃ , *n̥ ₃ , *m̥ ₃ , < *lh ₃ , *rh ₃ , *nh ₃ , *mh ₃	<i>lā</i> , <i>rā</i> , <i>nā</i> , <i>mā</i>

Подобные выводы явно противоречат данным: очевидно, что надежные примеры как на *Rē*, так и на *Rī* восходят к праформам с первым ларингалом (*flētum* < *b^hlh₁-to-; *plēnus* < *pl̥h₁-no-; *1crētum* и *2crētum* < *kr̥h₁-to-; *prīmus* < *p_ǵh₁-mo-; *trītus* < *tr̥h₁-to- и т. д.), а большая часть слов, содержащих *Rā* – к праформам со всеми тремя ларингалами (см. выше список, составленный П. Схрейвером). Это распределение заставляет думать о том, что у *R̥h₃- мог бы быть еще один рефлекс.

Я полагаю, что есть три хороших примера, указывающих на возможность фонетического перехода *R̥h₃ > лат. *Rō*, который в таком случае параллелен переходу *R̥h₃ > греч. *Pω*.

1. Лат. *glōs*, *glōris* ‘золовка, сестра мужа’ родственно греч. *γαλώς* ‘золовка’, в котором, вероятно, корень *γαλό-* можно возводить напрямую к *g_ǵh₃-. Если это так, тогда и латинскую праформу для *glōs* допустимо реконструировать в виде *g_ǵh₃-s, что дает однозначное соответствие. Реконструкция *g_ǵh₃-wo- с суффиксом *-w- находит подтверждение в ст.-слав. *зълѡва* ‘золовка’ и арм. диал. *talw* наряду с формой *tal* ‘золовка’ (Martirosyan 2010: 596–597).

Даже в том случае, если исходная форма именно *γαλαϝ-ος < *g_ǵh₂-ōw-(o)s, как считает Р. Бекес на основании привлечения глоссы Гезихия *γαλαός* (Beekes 1976: 13–15; Beekes 2010: 259), все равно *glōs* удачнее всего трактуется как *g_ǵl̥-s (*g_ǵl̥H-s), иначе, как отмечается в Schrijver 1991: 131 и в Beekes 2010: 259, неясно отсутствие в латыни ларингала —

при реконструкции $*\hat{g}lh_2\text{-}\bar{o}w\text{-}s$ ожидаемым рефлексом должен быть $\#gal\bar{o}s$. Но реконструкция с $*h_3$ выглядит предпочтительной, поскольку опирается на более распространенную греческую форму.

2. Похожим по форме на $gl\bar{o}s$, $gl\bar{o}ris$ является лат. $fl\bar{o}s$, $fl\bar{o}ris$ ‘цветок’, родственное др.-англ. $bl\bar{o}wan$ ‘цвести’ < прагерм. $bl\bar{o}an\text{-}$, гот. $bl\bar{o}man$ ‘цветок’ < прагерм. $*bl\bar{o}man\text{-}$; др.-ирл. $bl\bar{a}th$, ср.-валл. $blawd$ ‘цветок’ (Kroonen 2013: 69–70). По данным германских и кельтских языков ясно, что необходимо реконструировать $*b^hlh_3\text{-}$, что делает возможной трактовку $fl\bar{o}s$ как $*b^hlh_3\text{-}s$ при признании закономерности фонетического перехода и.-е. $*lh_3 >$ лат. $l\bar{o}$. И в данном случае подобная реконструкция предпочтительнее, потому что ожидаемый рефлекс $*b^hlh_3\text{-}\bar{o}s$ — а именно такую праформу вынуждены реконструировать для объяснения в этом слове $\bar{o}$ — $\#fal\bar{o}s$ (Schrijver 1991: 131).

3. $(g)n\bar{o}tum$ (Sup.; Pf. $(g)n\bar{o}i\bar{i}$ от $(g)n\bar{o}sc\bar{o}$, $(g)n\bar{o}scere$ ‘знакомиться, узнавать’), на мой взгляд, допустимо возводить напрямую к $*\hat{g}nh_3\text{-}to$, а соответствующий презенс — к $*\hat{g}nh_3\text{-}s\bar{k}e/o\text{-}$.

Для этого глагола непонятна имеющаяся вариативность с такими формами, как $gn\bar{a}rus$ ‘сведущий, знающий; знакомый’, также не объясняется наличие сокращенных вариантов супина вроде $co\text{-}gn\bar{i}\text{-}tum < *co\text{-}gn\bar{o}\text{-}tum$ (или $*co\text{-}gn\bar{a}\text{-}tum$). С другой стороны, при традиционной трактовке имеются ровно те же проблемы.

Также имеет смысл перечислить более сомнительные случаи.

Во-первых, к $gl\bar{o}s$ и $fl\bar{o}s$ может примыкать слово $m\bar{o}s$, $m\bar{o}ris$ ‘нрав, обычай’, если оно связано с греч. $\mu\bar{\omega}\mu\alpha\iota$ ‘стремиться, добиваться’ (Walde 1938–1956: 115) или образовано от омонимичного корня вида $*meh_3\text{-}$ с неизвестным значением.

Заслуживает внимания в этой связи и лат. $gl\bar{o}ria$ ‘слава’. Данное существительное не имеет убедительной этимологии (Walde 1938–1956: 609–610; Ernout & Meillet 2001: 277; Vaan 2008: 265–266). Предположение Ф. Рибеццо о диссимиляции из $*gr\bar{o}\text{-}ria < *gn\bar{o}\text{-}ria < *\hat{g}neh_3\text{-}ro\text{-}$ представляется маловероятным ввиду существования $gn\bar{a}rus$ ‘сведущий, знающий; знакомый’, в котором подобная диссимиляция не происходит (Ernout & Meillet 2001: 277). Можно думать о возведении этой лексемы к незасвидетельствованному $*gr\bar{o}rus < *g^wrh_3\text{-}ro\text{-}$ или $*gr\bar{o}\text{-}s < *g^wrh_3\text{-}s$ (?) от корня $*g^werH\text{-}$ ‘выражать одобрение, почитание’ (LIV²: 210–211), который должен в таком случае реконструироваться с третьим ларингальным. При принятии этой этимологии в латыни снова будет наблюдаться существование параллельных форм с рефлексом вида $R\bar{a}$ и рефлексом вида $R\bar{o}$, аналогичное наличию этимологически связанных форм $n\bar{o}scere$ ‘знакомиться, узнавать’ и $gn\bar{a}rus$ ‘сведущий, знающий; знакомый’, потому что есть лат. $gr\bar{a}tus$ ‘приятный, милый; благодарный’ $< *g^wrh_3\text{-}to\text{-}$ ($*g^wrH\text{-}to\text{-}$), производное от того же корня.

Наконец, представляется крайне сомнительной с семантической точки зрения, но формально возможной деривация $pl\bar{o}r\bar{a}re$ ‘горько плакать, отчаянно рыдать’ от $*plh_3\text{-}ro\text{-} < *pleh_3\text{-}$ ‘плыть, течь’ (LIV²: 485).

Итак, для латыни можно предположить следующую схему рефлексии долгих слоговых сонантов:

и.-е.	лат.
$*lh_1$ $*rh_1$ $*nh_1$ $*mh_1$	$l\bar{i}$, $r\bar{i}$, $n\bar{i}$, $m\bar{i}$ / $l\bar{e}$, $r\bar{e}$, $n\bar{e}$, $m\bar{e}$ / $l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$
$*lh_2$ $*rh_2$ $*nh_2$ $*mh_2$	$l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$
$*lh_3$ $*rh_3$ $*nh_3$ $*mh_3$	$l\bar{o}$, $r\bar{o}$, $n\bar{o}$, $m\bar{o}$ / $l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$

Как уже говорилось в начале статьи, случаи с сокращенными рефлексивами не учитываются. Дополнительные рефлексивы и для них приводятся в работе С. Болотова (2014), но ситуация куда менее ясная.

Из таблицы следует, что имеются параллельные рефлексы; более того, при обращении к конкретному языковому материалу выясняется, что в латыни есть несколько дублетов вида $R\bar{i}$, $R\bar{e}$, $R\bar{o}$ / $R\bar{a}$.

1. *flētum* (Sup.; Perf. *flēuī* от *fleō*, *flēre* ‘плакать’) < *b^hl_{h1}-to- / *flātum* (Sup.; Perf. *flāuī* от *flō*, *flāre* ‘дуть, вейть’) < *b^hl_{h1}-to-.

Данные два слова признаются происходящими от одного корня в том числе в работах (Schrijver 1991: 402–403; LIV²: 87; Vaan 2008: 226–227); впрочем, М. де Ван рассматривает возможность разделения двух слов ввиду значительной семантической дистанции.

2. (*g*)*nōtus* ‘известный, знакомый’, (*g*)*nōtum* (Sup.; Pf. (*g*)*nōiī* от (*g*)*nōscō*, (*g*)*nōscere* ‘знакомиться, узнавать’) < *ǵn_{h3}-to- / *gnārus* ‘сведущий, знающий; знакомый’ < *ǵn_{h3}-ro-.

3. *glōria* ‘слава’ < *grō-ria < *g^wr_{h3}-ro- или *grō-s- < *g^wr_{h3}-s- (?) от *g^wer_{h3}- ‘выражать одобрение, почитание’ / *grātus* ‘приятный, милый; благодарный’ < *g^wr_{h3}-to-.

На данном этапе причина такой параллельной рефлексии представляется загадочной. Очевидно, что какое-то фонетическое объяснение ему трудно предложить. Однако попытки ученых объяснять все формы, рассмотренные в этой статье и в работе Болотов 2012, аналогиями, морфологическими перестройками и различными специальными фонетическими правилами выглядят менее привлекательными.

Литература

- Болотов, С. Г. 2012. Тройное отражение долгих слоговых сонантов в латыни. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI*: 84–107.
- Болотов, С. Г. 2014. Тройное отражение долгих сокращенных слоговых сонантов в латыни. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVIII*: 40–51.
- Ефимов, В. А. 1985. Ударение в языке ормури. *Иранское языкознание. Ежегодник-1981*: 31–64.
- Ефимов, В. А. 1986. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. Москва: Наука.

References

- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden/Boston: Brill.
- Bolotov, Sergei G. 2012. Trojakoje otrazhenie dolgix slogovyx sonantov v latyni. *Indoeuropejskoje jazykoznanie i klassičeskaja filologija XVI*: 1011–1019.
- Bolotov, Sergei G. 2014. Trojakoje otrazhenie dolgix sokrasčennyx slogovyx sonantov v latyni. I. *Indoeuropejskoje jazykoznanie i klassičeskaja filologija XVIII*: 1011–1019.
- Chantraine, Pierre. 1968–1980. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I–IV–2. Paris: Éd. Klincksieck.
- Efimov, V. A. 1986. *Jazyk ormuri v sinkhronnom i istoričeskom osvesčenii*. Moskva: Nauka.
- Efimov, V. A. 1985. Udarenije v jazyke ormuri. *Iranskoje jazykoznanie. Ezhegodnik-1981*: 31–64.
- Ernout, Alfred, Antoine Meillet. 2001. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots*. Retir. de la 4e éd. augm. d’add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck.
- Fick, August. 1874. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. 3te umgearbeitete Auflage. Göttingen: Vandenchoeck & Ruprecht.
- Forssmann, Bernhard. 2004. Vedisch *jri* und lateinisch *gliscere*. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 68(1): 7–29.
- Kroonen, Guus. 2013. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden / Boston: Brill.
- LIV² = Rix, Helmut et al. (eds.). 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert.
- Martirosyan, Hrach. 2010. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- Mayrhofer, Manfred. 1956–1980. *Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. 4 Bde. Heidelberg: Carl Winter.
- Mayrhofer, Manfred. 1987. Die Vertretung der indogermanischen Laryngale im Lateinischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 100: 86–108.

- Meiser, Gerhardt. 2017. The phonology of Italic. In: J. Klein, B. Joseph, M. Fritz (eds.) *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*: 743–751. Berlin / Boston: De Gruyter Mouton.
- Moussy, Claude. 1975. Le sens de *gliscō*. *Revue de Philologie* 49: 49–66.
- Sihler, Andrew L. 1995. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford University Press.
- Schrijver, Peter. 1991. *The reflexes of the PIE laryngeals in Latin*. Amsterdam/Atlanta: Rodopi.
- Stolz, Franz. 1894. *Historische Grammatik der lateinischen Sprache*. 1 Bd.: *Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre*. [1] *Hälfte: Einleitung und Lautlehre*. Leipzig: Trübner, 1894.
- de Vaan, Michiel. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden / Boston: Brill.
- Walde, Alois. 1938–1956. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. Heidelberg: Carl Winter.

Artem A. Trofimov. On the reflexes of Proto-Indo-European long syllabic resonants in Latin

In this paper, I investigate the reflexes of long syllabic sonants in Latin. It is traditionally believed that the sequences $*\text{R}h_1$, $\text{R}h_2$, $\text{R}h_3$ normally yield Latin reflexes *lā*, *rā*, *nā*, *mā*, but are reflected as *al*, *ar*, *an*, *am* in cases of length shortening. However, there are numerous proto-forms with $*\text{R}H$ showing other reflexes. Researchers typically suggest that these cases are results of analogy; however, Sergei G. Bolotov, having analyzed these examples, has proven that *lē*, *rē*, *nē*, *mē* and *lī*, *rī*, *nī*, *mī* can also be considered regular reflexes. I provide additional evidence that this reconstruction is correct and consider two new examples for $\bar{l}i < *iH$: *gliscō* ‘to swell; to increase; to grow in power’ and *glīs*, *glīris* ‘dormouse, Sciurus glis’. In addition, based on such words as Latin *glōs*, *glōris* ‘sister-in-law, husband’s sister’, *flōs*, *flōris* ‘flower’ etc., I conclude that there is one more reflex of $*\text{R}H$, namely *Rō*. Therefore, it is possible to reconstruct the following rules for the development of long syllabic sonants: PIE $*\text{R}h_1 >$ Latin *Rī*, *Rē*, *Rā*; PIE $\text{R}h_2 >$ Latin *Rā*; PIE $\text{R}h_3 >$ Latin *Rō*, *Rā*.

Keywords: Proto-Indo-European, Latin language, syllabic resonants, analogical developments, parallel reflexes.